

ХАРУКИ МУРАКАМИ

Распахнуть окно – и повыкидывать все
к чертовой матери?
Лишь так и сможет начаться что-нибудь новое.
Лишь так – и никак иначе...

ДЭНС, дЭНС, дЭНС

Харуки Мураками

Дэнс, Дэнс, Дэнс

Серия «Крыса», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129245

Дэнс, дэнс, дэнс: роман / Харуки Мураками; (пер. с яп. Д. Коваленина).:

Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-32007-3

Аннотация

...И тут я наконец осознал: вокруг меня – кромешная тьма. Ни лучика света. Двери лифта все так же беззвучно затворились у меня за спиной, и эта тьма стала черной, как битумный лак. Я не различал даже собственных рук. Музыка тоже исчезла. В зябком воздухе едко пахло какой-то хиной.

И в этой кромешной тьме я стоял, не дыша, совершенно один.

«Дэнс, дэнс, дэнс» (1988) – заключительный роман культовой «Трилогии Крысы» классика современной японской литературы Харуки Мураками, начатой романами «Слушай песню ветра». «Пинбол 1973» и «Охота на овец».

Содержание

1	4
2	26
3	36
4	45
5	57
6	68
7	79
8	122
9	143
10	150
11	160
12	177
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Харуки Мураками

Дэнс, дэнс, дэнс

1

Март 1983 г.

Мне часто снится отель «Дельфин».

Во сне я принадлежу ему. По какому-то странному стечению обстоятельств я – его часть. И свою зависимость от него там, во сне, я ощущаю совершенно отчетливо. Сам отель «Дельфин» в моем сне какой-то искаженно-вытянутый. Очень узкий и длинный. Такой узкий и длинный, что вроде и не отель, а каменный мост под крышей. Фантастический мост, который тянется из глубины веков до последнего мига Вселенной. А я – элемент его мощной конструкции... И внутри кто-то плачет еле слышно. Я знаю – плачет из-за меня.

Отель заключает меня в себе. Я чувствую его пульс, ощущаю тепло его стен. Там, во сне, я – один из органов его огромного тела...

Такой вот сон.

Открываю глаза. Соображаю, где я. И даже говорю вслух. Где я? – спрашиваю сам себя. Вопрос, лишенный всякого

смысла. Задавай его, не задавай – ответ всегда известен заранее. Я – в своей собственной жизни. Вокруг – моя единственная реальность. Не то чтобы я желал их себе такими, но вот они – мои будни, мои заботы, мои обстоятельства. Иногда со мной рядом спит женщина. Но в основном я один. Ревущая скоростная магистраль за окном, стакан у подушки (с полпальца виски на доньшке), да идеально соответствующий обстановке – а может, и просто ко всему безразличный – пыльный утренний свет. За окном дождь. Когда с утра дождь, я не сразу вылезаю из постели. Если в стакане осталось вчерашнее виски – допиваю его. Наблюдаю за каплями, что срываются с карниза за окном, и думаю об отеле «Дельфин». Вытягиваю руку перед собой. Ощупываю лицо. Убеждаюсь: я – сам по себе, никакому отелю не принадлежу. Я НИЧЕМУ НЕ ПРИНАДЛЕЖУ. Но ощущение из сна остается. Там, во сне, попробуй я вытянуть руку вот так же – и огромное здание заходило бы ходуном. Точно старая мельница, к которой заново подвели воду, закрипело бы оно, заворочало вал за валом, шестеренку за шестеренкой – и всем корпусом до последнего гвоздя отозвалось бы на мое движение. Если прислушаться, можно даже различить, в какие стороны этот скрип разбегается... Я прислушиваюсь. И различаю чьи-то сдавленные рыдания. Из крошечного мрака доносятся они еле слышно. Кто-то плачет. Тихо и безутешно. Плачет и зовет меня.

Отель «Дельфин» действительно существует. Притулился

на углу двух убогих улочек в Саппоро. Несколько лет назад я прожил там целую неделю. Нет – попробую вспомнить точнее. Восстановить все в деталях... Когда это было? Четыре года назад. Еще точнее – четыре с половиной. Мне тогда не было и тридцати. Мы поселились там на пару с подругой. Собственно, она-то все и решила. Вот, говорит, здесь и поселимся. Дескать, мы просто должны поселиться именно в этом отеле – и ни в каком другом. Не потребуй она, мне бы и в голову не пришло останавливаться в таком странном месте.

То был обшарпанный, богом забытый отелишко: за неделю нашего пребывания там я встретил в фойе всего двух или трех человек – да и о них было крайне трудно сказать, живут они здесь или забежали на пять минут по делам. Судя по тому, что на доске за стойкой портье кое-где не доставало ключей, постояльцы у отеля «Дельфин» все же имелись. Немного. Совсем чуть-чуть. А поскольку телефон отеля мы нашли в справочнике большого города, подозревать, будто здесь вообще никто не останавливается, было бы просто странно. Но если, кроме нас двоих, здесь и жил кто-то, надо полагать, существа это были страшно робкие и забытые. Видеть мы их не видели, слышать не слышали и никакого их присутствия не ощущали. Разве только порядок ключей на доске у портье менялся день ото дня. Видимо, даже по коридорам они передвигались бледными теньями, затаив дыхание и прижимаясь к стенам. Лишь изредка тишину в здании нарушало громоухание старого лифта; но лифт замирал, и тишина об-

валивалась еще тяжелее, чем прежде...

Совершенно мистическое заведение.

При взгляде на него мне всегда казалось, будто передо мной ошибка мировой эволюции. Жертва зашедших в тупик генетических трансформаций. Уродливая рептилия, чей биологический вид долго мутировал не в том направлении – слишком долго, чтобы теперь меняться обратно. В результате же все особи этой ветви повымирали, только одна осталась в живых – и громоздилась теперь, сиротливая и неприкаянная, в угрюмых сумерках нового мира. Жестокого мира, где даже Время от нее отреклось. И обвинять в этом некого. Нет виноватых – и совершенно нечем помочь. Потому что с самого начала не надо было устраивать здесь отель. С этого, самого главного промаха все и пошло вкривь да вкось. Как сорочка, которую застегнули не на ту пуговицу, и она совсем немного перекосилась. Любые попытки исправить этот маленький перекос приводят к такому же легкому, почти элегантному беспорядку еще где-нибудь. И так, понемногу, вся сорочка оказывается перекошенной, с какой стороны ни смотри... Бывает на свете такая особая перекошенность. Если часто смотреть на нее, голова привыкает произвольно клониться вбок. Вроде никаких неудобств: наклон очень слабый, всего в несколько градусов. Легкий, естественный наклон головы. Привыкнешь – и можно вполне уютно жить на свете. Если, конечно, не обращать внимания на то, что весь остальной мир воспринимается под наклоном...

Именно таким был отель «Дельфин». Его убогость, как и обреченная готовность в любую секунду провалиться сквозь землю от всех нелепостей, скопившихся в нем за десятки лет, бросались в глаза любому. Жутко тоскливое заведение. Тоскливое, как колченогая псина под январским дождем. Конечно, на свете нашлось бы немало отелей еще тоскливее этого. Но даже поставленный с ними в ряд, отель «Дельфин» смотрелся бы по-особому. Тоска была заложена уже в самом проекте здания. И от этого становилось тоскливей вдвойне.

Стоит ли говорить: за исключением бедолаг, попавших сюда по ошибке или неведению, трудно было найти человека, который поселился бы в отеле «Дельфин» добровольно.

На самом деле отель назывался несколько иначе. «Dolphin Hotel» – вот как это звучало официально. Но образ, рождаемый таким названием в моей голове, настолько отличался от того, чем приходилось довольствоваться в реальности – при словах «Dolphin Hotel» мне представляется роскошный сахарно-белый отель где-нибудь на побережье Эгейского моря, – что я про себя называл его просто «отель “Дельфин”». Как бы в отместку вывеске «DOLPHIN HOTEL», висевшей у входа. Без вывески догадаться о том, что перед вами отель, было бы невозможно. Но даже с вывеской здание никак не выглядело отелем. Больше всего напоминало оно музей. Хранилище каких-то особенных знаний, куда тихонько, чуть не на цыпочках, заходят особенные посетители и со специфическим любопытством в глазах разглядывают экс-

понаты, ценность которых понятна лишь специалисту...

Не знаю, казалось ли так же кому-нибудь еще. Но, как я выяснил позже, такое впечатление было не просто полетом моей фантазии. На одном из этажей здания действительно располагался архив.

Кто же захочет селиться и жить в таком месте? В музее с полуистлевшим хламом неизвестного назначения? В лавке старьевщика, где мрачные коридоры заставлены бараньими чучелами, в воздухе пыльными клочьями плавают овечья шерсть, а стены завешаны порыжевшими фотографиями? В мрачном склепе, где даже мысли людей, не найдя себе применения, скопились по углам засохшей грязью?

Вся мебель в отеле повыщвела, столы шатались, и ни одна дверь не запиралась как следует. Лампы едва горели – в коридорах висел густой полумрак. Вода из свинченных кранов в туалетах текла не переставая. Ожиревшая горничная (ноги как у слона) бесцельно шаталась по коридорам, чахоточным кашлем напоминая миру о своем существовании. Управляющий отелем, средних лет мужчина с жалобными глазами, самолично просиживал с утра до ночи за стойкой в фойе, и на руке у него недоставало двух пальцев. На его лице было ясно написано: за какое дело бы он ни взялся, ничего хорошего не получится никогда. То был классический представитель племени неудачников. Как если бы его поквасили сутки-другие в бочке с чернилами, затем отпустили – и как бедняга ни пытался потом отмыться, злая карма ошибок, провалов

и хронического невезения въелась в кожу голубовато-унылым оттенком и навеки осталась с ним. Этого типа явно стоило посадить под стекло и показывать школьникам на уроках естествознания. Под табличкой: «Человек, Безнадежный Во Всех Отношениях». Одним своим видом он вызывал у посетителей жалость – а некоторых, уверен, и раздражал (бывают люди, которые злятся, когда нужно кого-то жалеть)...

Ну кому взбредет в голову здесь селиться?

Но мы поселились. «Мы просто обязаны здесь поселиться!» – уговорила меня подруга. И вскоре исчезла. Как сквозь землю провалилась, оставив меня одного. Об этом мне сообщил Человек-Овца. «Девчонка ушла, – сказал он. – Девчонка должна была уйти»... Теперь-то я понимаю, что все это значило. Ее главной задачей было сделать так, чтобы я пришел сюда добровольно. И она блестяще сыграла свою роль. Роль указки Судьбы. Как реки Молдавии. Куда по ним ни сворачивай – все равно выплываешь к морю... Лежу и думаю об этом, глядя на дождь за окном. Думаю о Судьбе.

С тех пор как у меня начались эти странные сны, по утрам в голове так и вертится мысль о пропавшей подруге. С каждым утром все отчетливей кажется, будто я снова ей нужен – и что она зовет меня. Иначе с чего бы мне снился отель «Дельфин»?

«Подруга»... Я ведь даже имени ее не знаю. Прожили вместе несколько месяцев – а я так и не знаю о ней ни черта. Знаю лишь, что работала «девушкой по вызову» в дорогом

ночном клубе. Элитарном, с членской системой и респектабельными клиентами. Шлюха высшей категории. И кроме этого еще подрабатывала в нескольких местах. Днем правила тексты в небольшом издательстве, да время от времени подряжалась фотомodelью для рекламы женских ушей. Словом, жила очень наполненной жизнью. И, конечно, без имени никак не могла. Скорее всего, у нее было даже несколько разных имен. И в то же время – ни одного. На ее вещах – а она, понятно, старалась носить с собой только самый минимум – имени хозяйки не значилось. Ни проездного билета, ни водительских прав, ни кредиток я никогда у нее не видел. Постоянно с собой она носила только миниатюрный блокнотик, куда тоненькой ручкой заносила какую-то невразумительную цифирь – коды-шифры, понятные лишь ей одной. Во всей ее жизни со мной было совершенно не за что зацепиться... Не знаю: может, у шлюх тоже есть имена. Вот только живут они в том измерении, где имен не бывает.

Как бы там ни было, мне почти ничего о ней не известно. Откуда приехала, когда родилась, сколько лет на самом деле – не имею ни малейшего представления. Как мимолетный дождик, она появилась вдруг и так же внезапно исчезла. Оставив лишь воспоминания...

Но в последнее время воспоминания эти становятся что-то слишком реалистичными. Странные вещи мерещатся мне. Будто это она, подруга, зовет меня из отеля «Дельфин» в моем сне. Будто я снова ей нужен. Но повстречаться мы мо-

жем, только если я приеду в отель. Там, в отеле «Дельфин», она плачет и ждет меня.

Наблюдаю за каплями. Прислушиваюсь к себе. Я чему-то принадлежу... Кто-то плачет и ждет меня... И то и другое воспринимается очень издалека. Словно происходит где-нибудь на Луне. Что ни говори, а сны – это сны. Как ни беги за ними вдогонку – не добежишь, не дотянешься.

Да и с чего бы кому-то из-за меня так убиваться?

И все-таки. Все-таки она меня ждет. Там, в одной из комнат отеля. Я и сам в душе хочу, чтобы так было. Я тоже хочу принадлежать ему – странному дому, в котором переворачиваются судьбы людей...

Однако вернуться в отель «Дельфин» – задача не из простых. Заказать по телефону номер, купить билет, прилететь в Саппоро – если бы все сводилось лишь к этому! Проблема поездки в отель «Дельфин» – в самом отеле «Дельфин». Вернуться туда – значит встретиться с теньями Прошлого. При одной мысли об этом я впадаю в меланхолию. Четыре года я, как мог, разгонял вокруг себя эти холодные мрачные тени. Но стоит вернуться в отель, и псу под хвост полетит вся та жизнь, которую я выстроил заново за эти четыре года, начав с нуля.

С другой стороны, не так уж и много я выстроил... Как ни смотри, почти все – бессмысленный мусор, хлам для уютного прозябания...

И все-таки – я сделал все, что мог. Собрал этот хлам, подо-

гнал половчее к реальности и к себе, слепил из своих куцых ценностей новое бытие... И что теперь – обратно в прежнюю жизнь без кола и двора? Распахнуть окно – и повыкидывать все к чертовой матери?

Хотя, в конечном итоге, лишь так и сможет начаться что-нибудь новое. Уж это я понимаю. Лишь так – и никак иначе...

Все еще лежа в кровати, я уставился в потолок и глубоко вздохнул. Плюнь, сказал я себе. Расслабься. Ни к чему эти рассуждения не приведут. То, что с тобой происходит, сильнее тебя. Рассуждай, не рассуждай – а начнется все именно с этого... Таков порядок. Хоть тресни.

Пора наконец представиться.

«Несколько слов о себе»...

В школе, помню, частенько приходилось этим заниматься. Из года в год, когда набирался новый класс, все выстраивались в линейку, и каждый по очереди выходил вперед и рассказывал о себе, как умеет. Я никогда не мог этого делать как следует. И дело тут даже не в умении. Само занятие казалось полным бредом. Что я вообще могу знать о себе? Разве то, каким я себя представляю, – настоящий я? Если собственный голос, записанный на магнитофонную пленку, получается странным, чужим, что говорить о картинках, которые мое воображение рисует с меня, перекраивая, извращая мою натуру, как ему заблагорассудится?.. Подобные мысли

всю жизнь копошились у меня в голове. И всякий раз, когда я знакомился с кем-то и приходилось рассказывать «что-нибудь о себе», я чувствовал себя, точно двоечник-прохиндей, исправляющий отметки в классном журнале. Колоссально неудобное ощущение... Поэтому я всегда старался не рассказывать о себе ничего, кроме голых фактов, которые не нужно ни комментировать, ни объяснять («держу собаку»; «люблю плавать»; «ненавижу сыр»; и так далее), – но в итоге мне все равно продолжало мерещиться, будто я рассказываю какие-то придуманные вещи о несуществующем человеке. И когда в таком состоянии я слушал рассказы других, казалось, что они тоже болтают не о себе, а о ком-то третьем. Что все мы живем в придуманном мире и дышим придуманным воздухом...

И все-таки придется что-нибудь рассказать... Только так все и может начаться – с болтовни о себе. С этого первого шага. Удачно ли, нет – рассудим после. Я сам рассужу, другие рассудят – сейчас неважно. Сейчас я должен болтать о себе. И при этом – помнить, о чем болтаю...

Сыр я теперь люблю. Когда полюбил – не помню; как-то само полюбилось. Собака моя простудилась под дождем и умерла от воспаления легких, когда я пошел в последний класс школы. С тех пор собак не держу. А плавать люблю и сегодня. Спасибо за внимание...

Но в том-то и беда: в реальной жизни так легко не отделаешься. Когда требуешь чего-то от жизни (а кто из нас от

нее не требует?) – жизнь автоматически запрашивает в ответ целую кучу дополнительной информации. Для построения расчета необходимо ввести больше данных. Иначе ответа не будет.

**ДАННЫХ НЕДОСТАТОЧНО. ОТВЕТ НЕВОЗМОЖЕН.
НАЖМИТЕ КЛАВИШУ СБРОСА.**

Нажимаю на «сброс». Экран пустеет. Люди в аудитории принимаются швырять в меня чем попало. «Болтай! Еще болтай о себе!..» Учитель недовольно сдвигает брови. Потеряв дар речи, я каменею у классной доски.

Нужно болтать. И как можно дольше. Удачно ли, нет – разберемся потом...

Иногда она приходит и остается на ночь. Утром завтракает вместе со мной, уходит на работу – и уже не возвращается. Имени у нее нет. Все-таки она – не главная героиня этой истории. Очень скоро она исчезнет из повествования навсегда, и, чтобы не запутывать себя и других, я не буду давать ей имя. Но я не хочу, чтобы думали, будто я ею пренебрег. Мне она всегда нравилась, и даже теперь, когда исчезла из моей жизни навеки, нравится ничуть не меньше.

В каком-то смысле мы с ней – друзья. По крайней мере, у нее есть все основания считать себя моим единственным другом. За исключением редких визитов ко мне, она живет с постоянным любовником. Работает в телефонной компании – составляет на компьютере счета за телефонные раз-

говоры. Подробнее о работе я не спрашивал, она не рассказывала. Но, думаю, что-нибудь в этом роде. Подсчитывает, кто сколько наговорил по телефону, выписывает квитанции и рассылает абонентам. Так что свои телефонные счета я всегда вынимаю из почтового ящика так, будто получил интимное письмо.

Совершенно отдельно от своей основной жизни она спит со мной. Два – ну, может, три раза в месяц. Меня она считает «человеком с Луны» или кем-то вроде этого. «Эй! А ты разве не вернешься к себе на Луну?» – хихикает она тихонько. В постели нагишом, всем телом прижимаясь ко мне. Сосками маленьких грудей упираясь мне в ребра. Так мы болтаем каждый раз, когда ночью вдвоем. За окном – несмолкающий гул магистрали. По радио – монотонный шлягер «Human League». «Лига Людей»... Ну и названьице. Какого черта так называть музыкальную группу? Все-таки раньше люди называли свои группы куда приличнее: «Imperials», «Supremes», «Flamingoes», «Falcons», «Impressions», «Doors», «Four Seasons», «Beach Boys»¹...

Я говорю ей об этом. Она смеется. Станный я, говорит. Что во мне странного – не понимаю. Сам я считаю себя нормальным человеком с самыми обычными мыслями в голове... HUMAN LEAGUE!

¹ «Имперские», «Высочайшие», «Фламинго», «Соколы», «Впечатления», «Двери», «Времена Года», «Пляжные Мальчики» (англ) – Здесь и далее прим. переводчика.

– Ужасно люблю, когда мы вдвоем, – говорит она. – Иногда бывает – так захочу к тебе, прямо сил нет! На работе, например...

– Хм...

– Иногда, – подчеркивает она. И потом молчит с полминуты. Заканчивается «Human League», начинается что-то незнакомое. – Вот в чем проблема-то... *Твоя* проблема, – продолжает она. – Мне, например, страшно нравится, когда мы вот так... Но быть с тобой каждый день с утра до вечера почему-то не хочется... Отчего бы, а?

– Хм, – повторяю я.

– То есть ты меня ни в чем не стесняешь, все в порядке. Просто... Когда с тобой, воздух вокруг становится каким-то тонким... разреженным, да? – Как на Луне.

– Что ж. Вот такой он, запах моей родины...

– Эй! Я не шутки шучу! – Она привстает на постели и заглядывает мне в лицо. – Я, между прочим, все это для тебя говорю... Много у тебя в жизни людей, которые бы говорили с тобой о тебе?

– Нет, – отвечаю я искренне. Кроме нее, больше нет никого.

Она снова ложится и прижимается грудью ко мне. Я ласкаю ей спину ладонью.

– В общем, вот так. Воздух с тобой очень тонкий. Как на Луне, – повторяет она.

– На Луне воздух вовсе не тонкий, – возражаю я. – На

Луне вообще воздуха нет. Так что...

— Очень тонкий!.. — шепчет она. Может, не слышит, что я говорю, может, просто не хочет слышать, не знаю. Но от ее шепота мне неуютно. Черт знает, почему. Есть в нем что-то тревожное. — А иногда и совсем истончается... И тогда ты дышишь вовсе не тем же воздухом, что я, а чем-то другим... Мне так кажется.

— Данных недостаточно... — бормочу я.

— В смысле — я о тебе ничего не знаю? Ты об этом, да? — спрашивает она.

— Да я и сам о себе ничего не знаю! — говорю я. — Ну правда. Я не в философском смысле, а в самом буквальном... Общая нехватка данных, понимаешь? По всем параметрам...

— Но тебе уже тридцать три, так?

Ей самой — двадцать шесть.

— Тридцать четыре, — поправляю я. — Тридцать четыре года два месяца.

Она качает головой. Потом выбирается из постели, подбегает к окну и отдергивает штору. За окном громоздятся бетонные опоры скоростной магистрали. В предрассветном небе над ними — белый череп луны.

Она — в моей пижаме.

— Эй, ты! Возвращайся к себе на Луну! — изрекает она, указуя пальцем на небеса.

— С ума сошла? Холодно же! — говорю я.

— Где? На Луне?

– Да я о тебе говорю! – смеюсь я. На дворе февраль. Она стоит у самого подоконника, и я вижу, как ее дыхание превращается в белый пар. Кажется, лишь после моих слов она замечает, что мерзнет.

Спохватившись, она мигом запрыгивает обратно в постель. Я обнимаю ее. Пижама на ней – холодная просто до ужаса. Она утыкается носом мне в шею. Нос ее тоже как ледышка.

– Уж-жасно тебя люблю, – шепчет она.

Я хочу ей что-то ответить, но слова застревают в горле. Я очень тепло отношусь к ней. В постели – вот как сейчас – мы отлично проводим время. Мне нравится согревать ее своим телом; гладить, едва касаясь, ее длинные волосы. Нравится слушать ее дыхание во сне, а утром – завтракать с нею и отправлять ее на работу. Нравится получать по почте телефонные счета, которые, я верю, она для меня составляет; наблюдать, как она разгуливает по дому в моей пижаме на три размера больше... Вот только чувству этому я никак не подберу определения. Уж конечно, это не любовь. Симпатией и то не назовешь...

Как бы это лучше назвать?

Так или иначе, я ничего ей не отвечаю. Просто ни слова на ум не приходит. И я чувствую, что своим молчанием чем дальше, тем большее задеваю ее. Она не хочет, чтобы я это чувствовал, но я чувствую все равно. Просто веду пальцами по нежной коже вдоль позвонков – и чувствую. Совершенно

отчетливо. Так мы молчим, обнявшись, и слушаем песню с неизвестным названием.

Внезапно – ее ладонь у меня в паху.

– Женись на хорошей лунной женщине... Сделайте с ней хорошего лунного ребеночка... – ласково бормочет она. – Так будет лучше всего.

Шторы распахнуты, и белый череп смотрит на нас в упор. Все так же обнимая ее, я гляжу поверх ее плеча на луну. По магистрали несутся грузовики. Временами они издают какой-то недобрый треск – будто гигантский айсберг начинает раскалываться, заплывая в теплые воды. Что же они там перевозят? – думаю я.

– Что у нас сегодня на завтрак? – спрашивает она.

– Да ничего особенного. Как всегда. Колбаса, яйца, тосты. Салат картофельный со вчера остался. Кофе. Тебе могу сварить «кафе-о-лэ»...

– Кр-расота! – радуется она. – И яичницу сделаешь, и кофе, и тосты пожаришь, да?

– С удовольствием, – отвечаю я.

– Угадай – что я люблю больше всего на свете?

– Честно? Понятия не имею...

– Больше всего на свете, – говорит она, глядя мне прямо в глаза, – я люблю, чтоб зима, и утро такое противное, что встать нету сил; а тут – кофе пахнет, и еще такой запах, когда яичницу поджаривают с колбасой, и когда тостер отключается – *дззын-нь!* – просто вылетаешь из постели, как ошпа-

ренная!... Понял, да?

– Ладно! – смеюсь я. – Сейчас попробуем...

Я человек не странный.

То есть мне действительно так кажется.

Конечно, до «среднестатистического человека» мне тоже далеко. Но я не странный, это точно. С какой стороны ни глянь, абсолютно нормальный человек. Очень простой и прямой. Как стрела. Сам себя воспринимаю как некую неизбежность и уживаюсь с нею совершенно естественно. Неизбежность эта настолько очевидна, что мне даже не важно, как меня видят другие. Что мне до того? Как им лучше меня воспринимать – их проблема, не моя.

Кому-то я кажусь глупее, чем на самом деле, кому-то умнее. Мне же самому от этого ни жарко, ни холодно. Ведь образец для сравнения – какой я на самом деле – тоже всего лишь фантазия, отблеск моего же представления о себе. В их глазах я действительно могу быть как полным тупицей, так и гением. Ну и что? Не вижу тут ничего ужасного. На свете не бывает ошибочных мнений. Бывают мнения, которые не совпадают с нашими, вот и все. Таково мое мнение.

С другой стороны, есть люди, которых моя внутренняя нормальность притягивает. Таких людей очень мало, но они существуют. Каждый такой человек и я – точно две планеты, что плывут в мрачном космосе навстречу друг другу, влекомые какой-то очень природной силой, сближаются – и так же

естественно разлетаются, каждый по своей орбите. Эти люди приходят ко мне, вступают со мной в *отношения* — лишь для того, чтобы в один прекрасный день исчезнуть из моей жизни навсегда. Они становятся моими лучшими друзьями, любовницами, а то и женами. Некоторые даже умудряются стать моими антиподами... Но как бы ни складывалось, приходит день — и они покидают меня. Кто — разочаровавшись, кто — отчаявшись, кто — ни слова не говоря (точно кран без воды — хоть сверни, не нацедишь ни капли), — все они исчезают.

В моем доме — две двери. Одна вход, другая выход. Иначе никак. Во вход не выйти; с выхода не зайти. Так уж устроено. Люди входят ко мне через вход — и уходят через выход. Существует много способов зайти, как и много способов выйти. Но уходят все. Кто-то ушел, чтобы попробовать что-нибудь новое, кто-то — чтобы не тратить время. Кто-то умер. Не остался — никто. В квартире моей — ни души. Лишь я один. И, оставшись один, я теперь всегда буду осознавать их отсутствие. Тех, что ушли. Их шутки, их излюбленные словечки, произнесенные здесь, песенки, что они мурлыкали себе под нос, — все это осело по всей квартире странной призрачной пылью, которую зачем-то различают мои глаза.

Иногда мне кажется — а может, как раз ОНИ-то и видели, какой я на самом деле? Видели — и потому приходили ко мне, и потому же исчезали. Словно убедились в моей внутренней нормальности, удостоверились в искренности (другого слова

не подберу) моих попыток оставаться нормальным – и дальше... И, со своей стороны, пытались что-то сказать мне, раскрыть передо мною душу... Почти всегда это были добрые, хорошие люди. Только мне предложить им было нечего. А если и было что – им все равно не хватало. Я-то всегда старался отдать им от себя, сколько умел. Все, что мог, перепробовал. Даже ожидал чего-то взамен... Только ничего хорошего не получалось. И они уходили.

Конечно, было нелегко.

Но что еще тяжелее – каждый из них покидал этот дом еще более одиноким, чем пришел. Будто, чтобы уйти отсюда, нужно утратить что-то в душе. Вырезать, стереть начисто какую-то часть себя... Я знал эти правила. Странно – всякий раз, когда они уходили, казалось, будто они-то стерли в себе гораздо больше, чем я... Почему всё так? Почему я всегда остаюсь один? Почему всю жизнь в руках у меня остаются только обрывки чужих теней? Почему, черт возьми? Не знаю... Нехватка данных. И как всегда – ответ невозможен.

Чего-то недостает.

Однажды, вернувшись с собеседования насчет новой работы, я обнаружил в почтовом ящике открытку. С фотографией: астронавт в скафандре шагает по поверхности Луны. Отправителя на открытке не значилось, но я с первого взгляда сообразил, от кого она.

«Я думаю, нам не стоит больше встречаться, – писала она. – В ближайшее время я, видимо, выйду замуж за зем-

лянина».

Лязгнув, захлопнулась дверь.

ДАННЫХ НЕДОСТАТОЧНО. ОТВЕТ НЕВОЗМОЖЕН.
НАЖМИТЕ КЛАВИШУ СБРОСА.

Пустеет экран.

Сколько еще будет так продолжаться? – думаю я. Мне уже тридцать четыре. До каких пор все это будет со мной твориться?

Особо я не терзался. Чего уж там – ясно как день: я сам во всем виноват. Ее уход – дело совершенно естественное, и я с самого начала знал, что все этим кончится. Она понимала, я понимал. Только мы всё надеялись, что вот-вот случится какое-то маленькое, еле заметное чудо. Неуловимая случайность, что перевернет наши жизни вверх дном... Но ничего подобного, конечно же, не случилось. И она ушла. Само собой, от ее ухода мне стало грустно. Однако мне уже приходилось испытывать эту грусть. И я нисколько не сомневался, что переживу эту грусть без труда.

Ведь я всегда ко всему привыкаю...

От такой мысли мне вдруг сделалось тошно. Будто черная желчь, разлившись внутри, подступила к самому горлу. Я встал перед зеркалом в ванной и посмотрел на себя. Так вот ты какой – Я, Который На Самом Деле... Вот и свиделись. Много же ты стер в себе... Гораздо, гораздо больше, чем казалось... Лицо в зеркале – старее, противнее, чем обычно. Я беру мыло, тщательно мою лицо и натираю кожу лосьоном.

Не спеша мою руки и старательно вытираюсь новеньким полотенцем. Затем иду на кухню и, отхлебывая пиво из банки, навожу порядок в холодильнике. Выкидываю сгнившие помидоры, выстраиваю в ряд банки с пивом, проверяю содержимое кастрюль, составляю список, что купить в магазине...

До самого рассвета я просидел в одиночестве, разглядывая луну и гадая: сколько еще это будет твориться со мной? Наступит день, и я снова встречу кого-то. Все будет очень естественно – как движение планет, чьи орбиты пересеклись. И мы снова будем надеяться на какое-то чудо, каждый сам по себе, выжидать какое-то время, стирать свои души – и расстанемся, несмотря ни на что...

До каких пор?

Через неделю после того как я получил ее открытку с Луной, мне пришлось отправиться по работе в Хакодатэ. Не скажу, чтобы работа на сей раз попалась очень уж интересная, – ну да и выбирать особо не приходилось. Почти вся моя работа, в принципе, мало чем отличается от этой.

Вообще, чем рассуждать, повезло с работой или нет, лучше залезть в эту работу по самые уши, а там уже и разницу чувствовать перестанешь. Как с волнами в акустике. На каком-то пороге частот уже не различаешь, какой звук выше, какой ниже; а стоит зайти за этот порог – не то что высоту, сам звук разобрать невозможно...

То был проект одного женского журнала: познакомить читательниц с деликатесами Хакодатэ. Мы с фотографом обследуем дюжину местных ресторанчиков, я сочиняю текст, он делает снимки. Всего материала – на пять страниц... Ну что ж. Раз существуют женские журналы – значит, кто-то должен и репортажи для них писать. Точно так же кому-то приходится собирать мусор на улицах или разгребать на дорогах снег. Должен кто-то и дворником быть. Нравится это ему или нет...

В общем, три с половиной года я зарабатывал на жизнь такой вот псевдокультурной деятельностью. Этаким дворником от литературы.

Обстоятельства вынудили меня уйти из фирмы, которой мы заправляли вместе с напарником – моим хорошим приятелем до тех самых пор, – и после этого я целых полгода валял дурака. Заниматься чем-либо ни сил, ни желания не было. Слишком много сюрпризов подкинула мне прошедшая осень. Жена ушла. Лучший друг погиб – странной, мистической смертью. Подруга исчезла – как в воду канула, не сказав ни слова. Я встретил странных людей, которые втянули меня в странную историю... А потом все кончилось, и я провалился в тишину, беспробудней которой не слышал с рождения. Жутким духом *отсутствия всякой жизни* пропитало мою квартиру. Полгода провел я здесь, скрываясь от мира. Если не считать редких вылазок за покупками – самый минимум, лишь бы ноги не протянуть, – днем наружу не выходил. Только перед рассветом выбирался из дома и шатался по безлюдным улицам. С появлением первых прохожих возвращался домой и ложился спать.

Ближе к вечеру просыпался, сооружал себе простенький ужин, ел, кормил консервами кошку. А после ужина садился на пол в углу – и снова, снова прокручивал в памяти прошлое, пытаюсь найти в цепи событий какой-то единый смысл. Переставляя местами отдельные сцены; отслеживая моменты, когда я своим выбором мог что-либо изменить; заново оценивая, верно ли поступил тогда-то и там-то... И так до заката. А потом опять выбирался из дома и бродил по омертвевшему городу.

День заднем я жил так – наверное, целых полгода... Да, так и есть: с января по июнь 79-го. Книг не читал.

Не раскрыл ни одной газеты. Не слушал музыку. Не включал ни радио, ни телевизор. Почти не брал в рот спиртного. Просто не появлялось желания выпить. Что происходило на свете, кто чем прославился, кто еще жив, кто помер, я понятия не имел. Нельзя сказать, что я отвергал информацию в любом виде. Просто ничего нового знать не хотелось. То есть я чувствовал: мир вокруг продолжает вертеться. Кожей чувствовал – даже запершись в своей конуре. Только это не вызывало у меня ни малейшего интереса. Легким беззвучным ветерком события мира обдували меня почти незаметно и уносились прочь.

А я все сидел на полу и прокручивал в памяти прошлое. И, что удивительно, – за полгода упорного, ночи напролет, самокопания мне нисколько это не наскучило. Слишком огромным и многомерным казалось то, что случилось со мной. Слишком реальным и осязаемым. Протяни руку – дотронешься. Будто какой-то монумент громоздился передо мною в крошечной тьме. Здоровенный обелиск в мою честь... М-да, много крови тогда утекло. Одни раны затянулись со временем, другие открылись позже. И все же полгода в своей добровольной тюрьме я сидел не затем, чтобы зализать раны. Мне просто требовалось время. Ровно полгода, чтобы собрать все случившееся в единую, прорисованную во всех деталях картину и понять ее смысл. И я вовсе не замы-

кался в себе, не отрицал окружающую действительность – нет, этого не было. Обычный вопрос времени. Физического времени, чтобы восстановить себя и переродиться.

Во что именно переродиться, я решил первое время не думать. Мне казалось, что это отдельный вопрос. И разобраться с ним можно как-нибудь потом. А сначала необходимо встать на ноги и удержать равновесие.

Я не разговаривал даже с кошкой.

Телефон звонил – не брал трубку.

В дверь стучали – не открывал.

Иногда приходили письма.

Бывший напарник писал, что беспокоится за меня – куда я пропал, чем занят. Что письмо по этому адресу шлет наугад – вдруг я еще здесь проживаю. Если я в чем-то нуждаюсь, пусть ему сообщу. Дела в конторе идут как обычно. Вскользь упоминал общих знакомых... Я перечитывал эти письма по несколько раз, чтобы только уяснить смысл написанного (иногда приходилось раз по пять), – и хоронил в ящике стола.

Писала бывшая жена. Посылала мне целый список сугубо деловых поручений. И описывала их сугубо деловым языком. А под конец сообщала, что снова выходит замуж – за человека, совершенно мне не знакомого. Словно подчеркивала: «Что со мной будет дальше – совершенно тебя не касается». Стало быть, моего приятеля, что ухлестывал за ней, когда мы разводились, она тоже послала куда подальше. Ну еще

бы. Уж его-то я знал как облупленного. Так себе мужик, ничего примечательного. Играл джаз на гитаре, с неба звезд не хватал. Даже интересным собеседником его назвать трудно. Что она в нем нашла, ума не приложу. Впрочем, это уже *их* отношения... «За тебя я не беспокоюсь, — писала она. — Такие, как ты, всегда в порядке, что бы с ними ни произошло. Скорее я беспокоюсь за тех, кто с тобой еще когда-нибудь свяжется... Представь себе, в последнее время меня *беспокоят* подобные вещи».

Я прочитал письмо несколько раз — и тоже отправил в стол.

Так понемногу текло время.

О деньгах я особенно не тревожился: на отложенные сбережения можно было тянуть примерно полгода, а иссякнут — тогда и подумаю, что делать дальше.

Закончилась зима, пришла весна. Весеннее солнце наполнило мою квартирку теплым, успокаивающим светом. Дни напролет я разглядывал проникавшие через окно лучи и замечал, как меняется их угол наклона. Весна разбудила в душе самые разные воспоминания. О тех, кто ушел. И о тех, кто умер. Я вспомнил двух девчонок-близняшек — как мы жили с ними втроем. В 73-м году это было. Я жил тогда рядом с полем для гольфа. Вечерами, когда солнце только начинало садиться, мы пробирались под железной сеткой ограды и долго гуляли по полю, подбирая забытые кем-то мячи. И теперь, глядя на вечернее солнце, я вспоминал тот давний

пейзаж – закат над полем для гольфа...

Где они все теперь?

Пришли через вход. Ушли через выход.

Вспомнил крохотный бар, куда мы так любили ходить с моим другом, ныне покойником. Вдвоем мы проторчали там без всякого смысла невероятное количество времени. Сейчас, правда, мне кажется, то время и было самым осмысленным. Странно, ей-богу... Вспомнил старомодную музыку, что там звучала. Тогда мы с ним только заканчивали школу. А в баре том могли пить пиво и курить сколько влезет. И, понятно, без этого заведения просто жизни себе не представляли. Ну и, конечно, все время разговаривали о чем-то. О чем – хоть убей, не помню. Помню, что разговаривали, и все.

Теперь он умер.

Попал в переplet, слишком много взвалил на себя – и оплатился жизнью.

Пришел через вход – и ушел через выход.

Весна разгоралась. Изменился запах у ветра. Новыми оттенками заиграла тьма по ночам. Звуки отдавались непривычным эхом в ушах. С каждым днем все отчетливей пахло летом.

В конце мая сдохла кошка. Совершенно внезапно – без всяких предварительных симптомов. Проснувшись однажды утром, я нашел ее на кухне – лежала в углу, свернувшись калачиком, и уже не дышала. Наверно, и сама не заметила, как умерла. Ее тело на ощупь напомнило мне вареную курицу

из холодильника, а шерсть казалась грязней, чем при жизни. Кошку звали Селедка. Жизнь она прожила, что и говорить, не очень счастливую. Никто ее не любил, да и сама никого особенно не любила. В глаза людям смотрела всегда с какой-то тревогой. Таким взглядом, будто хотела сказать: «Ну вот, сейчас опять что-нибудь потеряю...» Вряд ли на свете найдется еще одна котика с такими глазами. И вот – сдохла. Сдохни всего один раз – и больше никогда ничего не потеряешь. В этом, надо признать, большое достоинство смерти.

Я сунул дохлую кошку в бумажный пакет из супермаркета, бросил на заднее сиденье, сел за руль, поехал в магазин и купил лопату. Вернувшись в машину, нашарил по радио музыкальный канал – и под ритмы поп-музыки, которую не слушал уже тысячу лет, отправился по шоссе на запад. Музыка большей частью играла какая-то бестолковая: «Fleetwood Mac», «ABBA», Мелисса Манчестер, «Bee Gees», «KC and the Sunshine Band», Донна Саммер, «Eagles», «Boston», «Commodores», Джон Денвер, «Chicago», Кенни Логгинз... Эта музыка легко просачивалась в мозги и растворялась бесследно, как пена. *Полная лажа*, подумал я. Ходовой товар разового употребления. Модная жвачка, ради которой выворачивают карманы миллионы тинэйджеров...

Подумав так, я снова впал в меланхолию.

Просто сменилось поколение. Вот и все.

Стиснув руль, я попробовал вспомнить какие-то примеры *полной лажи* в той музыке, что звучала, когда подростком

был я... Нэнси Синатра – вот уж было дерьмо!.. «Monkees» – ничуть не лучше. Да у того же Элвиса можно найти целую кучу совершенно бездарных вещей... Еще было такое чудо света по имени Трини Лопес. От большинства завывалок Пэта Буна во рту возникал привкус мыла. Фабиан, Бобби Райделл, Аннетт... Ну и в самом конце списка, конечно же, «Herman's Hermits». Вот уж где полная катастрофа...

Название за названием, в голове мельтешили *лажовые* английские банды. С волосами до задницы, в кретинских костюмах. Сколько я еще вспомню? «Honeycombs», «Dave Clark Five», «Gerry and the Pacemakers», «Freddy and the Dreamers»... «Jefferson Airplane» с голосами окоченевших трупов. Том Джонс – от одного имени по телу судороги. И с ним его тошнотворный двойник Энгельберт Хампердинк. И вот еще сочетаньице – Херб Альперт и его «Tijuana Brass»: каждый мотивчик – как проигрыш для рекламы зубной пасты. Лицемеры Саймон с Гарфанклом. Неврастеники «Jackson Five»...

Все, все то же самое.

Ничто не меняется. Всегда, всегда, всегда – порядок вещей на свете один и тот же. Ну разве что номер у года другой, да новые лица взамен ушедших. Бестолковая музыка разового употребления существовала во все времена – и в будущем вряд ли исчезнет. Все эти «изменения» постоянны, как фазы старушки-Луны.

Очень долго я гнал машину, рассеянно думая про все это.

По радио вдруг выдали «Rolling Stones» – «Brown Sugar». Я невольно улыбнулся. Это была добрая песня. Как раз то, что надо, пронеслось в голове. «Brown Sugar» была суперхитом, кажется, в 71-м... Я попробовал вспомнить точнее год, но не смог. Да и черт с ним, какая разница. 71-й или 72-й – сегодня это уже не имеет никакого значения. Какой, вообще, смысл задумываться об этом всерьез?

Забравшись поглубже в горы, я съехал с трассы, отыскал подходящую рощицу и похоронил там кошку. Выкопал на опушке яму в метр глубиной, положил на дно Селедку в бумажном пакете – и засыпал землей. Прости, сказал я ей напоследок, но на большее нам с тобой рассчитывать не придется. Все время, пока я рыл яму, неподалеку пела какая-то птица. Высоко и протяжно, точно играла на флейте.

Заровняв могилку, я спрятал лопату в багажник и вырулил обратно на шоссе. Затем опять включил радио – и погнал машину к Токио.

Ни о чем не думалось. Я просто слушал музыку – и все. Сперва играли Род Стюарт и «J. Geils Band». Потом ведущий объявил «кое-что из *олдиз*». Оказалось – Рэй Чарльз, «Вот to Lose». Очень грустная песня. «*Я рожден для потерь, – пел старина Чарльз, – и теперь я теряю тебя*»... Мне вдруг и правда стало смертельно грустно. Прямо чуть слезы не выступили. Иногда так со мной бывает. Какая-то случайность ни с того ни с сего задевает самую тонкую струнку души... Я выключил радио, остановился у ближайшей заправ-

ки, зашел в ресторанчик и заказал овощных сэндвичей с кофе. Потом в туалете долго отмывал перепачканные землей руки. Из трех сэндвичей я съел лишь один, зато выпил две чашки кофе.

Как там моя Селедка? – подумал я. Там, в яме, наверное, темно хоть глаз выколи, подумал я. И вспомнил, как комья земли ударялись о бумажный пакет... Что делать, подруга. Такой финал – самый подходящий для нас. И для тебя, и для меня.

Целый час я просидел в ресторане, упершись взглядом в тарелку с сэндвичами. Ровно через час подошла официантка в фиолетовой юбке и вышколенно вежливо осведомилась, можно ли забрать тарелку. Я молча кивнул.

Ну что, сказал я себе наконец.

Пора возвращаться в мир.

3

В таком гигантском муравейнике, как наше Общество Развитого Капитализма, найти работу, в принципе, не очень сложно. Если, конечно, не слишком привередничать насчет ее рода и содержания.

В конторе, которой я раньше заведовал, мы постоянно редактировали тексты; кроме того, часто приходилось пописывать самому. И в бизнесе этом у меня еще оставались какие-то связи. Так что подрядиться куда-нибудь журналистом-внештатником, чтобы только покрыть расходы на жизнь, для меня труда не составляло. Не говоря о том, что жизнь моя вообще-то и не требует особых житейских расходов.

Отыскав записную книжку, я позвонил по нескольким номерам. У каждого собеседника я прямо спрашивал, не найдется ли для меня какого-нибудь занятия. Дескать, по ряду причин я исчезал ненадолго из виду, но теперь, если возможно, хотелось бы поработать. Как я и ожидал, мне сразу подкинули несколько «горящих» заказов. Не ахти каких серьезных, конечно. Так, позатыкать случайные дыры в бесконечном потоке рекламы. Мягко выражаясь, большинство текстов, что мне давали, глубиной смысла не отличались и вряд ли вообще были кому-то нужны. Организованный перевод бумаги и чернил на дерьмо. И потому я тоже, особенно

не напрягаясь, почти механически выполнял один заказ за другим. Первое время работы было немного. Трудился я не дольше двух часов в день, а все остальное время шлялся по городу и смотрел кино. Посмотрел просто невероятное количество фильмов. Так продолжалось, наверное, месяца три. Достаточно, чтобы свыкнуться со странной мыслью: «Худо ли бедно, я все же участвую в жизни этого общества».

Все изменилось с началом осени. Работы вдруг резко прибавилось. Телефон мой теперь надрывался с утра до вечера, а приходившие письма едва умещались в почтовом ящике. Заказчики уже приглашали меня отужинать и вообще обращались со мной очень ласково, обещая в ближайшее время подкинуть чего-нибудь еще.

Почему так вышло, догадаться несложно. Принимая заказы, я не привередничал, брал, что дают. Работу всегда выполнял чуть раньше назначенных сроков. Никогда ни на что не жаловался. Плюс отличался хорошим почерком. Ну, и вообще аккуратничал в мелочах. Даже там, где мои коллеги обычно не утруждали себя, доводил все до филигранности. И когда мало платили, не скривил физиономии ни разу. Разбуди меня в два часа ночи и скажи: *«К-шести-утра-двадцать-страниц-по-четыреста-знаков-срочно!»* – я сяду за стол и уже к половине шестого напишу все, что требуется. На какую угодно тему – будь то «преимущества механических часов», «привлекательность сорокалетних женщин» или «незабываемые достопримечательности города Хель-

синки» (в котором я, разумеется, никогда не бывал). Ну а велят переписать – ровно к шести еще и перепишу все заново... Чего уж удивляться, что репутация моя только росла.

Очень похоже на разгребание снега лопатой.

Снег все сыплет и сыплет, а я методично разгребаю его и раскидываю по обочинам.

Ни жажды славы, ни желания как-то отличиться на трудовом фронте. Просто: снег падает – я разгребаю. Старательно и аккуратно. Признáюсь, не раз я ловил себя на мысли, что перевожу свою жизнь на дерьмо. Но постепенно я пришел к выводу: ведь и бумага с чернилами тоже переводятся на дерьмо; и если вместе с ними переводится моя жизнь, так стоит ли жаловаться на мировую несправедливость? Мы живем в Обществе Развитого Капитализма. Здесь *перевод-на-дерьмо* — высшая добродетель. Политики называют это «оптимизацией потребления». Я называю это «переводом на дерьмо». Мнения расходятся. Но при всей разнице мнений неизменно одно: вокруг нас – общество, в котором мы живем. Не нравится – проваливай в Судан или Бангладеш.

Ни к Судану, ни к Бангладеш я особого интереса не испытывал.

А потому молчал – и работал дальше.

Постепенно стали приходить заказы не только от рекламных агентств, но и от глянцевого журналов. Уж не знаю, почему, но в основном это были женские журналы. Понемногу я даже начал брать для них интервью и писать репортажи.

Впрочем, интереснее от этого работа не стала. Как требовал сам характер подобных журналов, интервьюировать в основном приходилось звезд шоу-бизнеса разных калибров. А этим фруктам какой вопрос ни задай, ничего, кроме уклончивых фраз, в ответ не получишь. Все они знают, *что* отвечать, еще до того, как их спрашивают. А в самых клинических случаях через агента требуют предоставить им списки с вопросами и готовят все ответы заранее. Стоит только спросить о чем-либо за пределами темы, которую предпочитает очередная семнадцатилетняя примадонна, как ее агент тут же встречается: «Вопрос не по теме, мы не можем на это отвечать!»... Я даже начинал всерьез опасаться: не дай бог, это чудо останется без агента, сообразит ли оно хотя бы, какой месяц следует за октябрём?

Само собой, называть подобный идиотизм словом «интервью» язык не поворачивался. И тем не менее я выкладывался на всю катушку. Сочинял вопросы, каких не встретишь в других интервью. До мелочей продумывал схему беседы. Причем старался вовсе не ради признания или чьей-либо похвалы. Просто вот так, выкладываясь на всю катушку, я испытывал хоть какое-то облегчение... Такой вот аутотренинг. Выжимаешь себя до капли. Прекрасная разминка для затекших пальцев и головы – и полный маразм с точки зрения самореализации.

Социальная реабилитация...

Никогда в жизни я еще не бывал так занят. Регулярных

заказов – хоть отбавляй, плюс постоянно что-нибудь срочное. Любая работа, не нашедшая исполнителя, обязательно сваливалась на меня. Так же, как и работа особо сложная или нудная. В этом странном обществе я все больше уподоблялся городской свалке подержанных автомобилей: у кого бы ни начала барахлить колымага, все пригоняют свою рухлядь ко мне. Все что ни попадя – в мои полночные сумерки с кладбищенской тишиной.

Мало-помалу на моем счету в банке начали появляться суммы, которых я раньше и представить себе не мог; при этом я был слишком занят, чтобы их тратить. Я сдал в утиль старенькую машину, устав бороться с ее недугами, и у приятеля по дешевке приобрел «субару-леоне». Не самой последней модели, но с довольно маленьким пробегом, а также – с магнитофоном и кондиционером. Такой роскошной машины у меня раньше не было. Прикинув, что живу в неудачном районе, переехал в квартиру на Сибуя. Если не обращать внимания на бесконечный гул автотрассы за окнами, жилище весьма пристойное.

Иногда по работе встречался с девчонками. С некоторыми переспал.

Социальная реабилитация...

Я всегда знал заранее, с какими девчонками стоит спать, а с кем не вышло бы ни черта. А также с кем этого не следует делать ни в коем случае. С годами такие вещи начинаешь понимать подсознательно. Кроме того, я всегда чувствовал,

когда пора обрывать отношения. И потому всегда все проходило гладко. Я никого не мучил и никто не терзал меня. До дрожи в сердце, как и до ощущения петли на шее, не доводил никогда.

Серьезнее всего у меня сложилось с той девчонкой из телефонной компании. Мы познакомились на новогодней вечеринке. Оба были навеселе, весь вечер подтрунивали друг над другом, а потом поехали ко мне – и по взаимному согласию заночевали в моей постели. Природа наградила ее светлой головой и великолепной задницей. Частенько мы садились в мою «субару» и отправлялись путешествовать по окрестным городам. Порой, когда у нее появлялось настроение, она звонила и прямо спрашивала, можно ли остаться у меня на ночь.

Настолько свободные, ни к чему не обязывающие отношения у меня за всю жизнь случились лишь с нею одной. Мы оба понимали, что связь эта ни к чему не ведет. Но смаковали остававшееся нам *время жизни вдвоем*, точно смертники – отсрочку исполнения приговора.

Давно уже на душе у меня не было так светло и спокойно. Мы постоянно ласкали друг друга и разговаривали полупшепотом. Мы поедали мою стряпню и дарили друг другу подарки в дни рождения. Мы посещали джаз-клубы и потягивали коктейли через соломинки. Мы никогда не ругались. Каждый всегда понимал заранее, что нужно другому. Но все это кончилось. Однажды – раз! – и оборвалось, как пленка

в кинопроекторе.

После ее ухода во мне осталось гораздо больше опустошенности, чем я ожидал. Долго еще потом глодала меня изнутри эта странная пустота. Я зависал в ней и никуда не двигался. Все проходили мимо, исчезали куда-то – и лишь я прозябал один-одинешенек в какой-то *пожизненной отсрочке*... Ирреальность, застившая реальную жизнь.

Но даже не это было главным в моей пустоте.

Главной причиной моей пустоты было то, что эта женщина мне не нужна. Она мне нравилась. Мне было хорошо с нею рядом. Мы умели наполнять теплом и уютом то время, когда бывали вместе. Я даже вспомнил, что значит быть нежным... Но по большому счету *потребности в этой женщине я не испытывал*. Уже на третьи сутки после ее ухода я отчетливо это понял. Она права: даже с нею в постели я оставался на своей Луне. Ее соски упирались мне в ребра, а я нуждался в чем-то совершенно другом.

Четыре года я восстанавливал утерянное равновесие. Работал как вол, корпел над каждым заказом, все выполнял безупречно – и завоевывал все большее доверие окружающих. Не скажу, чтобы многим, но некоторым даже стал симпатичен. Мне же, разумеется, было этого недостаточно. Катастрофически недостаточно. Слишком много сил и времени ушло лишь на то, чтобы вновь оказаться на старте.

Ну вот, подумал я наконец. В тридцать четыре года я вернулся к началу пути. Что с собой делать дальше? С чего на-

чинать?

Впрочем, думать тут было особо не о чем. Решение уже давно густой черной тучей плавало у меня в голове. Я просто не осмеливался осуществить его, изо дня в день откладывая на потом...

Я должен вернуться в отель «Дельфин». Оттуда все и начнется.

Там я должен встретиться с ней. С той девчонкой, шлюхой высшей категории, которая и привела меня в отель «Дельфин» в первый раз... Потому что Кики ждет меня там (читателю: теперь ей нужно дать какое-то имя. Пусть даже условное, на первое время. Я назову ее Кики. Наполовину условное имя. Сам я узнаю, что ее так зовут, несколько позже. При каких обстоятельствах – объясню потом; сейчас же просто наделю ее этим именем. Ее имя – Кики. По крайней мере, именно так в одном из уголков этого тесного мира звали ее когда-то²). Только Кики смогла бы повернуть ключ зажигания в моем заглухшем моторе. Я должен туда вернуться. В комнату, из которой однажды выходят и не возвращаются. Смогу ли вернуться я, неизвестно. Но нужно попробовать. Именно с этого и начнется мой новый жизненный цикл.

Собрав вещи в дорогу, я сел за стол и за пару часов разделался с самыми горящими заказами. Потом снял трубку и отменил всю работу, расписанную в календаре на месяц вперед. Обзвонил кого только смог и сообщил, что семей-

² «Кики» – одна из форм японского глагола «слышать».

ные обстоятельства вынуждают меня на месяц покинуть Токио. Два-три редактора сперва поворчали немного, но смирились: все-таки о чем-то подобном я просил первый раз, да и сроки выполнения их заказов истекали еще не скоро. В итоге я со всеми договорился. Ровно через месяц вернусь, пообещал я, и исполню все, чего только пожелаете. После этого я сел в самолет и улетел на Хоккайдо. Произошло это в марте 1983 года.

Стоит ли говорить – одним месяцем мой «временный выход из боя» не ограничился.

Наняв такси сразу на два дня вперед, я мотался с коллегой-фотографом по заснеженным улицам Хакодатэ, переезжая от ресторанчика к ресторанчику.

Репортаж у меня выходил добротный и скрупулезный. В такой работе самое главное – заранее собрать материал и составить подробный план действий. Ничего больше, если честно, и не требуется. До того, как брать интервью, я собираю всю доступную информацию. Во-первых, существуют профессиональные ассоциации, которые снабжают данными всех желающих, вроде меня. Вступи в такую ассоциацию, заплати членский взнос – и больше половины репортажа, считай, у тебя в кармане. Потребовалось, допустим, «всё о деликатесах Хакодатэ» – раскопают столько, что глазам не поверишь. Из лабиринтов памяти здорового компьютера выгребут все, что хоть как-то может тебе пригодиться. Потом распечатают, вложат в красивый конверт и доставят прямо на дом. Не бесплатно, конечно, – заплатишь какую-то сумму. Но если учесть, что за эти деньги ты покупаешь силы и время, сумма вполне терпимая.

Одновременно я сам не сижу на месте и добываю свою, альтернативную информацию. Есть ведь и туристические бюро с их рекламными проспектами. И библиотеки с периодикой. Перелопатишь всё – соберешь уйму сведений. Там я и

нахожу себе подходящие ресторанчики для репортажа. Потом звоню, узнаю часы работы, когда выходные. Тем самым сберегая драгоценное время для самих интервью. Затем беру лист бумаги, составляю расписание на весь день. На карте города вычерчиваю самый короткий маршрут движения. В общем, до минимума свожу все факторы, которых не смог заранее просчитать.

После этого мы с фотографом едем в город и обходим один за другим все рестораны по списку. В целом – где-то около тридцати. К еде, понятно, всякий раз лишь притрагиваемся и с легким сердцем оставляем все на тарелках. Проба вкуса на глаз. *Оптимизация потребления...* На этом этапе мы пока скрываем, что мы репортеры. И ничего не фотографируем. Уже выйдя на улицу, обсуждаем вкус того, что попробовали, и ставим оценку по десятибалльной шкале. Хорошо – оставляем в списке, плохо – вычеркиваем. Рассчитывая в итоге вычеркнуть больше половины. По ходу дела договариваемся с местным рекламным журнальчиком, он рекомендует нам пять-шесть ресторанов помимо нашего списка. В них тоже заглядываем. Выбираем. И уже составив окончательный список, звоним снова в каждый ресторан, сообщаем название журнала и просим разрешения на репортаж с фотосъемкой. На все это уходит два дня. Вечером в отеле я набрасываю черновик репортажа.

На следующий день фотограф быстренько делает снимки блюд, а я беседую с хозяевами заведений. Тоже на скорую

руку. Таким образом, выполняем всю работу за трое суток. Конечно, есть репортеры, которые справляются с этим еще быстрее. Только они заранее ничего не проверяют. Просто обходят самые популярные места в городе и все. Некоторые даже умудряются писать о блюдах, не пробуя их. Такие, если захотят, насочиняют что угодно – да так, что не придерешься. И, откровенно говоря, на земле едва ли найдется другой журналист, который бы выкладывался в подобных материалах, как я. Эта работа требует огромного напряжения, если хочешь выполнить ее на совесть; но если такого желания нет, можно сделать и спустя рукава. Между выполненным на совесть и сделанным спустя рукава разницы почти никакой. На первый взгляд и то, и другое кажется практически одинаковым. И только если внимательно приглядеться, замечаешь небольшие различия.

Рассказываю я все это вовсе не из стремления похвастаться. Просто хочу, чтобы стало понятно, чем я занимаюсь. И какому износу подвергаю себя каждый день.

С нынешним фотографом я не раз работал и раньше. В каком-то смысле мы схожи. Оба профессионалы. Такая схожесть встречается у санитаров в морге: все в стерильных перчатках, у каждого маска на пол-лица, на ногах – белые туфли без единого пятнышка... Вот и у нас так же. Работаем стерильно и оперативно. Ни о чем постороннем не болтаем, уважаем работу друг друга. Ни на секунду не забываем, что этой бодягой оба зарабатываем на жизнь. Впрочем, как раз это

уже не важно. Просто если уж беремся что-то делать, то делаем хорошо. И в этом смысле мы – профи.

Вечером третьего дня в отеле я дописываю репортаж.

...Четвертый, резервный день оказался у нас абсолютно свободным. Закончив работу и не представляя, чем бы еще заняться, мы взяли напрокат автомобиль, отправились за город и до самого вечера катались на лыжах. Вечер провели в кабачке за ужином и сакэ. День прошел размеренно и неторопливо. Рукопись репортажа я передал фотографу, чтобы тот увез ее в Токио: всю дальнейшую работу можно было доделать и без меня. Уже перед тем, как заснуть, я позвонил в городскую справочную Саппоро и попросил телефон отеля «Дельфин».

Номер мне сообщили сразу.

Я сел в постели, едва дыша. Теперь хотя бы известно, что отель «Дельфин» еще не разорился. Хотя за это можно не беспокоиться. На самом деле, он мог разориться когда угодно, и никто бы не удивился. Я перевел дух и набрал записанный номер.

Трубку сняли почти мгновенно, после первого же гудка. Так, будто сидели и с нетерпением ждали моего звонка. Я даже слегка опешил. Что-то здесь явно не так. Слишком гладко, слишком профессионально.

Мне ответила молодая девица. Девица? Что за бред? Отель «Дельфин» не из тех, где за стойкой сидят молодые девицы.

– Отель «Дельфин» к вашим услугам! – прошебетала она.

Совершенно сбитый с толку, я на всякий случай уточнил адрес отеля. Прежний. Значит, наняли себе девицу? Ну что ж. Дело хозяйское. Не стоит на этом заикливаться...

– Я хотел бы заказать у вас номер, – сказал я девице.

– Вы очень любезны. Одну секунду, соединяем вас с дежурным по размещению! – с хорошо натренированной жизнерадостностью пропела она.

Дежурный по размещению? В голове моей началась какая-то каша. С этого момента я уже не пытался подыскать происходящему никаких объяснений. *Что же, черт побери, стряслось с отелем «Дельфин»?*

– Извините за задержку, дежурный по размещению слушает! – выпалил молодой мужской голос. Энергичный и приветливый. Образцово-показательный голос профессионала гостиничной службы.

Отогнав сомнения, я заказал одноместный номер на трое суток и продиктовал ему свои имя и номер телефона в Токио.

– Ваш заказ принят! Одноместный номер на трое суток с завтрашнего числа! – отрапортовал Дежурный По Размещению.

О чем еще спросить его, я сообразить не успел, а потому поблагодарил и в замешательстве повесил трубку. Повесив же ее, ощутил, что замешательство лишь усилилось. Какое-то время я сидел без движения, уставившись на телефон.

Так и чудилось, будто сейчас кто-нибудь позвонит и объяснит мне, что происходит. Но никакого объяснения не последовало. Ладно, махнул я рукой. Будь что будет. Сам поеду и на месте во всем разберусь. Все равно ведь придется поехать. Обратной дороги нет. И выбора не остается.

Позвонив на первый этаж, я попросил у дежурного расписание поездов на Саппоро. Назавтра в полдень как раз отходил один скорый. Затем я позвонил горничной, заказал в номер полбутылки скотча со льдом и стал смотреть телевизор. Шел какой-то западный боевик с Клинтом Иствудом. За весь фильм Клинт Иствуд ни разу не улыбнулся. Картина закончилась, я допил виски, погасил свет, заснул и до рассвета не видел ни единого сна.

За окном вагона тянулись сплошные снега. Я попробовал глядеть в окно, но сразу заболели глаза. Никто из пассажиров глядеть в окно не пытался. Все знали: кроме снега, все равно ничего не увидишь.

Утром позавтракать я не успел, и потому, не дожидаясь обеда, отправился в вагон-ресторан. Заказал себе пива и омлет. За моим столиком мужчина лет пятидесяти в костюме и туго затянутом галстуке тоже пил пиво, заедая сэндвичем с ветчиной. Внешне он сильно смахивал на типичного специалиста-технаря – технарем и оказался. Первым начав разговор, он сообщил, что работает инженером в Силах Самообороны и занимается техобслуживанием военных самолетов.

Потом очень подробно рассказал мне, как советские истребители и бомбардировщики нарушают наш воздушный суверенитет. При этом вопрос о незаконности действий распоясавшейся советской авиации, похоже, заботил его в самую последнюю очередь. По-настоящему его беспокоила только проблема экономичности у американского «фантома Ф-4». Он сообщил, сколько горючего сжигает «ф-4» за один-единственный экстренный взлет.

– Это ж какое расточительство! – негодовал он. – Сколько топлива переводится на дерьмо! Да поручи они производство своих «фантомов» японским заводам, мы бы сократили им эти цифры чуть ли не вполтину! А в принципе, мы и сами запросто могли бы выпускать свои реактивные истребители-перехватчики – ничем не хуже «фантомов»! Было бы желание – хоть завтра!..

Тогда я и рассказал ему, что Перевод-На-Дерьмо – величайшее благо эпохи развитого капитализма. Япония покупает у Штатов реактивные истребители и запускает их в небеса, транжиря драгоценное топливо; благодаря этому колесо мировой экономики совершает еще один цикл, и Развитой Капитализм развивается еще дальше в своем развитии. Если же все перестанут производить то, что нужно переводить на дерьмо, наступит Великий Хаос и от мировой экономики останутся одни ошметки. Перевод-На-Дерьмо питает мировой порядок, мировой порядок активизирует экономику, экономика производит еще больше объектов для переведе-

ния на дерьмо... Ну и так далее.

— Может, оно и так, — вроде бы согласился он, немного подумав. — И все-таки... Может, потому, что детство у меня на войну пришлось, когда всего не хватало... Но такого устройства общества моя душа не принимает! Нашему-то поколению — не то что вам, молодым! — свыкнуться с такими премудростями сложновато. — Он горько усмехнулся.

Я вовсе не считал, что со всем этим свыкся, но затягивать разговор не хотелось, и я не стал возражать. Свыкнешься тут, пожалуй. Мозгами понять — еще получается. Но свыкнуться? Слишком большая разница между этими двумя состояниями... Я доел омлет, попрощался и встал из-за стола.

Вернувшись на место, я полчаса поспал, а затем до самого Саппоро читал биографию Джека Лондона, купленную в книжной лавке у вокзала Хакодате. По сравнению с яркой, полной трагедий и триумфов судьбой Джека Лондона моя собственная жизнь показалась серой и неприметной, как пугливая белка, хоронящаяся в ветках дуба в ожидании весны. По крайней мере, несколько минут мне действительно так казалось. Такая уж это штука — чужие биографии. Кому захочется читать биографию библиотекаря из городка Кава-саки, прожившего мирную жизнь и тихо помершего в своей постели? Нет, читая чужие биографии, мы словно требуем некой компенсации за то, что в наших собственных жизнях не случается, увы, ни черта...

От станции Саппоро до отеля «Дельфин» я решил до-

браться пешком: багажа у меня не было, только сумка через плечо, а погода стояла великолепная – ни ветерка. Тротуары были завалены грязным, счищенным с дороги снегом, и прохожие передвигались по ним с великой осторожностью, обдумывая каждый шаг. Девчонки-старшеклассницы с пунцовыми от мороза щеками галдели на всю округу; изо рта у них валил пар – такой белый и плотный, что хоть пиши на нем иероглифы. Я вышагивал по улицам, разглядывая здания и прохожих. В последний раз я приезжал в Саппоро четыре года назад; однако теперь все казалось таким незнакомым, будто я не был здесь тысячу лет.

Прошагав полпути, я зашел в кофейню, где выкурил сигарету и выпил крепкого кофе с коньяком. Вокруг меня вертелась обычная жизнь обычного города. В углу еле слышно ворковала влюбленная парочка; бизнесмен, обложившись бумажками, корпел над какой-то цифирью; стайка студентов обсуждала предстоящий лыжный поход и последний альбом «Police»... Стандартная картинка из повседневности любого нормального города. Наблюдай ее что здесь, что в Иокогаме, что в Фукуоке – разницы никакой. И все-таки, несмотря на такую всеобщую одинаковость (впрочем, возможно, как раз из-за нее), – именно в *этой* кофейне, именно за *этим* столиком и с *этой* чашкой в руке я вдруг ощутил особенно жуткое, прожигающее до самых костей одиночество. Мне вдруг представилось: я – совершенно чужеродное тело. Ни этому городу, ни этой повседневности я *никак не принадлежу*.

Конечно, если спросить меня, каким же кофейням я принадлежу хотя бы у себя в Токио, я отвечу, что ни в Токио, ни где-либо еще таких мест просто нет. И все же в токийских кофейнях я такого ужасного одиночества не испытываю. В токийских кофейнях я просто пью кофе, читаю книги – в общем, убиваю время, не напрягаясь. Ведь там это часть *моей* повседневности, о которой я предпочитаю не задумываться слишком глубоко.

Здесь же, в Саппоро, я переживаю одиночество человека, высаженного на крохотном острове далеко за Полярным кругом. Всегда один и тот же пейзаж. Все выглядит так же, как на любом другом острове в этих широтах. Но если бы можно было сорвать с него покровы льда и снега, этот остров отличался бы от всех известных мне островов на Земле. Мне так кажется. Он похож – но он не такой. Как иная планета. Планета, где говорят на одном со мной языке, носят похожую одежду, где лица принимают знакомые выражения. И все-таки что-то принципиально не так. Мир, в котором не срабатывает какой-то закон Природы. Вот только какой закон срабатывает, а какой нет, приходится раз за разом испытывать на собственной шкуре. Ошибусь хоть раз – и мне крышка: все вокруг поймут, что я инопланетянин. Все тут же повскакивают с мест и, окружив меня, начнут тыкать пальцами: «ТЫ НЕ ТАКОЙ! – закричат они. – НЕТАКОЙ-НЕТАКОЙ-НЕТАКОЙ!!!»

Рассеянно прихлебываю кофе, предаваясь подобной

«мыследеятельности».

Химеры, химеры...

Но что правда – я ведь действительно одинок. Ни с чьей реальностью не пересекаюсь. И в этом-то вся проблема. Что бы ни произошло, я всегда возвращаюсь к самому себе. Ни с кем и ни с чем не связанный.

Когда я последний раз влюблялся всерьез?

Миллион лет назад. В перерыве между Великими Ледниками. В какие-то совершенно доисторические времена – юрский период или что-то вроде. Все, что окружало меня тогда, давно исчезло с лица земли. Динозавры, мамонты, саблезубые тигры. Газовые бомбы в саду Императорского дворца. Все это кануло в Лету, и наступил Развитой Капитализм. И я остался в нем один-одинешенек.

Я заплатил за кофе, вышел на улицу и, не думая ни о чем, зашагал напрямиком к отелю «Дельфин».

Точной дороги я не помнил, и потому слегка беспокоился, смогу ли быстро его найти. Волновался я, как оказалось, совершенно напрасно. Отель отыскался сразу. Умопомрачительный билдинг в двадцать шесть этажей сам вырос перед глазами. По-модернистски изогнутые линии стиля «баухаус»; огромные сверкающие блоки из стекла и нержавеющей стали; широченная эстакада для заезда автомобилей, и вдоль нее – флаги чуть ли не всех стран мира; швейцары в униформе, энергичными жестами зазывающие машины гостей на парковку; стеклянный лифт, стрелой уносящий к ресто-

рану под самой крышей... Только слепой не заметит такое. На мраморных колоннах у самого входа я еще издали разглядел рельефные изображения дельфина, а под ними – крупные буквы:

«DOLPHIN HOTEL».

Секунд двадцать я стоял с открытым ртом, разглядывая эту громадину И наконец вздохнул – так глубоко и протяжно, что успел бы, наверное, за это время долететь до Луны.

Я совершенно обалдел.

И это еще слабо сказано.

До скончания века стоять перед отелем, разинув рот, не годилось, и я решил зайти внутрь. Все-таки адрес тот же. И название совпадает. И даже заказан номер на мое имя. Никуда не денешься, придется зайти.

По дорожке пологой эстакады я поднялся к вертушке входных дверей, толкнул ее и ступил внутрь.

Фойе отеля напоминало огромный спортзал, потолок которого исчезал в такой вышине, что сознанием не фиксировался. Сквозь стены, полностью стеклянные, струился натуральный солнечный свет. По всему залу были расставлены дорогие диваны, а между ними в кадках буйно произрастали какие-то фикусы с мясистыми листьями. По левую руку пространство фойе перетекало в роскошный кофейный зал. Из тех кофейных залов, где закажешь сэндвичей, и тебе принесут четыре суперкачественных бутербродика, каждый размером с визитку, на здоровенном серебряном блюде. А к ним – изысканно сервированные огурчики с картофельными чипсами. Затем подадут еще чашечку кофе – и выставят счет, на сумму которого пообедала бы досыта семья из четырех человек. На огромной стене висела картина маслом метра три на четыре, пейзаж – заливные луга Хоккайдо. И хотя я не назвал бы картину шедевром, одни размеры ее внушали чувство, близкое к благоговению.

Похоже, отмечались какие-то торжества: в фойе было полно посетителей. Сразу на нескольких диванах расположилась группа мужчин, все как один средних лет и в костюмах с иголочки; оживленно беседуя, они то и дело кивали друг другу и заливисто хохотали. Что кивки, что манера закидывать ногу на ногу были у всех совершенно одинаковыми. Наверняка какие-нибудь врачи или преподаватели вуза. Рядом, отдельно от мужчин – или все-таки вместе? – ворковала стайка молоденьких женщин, кто-то в кимоно, кто-то в платьях. Кое-где мелькали и европейские лица. В строгих костюмах, неброских галстуках и с «дипломатами» на коленях дожидались назначенных встреч бизнесмены.

Одним словом, новый отель «Дельфин» *процветал*.

Идеально Инвестированный Капитал уверенно, без сучка без задоринки *проворачивался* перед моими глазами.

Чего стоит закрутить такую махину – это я представлял хорошо. В свое время я сочинил немало рекламных текстов для целой сети первоклассных гостиниц. Когда эти люди задумывают отгрохать очередной отель, они первым делом садятся и досконально просчитывают все заранее. Собирают толпы профессионалов, которые забивают в компьютер все данные, какие только возможны, и производят скрупулезнейшую калькуляцию. Предсказывают объемы туалетной бумаги, потребляемой отелем за год при такой-то цене за рулон. Нанимают студентов, расставляют их на перекрестках города и заставляют регистрировать плотность пешеходного

потока каждой улицы Саппоро. Вычисляют, сколько в этом потоке молодежи соответствующего возраста, и выводят потенциальную частоту свадеб в городе на ближайшие годы. Они прогнозируют все. Сводят риск предприятия к минимуму. Очень долго и основательно разрабатывают Генеральный План, назначают Ответственных Лиц – и, наконец, покупают землю. Вербуют персонал. Запускают шумную рекламную кампанию. Любые проблемы, которые можно решить за деньги, – при условии, что эти деньги когда-нибудь вернутся, – решают, вбабахивая в проект любые суммы... Такой вот «Большой Бизнес».

Понятное дело, заправлять таким бизнесом может только очень мощная организация, собравшая у себя под крышей множество разных фирм. Ведь как тут ни пытайся избежать риска, всегда останется то, что предугадать невозможно. И лишь подобный *конгломерат* мог бы в случае провала раскидать все убытки между участниками и не пойти ко дну.

В общем, скажу откровенно: новый отель «Дельфин» был совершенно не в моем вкусе. И будь то обычная ситуация, я в жизни бы не поселился в таком месте за свои деньги. Чересчур дорого и чересчур много лишнего. Но теперь делать нечего. Нравится, не нравится – а вот он, какой есть: в корне преобразившийся, *новый* отель «Дельфин».

Я подошел к стойке регистрации и представился. Девуцы в униформе небесной расцветки, словно по команде, наградили меня улыбками из рекламы зубных щеток. Как мушт-

ровать персонал до *такой* улыбочное – ти – отдельный секрет Искусства Оптимального Инвестирования. Фирменные блузки девиц резали глаз своей белизной, а прически смотрелись безупречно, как у манекенов. Всего девиц было три, и одна – та, что подошла ко мне, – носила очки. Очень мила, отметил я про себя, и даже очки к лицу. Оттого, что подошла именно она, на душе у меня посветлело. Как-никак, из всей троицы она была самой симпатичной и понравилась мне с первого взгляда. В улыбке ее было нечто притягательное, и душа к ней сразу потянулась. Как будто именно она воплощала собой *дух отеля, которому здесь полагается быть*. Мне даже почудилось, что сейчас она взмахнет легонько волшебной палочкой, как фея в диснеевском мультике, и прямо из воздуха появится ключ от номера в облачке золотистой пылицы...

Но вместо волшебной палочки фея воспользовалась компьютером. Настучав на клавиатуре мою фамилию и номер кредитки, она сверилась с экраном, еще раз ослепительно улыбнулась и вручила мне ключ от номера 1532. Вместе с рекламным буклетиком, который я попросил.

И тогда я поинтересовался у нее, когда открылся этот отель.

– В прошлом году, в октябре, – ответила она, не задумываясь. И пяти месяцев не прошло.

– Извините... Можно вопрос? – сказал я. На моей физиономии засияла та же производственно-жизнерадостная

улыбка, что и у нее (да-да, у меня тоже есть такая на крайний случай). – Раньше на этом месте стоял совсем маленький отель, который тоже назывался «Дельфин», не так ли? Вы случайно не знаете, что с ним стало?

Идеальная Гармония ее улыбки еле заметно нарушилась. Так по зеркальной поверхности очень тихого пруда вдруг разбегутся круги от брошенной пивной пробки, и уже через секунду все застывает снова. Но когда эта улыбка застыла вновь, она была уже чуть-чуть не такой, как прежде. Я с большим интересом наблюдал за этими трансформациями. Казалось, вот-вот из воды вынырнет какой-нибудь Дух Пруда и начнет уточнять у меня, какую пробку я сейчас бросал, желтенькую или беленькую? Но никакого Духа, конечно же, не вынырнуло.

– Видите ли... – Она поправила указательным пальцем очки на носу. – Это было еще до открытия нашего отеля, поэтому... Информацией такого рода мы, как бы сказать...

Она замолчала посередине фразы. Я ждал, что она продолжит, но продолжения не последовало.

– Мне очень жаль, – только и сказала она.

– Хм-м... – протянул я. Чем дольше мы разговаривали, тем интереснее мне с нею становилось. Я тоже захотел поправить указательным пальцем очки на носу, но очков у меня, к сожалению, не было. – Ну хорошо, а от кого здесь я мог бы получить «информацию такого рода»?

Она задумалась на несколько секунд, задержав дыхание.

Улыбка с ее лица улетучилась. Все-таки когда задерживаешь дыхание, улыбаться не получается, хоть тресни. Кто не верит, пусть сам попробует.

– Одну секунду! – вдруг сказала она и, отвернувшись, скрылась в подсобке. А через полминуты появилась вместе с типом лет сорока в строгом черном костюме. Судя по внешности, это был истинный Профессионал Гостиничного Менеджмента. По работе мне не раз доводилось встречаться с такими субъектами. Улыбка почти никогда не сходит у них с лица, но может принимать до двадцати пяти конфигураций в зависимости от обстоятельств. От холодно-вежливой до сдержанно-удовлетворенной. Для каждой улыбки свой номер. От Номера Один до Номера Двадцать Пять. Улыбки нужных номеров подбираются по ситуации, как клюшки для разных ударов в гольфе. Таким был и этот тип.

– Добро пожаловать! – улыбнулся он Улыбкой Человека, Разрешающего Любые Споры, и учтиво наклонил голову Вид мой, похоже, не оправдал его ожиданий: он оглядел меня с головы до ног, и его улыбка резко сменилась другой, ранга на три пониже. На мне были: плотная охотничья куртка на меху (на груди – значок с фигуркой Кита Харинга), меховая шапка (австрийская, из обмундирования альпийских стрелков), крутые походные штаны с целой дюжиной накладных карманов и крепкие сапоги-снегоходы. Все это были дорогие, добротные вещи, обладавшие совершенно реальным качеством, – *слишком* реальным для атмосферы этого отеля.

Но тут уж я не виноват. Просто бывают разные стили жизни и разные способы мышления.

– Мне сообщили, вы интересуетесь информацией о нашем отеле? – осведомился он небывало учтивым тоном.

Упершись ладонями в стойку, я спросил у него то же, что спрашивал у девицы.

– Прошу меня извинить... – произнес он, выдержав короткую паузу. – Но нельзя ли узнать, что заставляет вас интересоваться отелем, который был здесь ранее? Если это возможно, хотелось бы знать причину...

Я в двух словах объяснил. Дескать, однажды я останавливался в отеле, что был здесь раньше, и подружился с его хозяином. Теперь вот заехал его проведать, смотрю – все теперь по-другому. Хотелось бы узнать, что с ним стало. Совершенно частный, не касающийся ничьего бизнеса интерес.

Мой собеседник несколько раз кивнул.

– Должен признаться, мы также не в курсе никаких подробностей на этот счет... – сказал он, осторожно подбирая слова. – Могу лишь сообщить, что земельный участок с тем... предыдущим отелем «Дельфин» выкупила наша фирма, и на месте старого здания было построено новое. Название действительно осталось прежним, но сам отель – совершенно другое предприятие, и ничего общего с тем, что было здесь ранее, не имеет.

– А зачем тогда оставлять название?

– Вы извините, но... Подобные детали, увы...

– И куда делся старый хозяин, вы тоже не знаете?

– Мне очень жаль, но... – ответил он, переключая лицо в режим Улыбки Номер Шестнадцать.

– Ну а кого мне лучше об этом спрашивать?

– Как вам сказать... – Он чуть склонил голову набок. – Видите ли, мы – служебный персонал, и нас не посвящают в вопросы того, что было до открытия предприятия. Поэтому и на ваш вопрос, кого лучше об этом спрашивать, нам ответить, мягко говоря...

Его речь сохраняла железную логику, и все-таки что-то было не так. И в его ответах, и в словах девицы чувствовалась какая-то фальшь. Не то чтобы сильно резало слух. Но и пропустить мимо ушей не получалось. Когда по работе приходится постоянно брать у людей интервью, что-то, а чуть на такие вещи развивается само собой... Манера речи, направленной на умолчание. Выражения лиц людей, говорящих неправду. Никакими доводами этого не обоснуешь. Просто чувствуешь: от тебя что-то скрывают. И все.

Одно было ясно: больше из этой парочки не вытянуть ни черта. Я поблагодарил типа в черном. Тот легонько кивнул и скрылся за дверью подсобки. Когда он исчез, я поинтересовался у девицы системой гостиничного питания и сервисом в номерах. Она с большим усердием принялась отвечать на поставленные вопросы. Я слушал и неотрывно смотрел ей в глаза. Очень красивые глаза. Если смотреть в них долго, начинает казаться, будто видишь что-то еще. Перехватив

мой взгляд, она вспыхнула. И из-за этого понравилась мне еще больше. Почему? Не знаю. Может, потому, что казалась мне *Духом Отеля «Дельфин»!* Я поблагодарил ее, отошел от стойки, вызвал лифт и отправился к себе в номер.

1523-й оказался номером хоть куда. Для одноместного – необычайно широкая кровать, на редкость просторная ванная. Холодильник забит напитками и закуской. Письменный стол – мечта графомана; ящики ломятся от конвертов и писчей бумаги. В ванной собрано все, что только возможно – от шампуня и освежителя для волос до лосьона после бритья и банного халата. Гардероб, по вместительности не уступающий отдельной комнате. Новенький ковер с мягким ворсом по самую щиколотку.

Я снял куртку, разулся, плюхнулся на диван и принялся читать рекламный буклет, полученный от девицы. Буклет уже сам по себе претендовал на шедевральность. Кто как, а уж я собаку съел на выпуске рекламных буклетов, и качество подобных изданий оцениваю мгновенно. В буклете *этого* отеля все было безупречно. Абсолютно не к чему прицепиться.

Как сообщалось в буклете, «отель «Дельфин» – гостиничный комплекс принципиально нового типа, построенный с учетом особенностей жизни современного мегаполиса. Новейшее оборудование, высококлассный сервис двадцать четыре часа в сутки. Обилие свободного места привносит лег-

кость и непринужденность в обстановку каждого номера. Концептуально подобранный интерьер вызывает ощущение домашнего очага и уюта...»

В довершение ко всему буклет гарантировал такую штуку, как «аура человечности». Что, видимо, могло означать лишь одно: «Все это стоило нам бешеных денег, так что не удивляйтесь нашим расценкам».

Чем больше я вчитывался, тем сильнее поражаюсь: ей-богу, чего здесь только нет... Подземный торговый центр. Бассейн с сауной и солярием. Крытые теннисные корты, оздоровительный клуб со снарядами для шейпинга и инструкторами; зал для переговоров с синхронными переводчиками; пять ресторанов, три бара. Ночной кафетерий. Если приспичит, можно даже заказать лимузин. Офисы с оргтехникой и канцелярскими принадлежностями – заходи кто хочешь, работай в свое удовольствие. Любые услуги, какие только можно вообразить. На крыше – вертолетная площадка...

Нет на свете того, чего бы здесь не было.

Новейшее оборудование. Изысканный интерьер.

Что же за фирма, интересно узнать, тащит на себе всю эту махину? Я заново просмотрел весь буклет от корки до корки, однако ни единого упоминания об организации, управляющей отелем, не обнаружил. Что за чертовщина? Ведь ясно как день: отгрохать первоклассную гостиницу и успешно управлять ее делами может только очень мощная профессиональная корпорация, владеющая целой сетью таких же

отелей по всей стране. И раз уж она, эта корпорация, взялась за такое дело, то непременно должна и имя свое ука-зывать, и рекламировать другие отели той же сети. Скажем, если вы остановились в отеле «Принс», то вам обязательно предложат адреса и телефоны всех остальных «Принс-отелей» в стране. Это уж как пить дать.

И кроме того – за каким дьяволом этакий монстр унасле-довал название задрипанного отелишки, что был здесь рань-ше?

Но сколько я ни думал, даже тени ответа в сознании не всплывало.

Я бросил буклет на стол, закинул ноги на диван, устро-ился поудобнее и стал разглядывать пейзаж за окном пятна-дцатого этажа. Но видел там лишь иссиня-голубое небо. И чем дольше я смотрел в это бездонное небо, тем крошечнее, тем бессмысленнее себя ощущал.

С ностальгической грустью вспоминал я старый отель «Дельфин». Что ни говори, а из его окна смотреть было куда интереснее.

До самого вечера я убивал время, исследуя внутренности отеля. Обошел рестораны и бары, осмотрел бассейн, сауну, оздоровительный клуб, теннисные корты; заглянул в торговый центр, где купил пару книг. Послонулся по огромному фойе, забрел в зал игровых автоматов и несколько раз помучил «однорукого бандита». Время умирало легко, и вечер наступил почти сразу. Прямо как в Луна-парке, даже подумал я. Есть такой особенный способ убивать время.

Когда стемнело, я вышел из отеля и отправился шататься по вечернему Саппоро. Чем дольше я бродил, тем отчетливее проступала в памяти география города. Когда я останавливался в старом отеле «Дельфин», приходилось шататься по этим улочкам изо дня в день – так долго, что хоть с тоски помирай. И уж за каким поворотом что находится, я, в общем, помнил до сих пор. В том, старом отеле «Дельфин» не было даже буфета – а если бы и был, вряд ли нам захотелось бы там трапезничать, – и мы с подругой (то есть с Кики) постоянно ели где-нибудь по соседству. Так что теперь я целый час шлялся по знакомым улочкам с таким чувством, будто забрел в кварталы своего детства. Солнце зашло, и морозный воздух начинал пощипывать кожу. Плотный, не желающий таять снег поскрипывал под ногами. Ветра не было, гулять по улицам было приятно. Воздух очистился и посве-

жел, и даже кучи снега на перекрестках, пепельно-серые от выхлопных газов, поблескивали в огнях ночного города, как огромные фантастические муравейники.

Если сравнивать с прошлым, кварталы вокруг отеля «Дельфин» преобразились. Конечно, «прошрое» в моем случае означало всего-навсего события четырехлетней давности, так что большинство заведений на улочках остались прежними. Да и общая атмосфера, по большому счету, не изменилась. Но с первой же минуты своей прогулки я ощутил: Время здесь не стояло на месте. С десятков магазинчиков оказались закрыты на реконструкцию, о чем сообщали объявления перед входом. Сразу в нескольких местах строились высотные билдинги. Драйвины с гамбургерами для автомобилистов, салоны с одеждой от всемирно известных модельеров, автошопы с европейскими лимузинами в громадных витринах, модернистские кафетерии с экзотическими деревьями во внутренних садиках, умопомрачительные офисы чуть не полностью из стекла, – немыслимые до сих пор заведения невиданных конструкций вырастали одно за другим, уже одним своим обликом выталкивая из жизни обшарпанные выцветшие трехэтажки, недорогие трактирчики с тряпичными вывесками над входом и лавки дешевых сладостей со всеми их кошками, дремлющими у керосиновых печек средь бела дня. При взгляде на эти улочки в душе рождалось странное ощущение, точно от вида детских молочных зубов: будто вынужден временно жить рядом с тем, что очень ско-

ро исчезнет, сменившись чем-нибудь новым. Сразу несколько банков открыли новые отделения. Похоже, ветер перемен гулял по этим улочкам именно благодаря появлению отеля «Дельфин». Ведь что ни говори, а когда такая громадина вдруг вырастает на совершенно безликой, богом забытой окраине – будто нефтяной фонтан вырывается из-под земли на бесхозном пустыре: постепенно и неизбежно начинает меняться весь баланс окружающей жизни. Приходит качественно иной потребитель, возрастает активность населения. Подскакивают цены на землю.

А может, все эти изменения – нечто более глобальное? Может, не появление отеля «Дельфин» повлекло за собой перемены, но сам отель – малая часть всех этих Больших Перемен? Скажем, всего лишь один из проектов в долгосрочном Плане реконструкции города...

Я зашел в кабачок, где когда-то уже бывал, выпил сакэ, немного поел. В кабачке было грязно, шумно, дешево и вкусно. Когда хочется перекусить где-нибудь, я всегда выбираю заведение пошумнее. Так спокойнее. И одиночества не ощущаешь, и с самим собой разговаривай вслух, сколько влезет – никто не услышит.

Тарелка моя опустела, но хотелось чего-то еще; я опять заказал сакэ. И вот, отправляя в желудок чашку за чашкой горячей рисовой водки, я наконец задумался: что я делаю и какого черта здесь нахожусь? Отеля «Дельфин» больше нет. Чего бы я ни ожидал от него, все впустую: отель «Дель-

фин» сгинул с лица земли. Его просто *не существует*. Взамен осталась только эта технократическая уродина, напоминающая сверхсекретную космическую базу из «Звездных войн»... Все это лишь сон, моя запоздалая мечта. Мне они просто приснились – отель, канувший в прошлое, и Кики, растворившаяся в дверном проеме. Может, и правда кто-то там плакал по мне. Но все уже кончилось. Ничего не осталось. Чего еще тебе здесь надо, приятель?

Так оно и есть, подумал я. А может, и вслух произнес. *Так и есть, больше здесь ничего не осталось. Мне ничего здесь больше не нужно.*

Стиснув губы, я долго сидел, пристально глядя на бутылку с соевым соусом на стойке перед собой.

Когда долго живешь один, поневоле начинаешь пристально разглядывать что попало. Разговаривать с собой то и дело. Ужинать в шумных трактирчиках. Тайно любить свой подержанный автомобиль. И понемногу отставать от жизни.

Я вышел из трактирчика и направился обратно в отель. Хотя забрел я довольно далеко, найти дорогу назад труда не составило. На какой из улочек ни задрал бы я голову, отель «Дельфин» громоздился перед глазами. Как те волхвы с Востока, что по звездам в ночи вычисляли свой путь не то в Иерусалим, не то в Вифлеем, добрался я до отеля «Дельфин».

Вернувшись в номер, я сразу же принял ванну. Затем, пока сохли волосы, разглядывал ночной Саппоро, раски-

нувшийся за окном. Из окошка старого отеля «Дельфин», вспомнил я, просматривалось здание с конторой какой-то фирмы. Что за фирма была, я так и не понял, но явно какой-то офис. Люди бегали по этажам, в делах по самые уши. А я целый день наблюдал за ними из окна. Куда-то теперь подевалась та фирма? Помню, была там одна девчонка – очень даже ничего себе. Что, интересно, с нею стало? И чем все-таки занималась та контора?..

Больше делать было нечего, и какое-то время я бесцельно шатался по номеру. Затем плюхнулся в кресло и включил телевизор. Передачи были одна другой тошнотворнее. Будто мне один за другим демонстрируют все разновидности блевотины, созданной искусственным путем. Поскольку блевотина искусственная, омерзения сразу не наступает. Но стоит поглазеть чуть подольше, и начинает казаться, что она настоящая. Я выключил телевизор, оделся, вышел из номера и отправился в бар на двадцать шестом этаже. Уселся за стойку и принялся за водку с содовой, в которую выдавили лимон. Одна стена в баре была полностью стеклянной – окно от пола до потолка. Я потягивал водку с содовой и озирался распростертый внизу ночной Саппоро. Обстановка вокруг напоминала космический мегаполис из «Звездных войн». Впрочем, должен признать: бар оказался весьма достойным. И выпивку здесь смешивали как надо. И бокалы качеством не уступали содержимому. Стоило этим бокалам соприкоснуться, как по всему бару расплывался мелодичный, приятный звон.

Не считая меня, в баре было лишь три посетителя. Двое мужчин средних лет в самом укромном углу пили виски и бубнили о чем-то заговорщическими голосами. Уж не знаю, что именно они так таинственно обсуждали, но, похоже, нечто судьбоносное для всего человечества. Скажем, разрабатывали секретный план покушения на Дарта Вейдера. Кто их знает.

За столиком же справа сидело юное создание женского пола, лет тринадцати-пятнадцати, голова в наушниках от плеера, и сосало через соломинку какой-то коктейль. Красивый ребенок. Длинные прямые волосы, длинные же ресницы, а в глазах – трогательная *прозрачность*, при виде которой хозяйку их сразу хотелось пожалеть, непонятно почему. Пальцы ее выстукивали по деревянной столешнице неведомый ритм; пожалуй, лишь эти пальцы – странным контрастом ко всему прочему в ее облике, – выглядели действительно детскими. Хотя взрослой я бы тоже ее не назвал. Но в ней уже пробудилось то особое отношение к миру, при котором женщина смотрит на все вокруг сверху вниз. Не в плохом смысле, не агрессивно. Просто – как бы тут лучше выразиться – *нейтрально* смотрит на мир сверху вниз, и все. Как на улицу из окна.

В действительности, однако, девчонка вообще никуда не смотрела. Взгляд ее, похоже, не падал ни на что конкретно. На ней были джинсы, белые кроссовки и спортивный джемпер с надписью «GENESIS» огромными буквами. Ру-

кава джемпера поддержуты до самых локтей. Методично и самозабвенно она отстукивала по столешнице ритм, с головой погрузившись в музыку своего плейера. Временами ее губы чуть заметно двигались, подпевая неведомой песне.

— Это у нее лимонный сок, — словно оправдываясь, пояснил бармен, возникнув у меня перед глазами. — Сидит тут, ждет, когда мать вернется...

— Угу, — неопределенно промычал я в ответ. И в самом деле, странная должна быть картина: пигалица лет тринадцати сидит в ночном баре, слушает плейер и что-то пьет в одиннадцатом часу вечера. Однако не напомни мне об этом бармен, я не уловил бы ничего странного. По мне так она смотрелась здесь очень естественно и органично.

Я попросил еще виски и завязал с барменом «светскую беседу». О природе, о погоде и прочей бесконечно-бессмысленной ерунде. И чуть погода как бы вскользь обронил: мол, все здесь так поменялось за последние пару лет, не правда ли? На лице его появилось озадаченное выражение, и он сообщил, что до открытия отеля «Дельфин» работал в одном из токийских отелей, и о Саппоро почти ничего не знает. Тут в бар стали подтягиваться еще посетители, и наш разговор завершился сам собой, абсолютно бесплодно.

Я прикончил уже четвертое виски. Чувствовал, что запросто могу выпить еще, но слишком засиживаться не хотелось; ограничившись четырьмя, я расписался на чеке, включив выпивку в общий счет. Когда я встал из-за стойки и на-

правился к выходу, девчонка все так же сидела за столиком и слушала плеер. Мать ее не показывалась, лед в лимонном соке совсем растаял, но ей, похоже, было на это совершенно плевать. И только когда я поднялся с табурета, она посмотрела прямо на меня. Две-три секунды она разглядывала мое лицо – и вдруг еле заметно улыбнулась. Или, может, ее губы просто дрогнули лишний раз? Так или иначе, мне почудилось, будто она на меня посмотрела. И от взгляда ее, как бы странно это ни прозвучало, в груди у меня что-то дрогнуло. Необъяснимое ощущение – словно эта девчонка *сама выбирала меня*... Странная дрожь в душе, такой я никогда еще не испытывал. Словно взлетаешь над полом на пять-шесть сантиметров.

В полнейшем замешательстве я вошел в лифт, спустился на пятнадцатый этаж и вернулся в номер. Чего это тебя так разобрало? – удивлялся я сам себе. Двенадцатилетняя, или сколько ей там, соплячка осчастливила тебя улыбкой? Да она тебе в дочки годится, кретин!...

«*GENESIS*»... Вот, пожалуйста – еще одна банда с идиотским названием.

Впрочем, то обстоятельство, что на ее джемпере я увидел именно это слово, показалось мне до ужаса символичным.

Начало начал.

И все-таки. Какого черта называть таким огромным, всепоглощающим словом рок-н-рольную банду?

Не разуваясь, я повалился на кровать и с закрытыми

глазами попытался восстановить в памяти образ девчонки. Плеер. Бледные пальцы отстукивают по столу ритм. *Genesis*. Растаявший лед в бокале...

Начало начал.

Лежа недвижно с закрытыми глазами, я чувствовал, как во мне медленно циркулирует алкоголь. Я развязал шнурки, скинул ботинки и забрался в постель.

Похоже, я был куда более измотан и пьян, чем воображал. Я лежал и ждал, чтобы какой-нибудь женский голос произнес рядом: «Э, милый, сегодня ты перебрал!» Но никто ничего не сказал. Я был абсолютно один.

Начало начал.

Дотянувшись до выключателя, я погасил торшер. Опять небось приснится отель «Дельфин», еще успел подумать я в темноте. Но ничего не приснилось. Открыв поутру глаза, я ощутил внутри лишь какую-то бессмысленную пустоту. Абсолютный ноль, подумал я. Ни снов, ни отеля. Я нахожусь в совершенно вздорном месте и занимаюсь полнейшей ерундой. Сапоги валялись на полу у кровати, точно два околевших щенка.

Небо за окном закрывали мрачные низкие тучи. Это небо выглядело таким холодным, что, казалось, вот-вот пойдет снег. Посмотришь в такое небо, вообще ничего делать не захочется. На часах пять минут восьмого. Ткнув пальцем в пульт дистанционного управления, я включил телевизор и, не вылезая из постели, стал смотреть программу утренних

новостей. Ведущие долго рассказывали что-то о предстоящих выборах. Минут через пятнадцать я плюнул, выключил телевизор, встал и поплелся в ванную, где сполоснул лицо и принялся за бритье. Для пущей бодрости я решил мурлыкать увертюру из «Женитьбы Фигаро». Вскоре, однако, поймал себя на том, что вроде как мурлычу увертюру из «Волшебной флейты». Чем больше я старался вспомнить, что откуда, тем лишь сильнее запутывался. За что бы ни взялся я в это утро, все наперекосяк. Бреясь, порезал щеку Надев сорочку, вдруг обнаружил, что на манжете оторвана пуговица.

В ресторане за завтраком я снова увидел ее – вчерашнюю девчонку из бара. В обществе взрослой женщины, матери, надо полагать. Никакого плейера при ней уже не было. Одетая во все тот же джемпер с надписью «GENESIS», она сидела за столиком и с невыносимой скукой на физиономии прихлебывала чай. Ни к ветчине, ни к яичнице перед собою почти не притронулась. Ее мать – да, судя по всему, именно мать – оказалась миниатюрной женщиной лет сорока или чуть больше. Волосы собраны в узел на затылке. Свитер из верблюжьего кашемира поверх белоснежной блузки. Брови точь-в-точь как у дочери. Нос очень правильный, аристократической формы. *Томная затруднительность*, с которой она намазывала себе бутерброд, выдавала в ней натуру, привыкшую очаровывать собой всех и вся. В ее движениях сквозило нечто такое, что могут позволить себе лишь женщины, постоянно находящиеся в центре внимания.

Когда я проходил мимо их столика, девчонка вдруг подняла взгляд и посмотрела мне прямо в лицо. И весело улыбнулась. На этот раз – совершенно отчетливо, совсем не так, как вчера. Ошибки быть не могло...

Завтракая в одиночку, я пытался занять чем-то голову, но после воспоминания о ее улыбке больше ни о чем толком не думалось. За какую бы еще мысль я ни брался, в мозгу лишь прокручивались одинаковые слова, и ничего не происходило. Поэтому я просто завтракал в одиночку, разглядывая перечницу перед носом, и не думал вообще ни о чем.

Заняться было нечем. Ни служебных обязанностей, ни персональных желаний. Хватит с меня: я уже пожелал остановиться в отеле «Дельфин» – и вот что получилось. *Отеля, в котором переворачивались судьбы людей, больше нет,* и здесь уже ни черта не изменишь. Ты проиграл, приятель. Руки вверх.

Тем не менее я спустился в фойе, расселся на роскошном диване и попытался составить в уме расписание на день. Но расписание не составлялось. Осматривать местные достопримечательности не хотелось, а куда еще пойдешь? Подумал было убить время в кино, но, во-первых, не шло ничего приличного, а во-вторых – ну что за бред: тащиться из Токио в Саппоро, чтобы убивать время в кинотеатре!.. Чем же заняться?

Нечем.

И я решил сходить в парикмахерскую.

В конце концов, с этой вечной токийской занятостью я уже полтора месяца не стригся.

Так что это очень правильное решение. Здоровое и реалистичное. Выдалось свободное время – марш в парикмахерскую. Совершенно разумно. С какой стороны ни смотри, поступок, за который не стыдно.

Я пришел в парикмахерскую при отеле. Чистую, свежую,

благоухающую – одно удовольствие находиться внутри. Надеялся, что будет очередь и придется долго ждать, но, как назло, стояло обычное утро буднего дня, и никакой очереди не было в помине. По серо-голубым стенам салона были развешаны абстрактные картины, а из динамиков кабельного радио растекались кантаты Баха в обработке Жака Руше. Назвать все это «парикмахерской» просто не поворачивался язык. Этак скоро придется мыться в бане под хор грегорианских монахов. А в приемной Налогового управления медитировать под «нью-эйдж» Рюити Сакам ото...

Стриг меня совсем молоденький мастер, еле-еле за двадцать. Как и вчерашний бармен, тоже не знал о Саппоро ни черта. Когда я рассказал ему, что раньше на этом месте стоял другой, совсем неказистый отелишко, который тоже назывался «Дельфин», он лишь вымолвил:

– Что вы говорите? – и тут же потерял к рассказу интерес. Подобные темы, как видно, были ему в принципе до лампочки. Очень стильный малый. В сорочке от «Мен'з Биги». Впрочем, дело свое он знал неплохо, и я вышел из парикмахерской удовлетворенный хотя бы этим.

Вернувшись в фойе, я снова задумался, куда бы еще себя деть. На всю стрижку ушло каких-то сорок минут.

Но в голову ничего не приходило.

От нечего делать я просидел какое-то время на диване в фойе, разглядывая окружающее пространство. За стойкой приема я заметил вчерашнюю девицу в очках. Мы встрети-

лись с нею глазами, и она как будто слегка напряглась. С чего бы? Неужели факт моего существования как-то отразился в ее сознании? Трудно сказать...

Время подошло к одиннадцати. Можно и насчет обеда подумать. Я вышел из отеля и неторопливо побрел по улице, размышляя, где и что мне хотелось бы съесть. На какой бы ресторанчик ни падал взгляд, желудок оставался равнодушным. Проклятый аппетит не приходил. Наконец я плюнул, зашел в первую попавшуюся забегаловку и заказал спагетти с салатом. И бутылку пива. Небо за окном еще с утра обещало разродиться снегопадом, да все никак не решалось. Огромная туча нависала над городом, словно Летающий Остров из книжки про Гулливера. Предметы вокруг приобрели отчетливый пепельный оттенок. Что вилка, что салат, что пиво в бутылке – все сделалось пепельно-серым. Любые попытки что-либо придумать в такую погоду заранее обречены.

Наконец я решился: вышел на улицу, поймал такси, поехал в центр и стал убивать время в огромном универмаге. Купил носки, пару нижнего белья, батареек про запас, зубную щетку походного типа и кусачки для ногтей. А также пакет бутербродов на вечер и толстый стакан для бренди. Ни в одной вещи из этого списка особой необходимости я не испытывал. Покупками занимался с единственной целью – убить время. И убил таким образом целых два часа.

Выйдя из универмага, я долго бродил по улицам безо всякой цели и разглядывал витрины. Когда надоело и это, зашел

в случайную кофейню, заказал кофе и снова раскрыл биографию Джека Лондона. Так худо-бедно скоротал время до вечера. День закончился, точно скучное кино. Что ни говори, а от убивания времени тоже можно устать до боли в суставах.

Вернувшись в отель, я направился было через фойе прямо к лифту, но вдруг услышал, что меня окликают по имени. Оказалось – та самая девица в очках. Звала меня прямо из-за своей стойки. Я подошел, и она, ни слова не говоря, провела меня в самую дальнюю секцию. Секция называлась «Прокат автомобилей», и все вокруг было усеяно рекламными буклетами. За стойкой не было ни души. Девица вертела в пальцах авторучку и смотрела на меня как-то странно, будто бы с удовольствием что-то рассказала мне, если бы знала, как. С первого взгляда я понял: ей непонятно, ей трудно и страшно неудобно за себя.

– Извините... Не могли бы вы делать вид, что разговариваете со мной о прокате автомобиля? – попросила она. И как бы невзначай обвела глазами фойе. – Дело в том, что нам запрещается вести частные разговоры с клиентами...

– Нет проблем, – сказал я. – Я выпрашиваю у вас расценки, вы мне о них подробно рассказываете. Никаких частных разговоров.

Она слегка зарделась.

– Вы уж простите... У нас в отеле очень жесткие правила. Я улыбнулся.

– А зато вам очки идут.

– Прошу прощения?

– Я говорю, очки вам очень даже к лицу, – пояснил я.

Она поправила пальцем оправу. И кашлянула пару раз в кулачок. Явно из тех женщин, которых легко смутить.

– Видите ли, я хотела спросить у вас кое-что... – произнесла она, справившись с замешательством. – Кое-что личного характера.

Мне вдруг захотелось погладить это лицо, успокоить ее хоть как-то, но это было невозможно, и я просто слушал, что она говорит.

– Насчет отеля, о котором вы говорили вчера... Ну, который был здесь раньше, – очень тихо продолжала она. – Что это был за отель? Это был приличный отель?

Я стянул со стойки буклет с картинками автомобилей и принялся делать вид, что старательно его изучаю.

– А что конкретно вы имеете в виду, когда говорите «приличный отель»? – поинтересовался я.

Она вцепилась пальчиками в концы воротничка белоснежной блузки, нервно потеряла их секунд десять. И снова откашлялась.

– Ну... Я не знаю, как объяснить... Скажем, не было ли у него какой-нибудь странной репутации? Поверьте, мне это очень важно – узнать про тот старый отель...

Я посмотрел ей в глаза. Как я уже заметил раньше, глаза были очень красивые, ясные. Я посмотрел в эти глаза чуть

подольше, и она снова вспыхнула.

– Я, конечно, не знаю, почему это для вас так важно, – сказал я. – Но если я начну рассказывать, получится слишком длинно. Так что прямо здесь и сейчас у нас с вами разговора не выйдет. Вы же на работе – дел, наверно, по горло...

Она покосилась на сослуживцев, суетившихся за стойкой приема. И прелестными белыми зубками закусил губу. Затем поколебалась несколько секунд – и решительно кивнула.

– Хорошо. Тогда... не могли бы мы поговорить, когда я закончу работу?

– А когда вы заканчиваете?

– В восемь. Но здесь, около отеля, я с вами встретиться не могу. У нас очень жесткие правила... Если можно, где-нибудь подальше отсюда.

– Ну если вы знаете, где можно спокойно поговорить, я могу поехать куда угодно.

Она снова кивнула, задумалась на пару секунд – и, вырвав страничку из блокнота, набросала авторучкой название заведения и простенькую схему, как добираться.

– Ждите меня вот здесь. Я приду к половине девятого, – сказала она.

Я взял у нее листок и сунул в карман.

На сей раз она сама посмотрела мне прямо в глаза.

– Только, прошу вас, не подумайте обо мне странного... Я вообще впервые в жизни так поступаю. Нарушаю правила, то есть. Просто в этом случае уже нельзя иначе. Почему – я

потом объясню.

— Ни в коем случае не думаю о вас ничего странного. Можете не беспокоиться, — сказал я. — Я не подонок какой-нибудь. Особой симпатии я обычно у людей не вызываю, но стараюсь не делать так, чтоб им было за что меня ненавидеть.

Вертя в пальцах авторучку, она немного подумала над моими словами, но, похоже, не совсем поняла их смысл. Ее губы сложились в неопределенную улыбку, а указательный палец еще раз поправил очки на носу.

— Ну до встречи, — сказала она и, раскланявшись со мной по-уставному, ушла в свою секцию. Очаровательное создание. И при этом — явно душа не на месте.

Я вернулся в номер, достал из холодильника бутылку пива и выпил, истребив заодно половину универмаговских бутербродов с говядиной. Ну вот, подумал я. Теперь хоть понятно, с чего начинать. Словно повернулся ключ в зажигании — и, хоть я еще понятия не имел, куда ехать, моя машина медленно тронулась с места. Для начала и это неплохо.

Я зашел в ванную, сполоснул лицо и снова побрился. Молча, спокойно побрился. Без пенопений. Протер кожу лосьоном, почистил зубы. И затем критически осмотрел свою физиономию в зеркале, чего не делал уже очень давно. Ничего нового это зрелище мне не открыло и никакой дополнительной веры в себя не принесло. Лицо как лицо. Каким и было всегда.

В полвосьмого я вышел из номера, спустился вниз, прямо у выхода сел в такси и протянул водителю бумажку с адресом. Тот молча кивнул, очень скоро довез меня куда нужно и высадил прямо перед входом в здание. Счетчик показывал какую-то тысячу с мелочью³.

Скромный уютный бар в подвале пятиэтажки, не успел я двери открыть, окатил меня саксофонным соло Джерри Маллигана – и надо признать, для такой древней пластинки звук был совсем неплохим. Этот альбом записывали, еще когда Джерри носил патлы до плеч и рубаху, расстегнутую до пупа, а в банде с ним играли Чет Бейкер и Боб Брукмайер. Когда-то я здорово по ним заворачивался. Еще в те времена, когда никаких *адамов антов* не было и в помине.

Адам Ант!

Черт бы их побрал с такими именами.

Я уселся за стойку и под *высококачественное* соло Джерри Маллигана принялся обстоятельно, не торопясь потягивать «Джей-энд-Би» с водой. На часах восемь сорок пять, а та, кого я ждал, все не появлялась, но я особо не беспокоился. Ну, задержалась на работе, подумаешь. Бар пришелся мне по душе, да и убивать время в одиночку я давно научил-

³ Около 10 долларов США – соответствует примерно десяти минутам езды на такси.

ся. Допив первое виски, я заказал еще. И, поскольку больше смотреть было не на что, стал разглядывать пепельницу.

Без пяти девять она наконец появилась.

– Извините, – быстро проговорила она. – Задержаться пришлось. Клиентов набежало к концу дня, да еще и смена запоздала...

– За меня не беспокойтесь, – ответил я. – Мне все равно время девать некуда.

Она предложила пересест за столик в углу. Я взял свой бокал с виски и пересел. Она стянула кожаные перчатки, размотала клетчатое кашне, скинула длинное серое пальто. И осталась в тоненьком желтом свитере и темно-зеленой шерстяной юбке. Ее грудь, обтянутая свитером, оказалась куда больше, чем казалось раньше. В ушах – изящные золотые сережки.

Она заказала «Кровавую Мэри».

Когда заказ принесли, она сразу взяла стакан и отпила глоток.

– Как насчет ужина? – поинтересовался я. Она ответила, что еще не ужинала, но перекусила немного в четыре часа, и поэтому не очень голодна. Я отпил виски, она – «Кровавой Мэри». В бар она примчалась, изрядно запыхавшись, и первые полминуты не говорила ни слова – примерно столько ей потребовалось, чтобы хоть чуть-чуть отдышаться. Я взял с тарелки орех, какое-то время изучал его глазами, потом отправил в рот и разгрыз. Взял еще один орех. Тоже поизучал,

отправил в рот и разгрыз. Так, орех за орехом, я ждал, пока она восстановит дыхание.

Она успокоилась, вздохнув напоследок особенно глубоко. Очень глубоко и долго. Даже сама смутилась – и тревожно глянула на меня, проверяя, не слишком ли глубоко она вздохнула напоследок.

– Тяжело на работе? – спросил я.

– Угу, – кивнула она. – Просто с ума сойти. Я еще не очень втянулась, да и сам отель совсем недавно открылся – начальство всех муштрует на первых порах...

Она положила руки на стол и сцепила пальцы. На правом мизинце я заметил единственное колечко.

Скромное, серебряное, без какого-либо изыска. Секунд двадцать, наверное, мы сидели и оба разглядывали это колечко.

– Так все-таки – как насчет того, старого отеля «Дельфин»? – наконец спросила она. – Кстати, я надеюсь, вы не журналист какой-нибудь?

– Журналист? – удивленно переспросил я. – Что это вы опять, ей-богу?

– Ну, просто спрашиваю... – сказала она.

Я промолчал. Она закусила губу и какое-то время сидела, уставившись в одну точку на стене.

– Там вроде был какой-то скандал поначалу... И после этого начальство стало жутко всего бояться. Всяких там репортеров и журналистов. А также любых вопросов насчет

передачи земли... Ну, вы же понимаете? Ведь если об этом начнут в газетах писать, отелю не поздоровится. Там же весь бизнес – на доверии клиента... Репутация будет подорвана, так ведь?..

– А что, уже где-нибудь об этом писали?

– Один раз в еженедельнике. Насчет каких-то крупных взяток... И что якобы на тех, кто землю продавать не хотел, натравили не то якудзу, не то ультраправых – и все-таки выудили... Что-то вроде этого.

– И в этом скандале был замешан старый отель «Дельфин», так?

Чуть ссутулившись над бокалом, она отпила еще «Кровавой Мэри».

– Я думаю, да. Поэтому наш менеджер и напрягся так, когда вы старый отель упомянули. Еще как напрягся, вы заметили?.. Но если честно, никаких подробностей я об этом не знаю. Слышала только – новый отель называется так потому, что до сих пор существует какая-то связь со старым отелем... Мне об этом сказал кое-кто.

– Кто?

– Да... один из наших «костюмчиков».

– Костюмчиков?

– Ну, менеджеров в черных костюмах...

– Понятно... – сказал я. – А кроме этого вы что-нибудь слышали о старом отеле «Дельфин»?

Она покачала головой. Затем пальцами левой руки сдви-

нула колечко на мизинце правой – и посадила обратно.

– Страшно мне, – произнесла она вдруг полупшепотом. – Все время страшно. До ужаса...

– Что страшно? Что о вас напишут в газетах?

Она снова покачала головой, почти незаметно. Потом поднесла бокал к губам и, задумавшись, замерла в такой позе. Не знаю, как еще объяснить, но казалось, будто ей физически больно от мыслей в голове.

– Да нет же, я не об этом... Бог с ними, с газетами. Пускай пишут что угодно, я-то здесь ни при чем, правда? Это начальство будет с ума сходить, ну и ладно... Я о другом. О самом отеле, о здании. Понимаете, там, внутри, происходит что-то такое... Очень странное. Нехорошее что-то. И не вполне нормальное.

Она замолчала. Я допил виски и заказал еще. И для нее – еще «Кровавую Мэри».

– В каком смысле – «ненормальное»? Можете объяснить? – попросил я. – У вас есть какие-то конкретные примеры?

– Конечно, есть, – потухшим голосом сказала она. – Есть, только... Это очень трудно объяснить словами как следует. Собственно, я поэтому до сих пор и не рассказывала никому. Понимаете, сами-то ощущения ужасно конкретные, а как только попытаешься их описать, выходит какая-то размазня... И рассказать толком не получается.

– Что-то вроде очень реалистичного сна?

– Нет! Сны – это другое. Сны я тоже вижу иногда. Если долго смотреть какой-нибудь сон, то ощущение реальности из этого сна постепенно уходит. А *здесь* все наоборот! *Здесь*, сколько бы ни прошло времени, – чувство, что это реальность, остается таким же. Всегда, всегда, всегда, сколько бы ни продолжалось, – все как живое перед глазами...

Я молчал.

– Ну хорошо... Я сейчас попробую рассказать как-нибудь, – решила она и глотнула еще из бокала. Затем взяла салфетку и промокнула губы. – В январе это случилось. В самом начале января. Только закончились новогодние праздники. И мне выпало идти в вечернюю смену. Вообще-то у нас девушек в вечернюю обычно не ставят, но в тот день как-то получилось, что больше некого. В общем, закончила я работу где-то около полуночи. Всех, кто заканчивает так поздно, фирма развозит за свой счет по домам на такси. Потому что ни метро, ни электрички уже не ходят... Ну так вот, в двенадцать я переоделась, села в служебный лифт и поехала на шестнадцатый этаж. На шестнадцатом у нас комната для отдыха персонала. А я там книжку забыла. Книжку-то можно было и назавтра забрать, да уж больно дочитать хотелось. А тут еще сотрудница, с которой мне вместе на такси возвращаться, задержалась немного. Ну, я и решила – съезжу, как раз книжку заберу. Села в лифт и поехала... На шестнадцатом этаже номеров для гостей нет, только служебные помещения – комната отдыха, например, там вздремнуть мож-

но, или кухня, чтобы чаю попить. Так что я часто езжу туда, несколько раз в день... В общем, останавливается лифт, открываются двери, я выхожу. Так же, как и всегда. Не задумываясь.

Ну вы знаете, так часто бывает. Когда занимаешься чем-то очень привычным или идешь по давно знакомым местам – не думаешь, что делаешь, действуешь автоматически. Вот и я так же: просто сделала шаг из лифта, не размышляя. То есть о чем-то я все-таки думала, конечно. Сейчас уже не помню, о чем... Выхожу я из лифта, руки в карманах пальто, и вдруг вижу: вокруг меня – темнота! Абсолютный мрак, ничего не видеть. Я назад – а двери уже закрылись. Сперва подумала – свет отрубили. Но тут же поняла: нет, быть такого не может. Потому что в отеле установлена система автономного энергоснабжения. Как раз для таких случаев. И если свет вырубает, она сразу – раз, и включается. Мгновенно, автоматически. С нами учебную тревогу проводили, поэтому я знаю. Электричество тут ни при чем. Даже если эта автономная система выходит из строя, продолжают гореть аварийные лампочки над пожарными выходами. То есть *такой* кромешной тьмы не наступает никогда. Даже в самом крайнем случае коридор освещается хотя бы тускло-зеленым светом. Не может не освещаться. Что бы ни произошло... А тут – на тебе: черным-черно, хоть глаз выколи. Только кнопка для вызова лифта светится, да экранчик с цифрами этажей. Красные такие циферки... Ну я, понятно, давай сразу на кнопку жать. А

лифт, проклятый, уехал куда-то в самый низ и обратно ехать не хочет. Вот же вляпалась, думаю, теперь дожидаться придется. Стою и по сторонам озираюсь. Вся от страха дрожу – и в то же время злая как черт... И знаете, почему?

Я покачал головой.

– Ну вы только представьте: раз на целом этаже света нет, значит, в работе отеля что-то разладилось, так? Значит, либо техника подвела, либо с персоналом проблемы. А это означает одно: всех снова поставят на уши. Опять работа в выходные, муштра с утра до вечера, от начальства тычки по любому поводу... Господи, как уже все надоело... Только-только все успокоилось – и вот, пожалуйста.

– Да уж... – посочувствовал я.

– И вот я стою, представляю себе все это и злюсь. Злости даже больше, чем страха. И заодно думаю: надо хоть посмотреть, что происходит... Отступаю от лифта на пару шагов. Медленно так. И чувствую – что-то не то. Звук шагов не такой, как всегда. И хотя я на каблуках, замечаю сразу: пол под ногами непривычный какой-то. Нет ощущения, что по ковру, как обычно, ступаешь – слишком жестко подошвам... У меня чувствительность повышенная, я в таких деталях не ошибаюсь. Уж можете мне поверить... И еще – воздух вокруг очень странный. Едкий, точно газеты жгли. Совсем не такой, как обычно в отеле. В отеле чистота воздуха поддерживается кондиционерами. По всему зданию. За день просто ужас сколько воздуха перекачивается. И не просто пере-

качивается, а еще и обрабатывается специально. В обычных отелях воздух пересушивают, так что дышать трудно; а у нас поддерживается очень естественная атмосфера. О каких-то горелых газетах просто речи не может быть. А этот воздух, если просто сказать, очень затхлый. Как будто ему уже лет сто, не меньше. Я когда маленькая была, у деда в деревне однажды в погреб залезла... Вот так же точно и пахло. Как если бы много-много запахов от всякого старого хлама перемешались и кисли так, закупоренные, целый век... Тогда я решила лифт заново вызвать. На всякий случай. Только оглянулась – а кнопка уже исчезла. И экранчика с цифрами не видать. То есть вообще ничего не светится. Полный мрак, абсолютный... И вот тут уже я испугалась по-настоящему. Ничего себе шуточки... Стою совершенно одна, непонятно где, вокруг не видать ничего. Чуть не умираю от страха. И только в голове все равно вертится: не может быть, неувязка какая-то. Звуки исчезли совсем. Резкая, пронзительная тишина. Разве не странно? В огромном отеле вдруг выключается свет. Почему никто не бежит в панике по коридорам и лестницам? Отель битком набит проживающими – по идее, все здание должно ходить ходуном. А тут – ни скрипа, ни шороха. И я вообще уже ничего не понимаю...

Принесли наш заказ. Мы синхронно подняли стаканы и отпили по глотку. Она поправила пальчиком оправу очков. Я молча ждал продолжения.

– Ну как? – спросила она. – Пока еще не уловили в моих

ощущениях ничего конкретного?

– Кое-что уловил, – сказал я. – Вы выходите из лифта на шестнадцатом этаже. Вокруг темно. Странно пахнет. Слишком тихо. Что-то не так.

Она глубоко вздохнула.

– Не хочу хвастаться, но... По природе я совсем не трусиха. По крайней мере, для женщины у меня довольно крепкие нервы. И только из-за того, что вдруг свет погас, не стану, как большинство девчонок, подымать визг на всю вселенную... Когда страшно – тогда страшно, врать не буду. Но позволить страху меня победить – это, я считаю, последнее дело. Вот я и решила, как бы ни было страшно, сходить посмотреть, что все-таки происходит. И пошла на ощупь по коридору...

– В какую сторону? – уточнил я.

– Вправо, – быстро сказала она и помахала в воздухе правой рукой, лишний раз убеждаясь, что та действительно правая. – Точно, направо пошла. Очень медленно... Коридор сначала прямо тянулся. Иду, за стенку держусь. Вдруг – раз, поворот направо. Свернула. Гляжу, впереди тусклый свет какой-то. Еле виднеется, будто свеча горит вдалеке. Ага, думаю, кто-то свечку зажег. Надо туда идти. Чуть приблизилась, вижу: никакая это не свечка, а из приоткрытой двери свет пробивается. Сама дверь очень странная. Я таких дверей ни разу не видела. По крайней мере, у нас в отеле таких быть не может. Тем не менее дверь была, и из щели свет пробивался. И вот я стою перед этой дверью, а в голове все

перемешалось, как дальше поступить – не знаю. Может, там, за дверью, и нет никого. А вдруг есть, но какой-нибудь ма-
няк? К тому же и дверь какая-то странная... В общем, взя-
ла я и постучала тихонько. Ну, совсем слабенько, чтобы да-
же не очень ясно было, стучат или нет. Только вокруг такая
тишина стояла, что загремело чуть не на весь этаж. А из-за
двери – никакой реакции... первые десять секунд. То есть
секунд десять я стояла и соображала, что же дальше делать.
И вдруг оттуда звуки слышались. Такие... словно кто-то с
пола подымается в очень тяжелой одежде. И затем раздались
шаги. Страшно медленные. Шаркающие. *Шур-р-р... ШУР-
РР... Шур-р-р...* С таким призвуком странным – то ли в шле-
панцах, то ли ноги по полу волочит... И шаг за шагом к две-
ри приближается...

Вспоминая услышанное когда-то, она посмотрела куда-то
вверх и застыла так на несколько секунд. Потом очнулась и
покачала головой.

– Я, когда это услышала, от ужаса окаменела. Сразу по-
чувствовала: человек так ходить не может. Почему, объяс-
нить не могу, но чувствую: это не человек... Впервые в жиз-
ни спина от ужаса заledenела. Не в переносном смысле –
буквально... И я побежала. Сломя голову побежала. По до-
роге, наверно, упала раза два или три. Потом чулки все по-
рванные были. Только я ничего не помню. Помню только,
что бегу, бегу... И в голове – единственная мысль так и ска-
чет: «Господи, только б лифт не сдох, а если сдох – что тогда

делать-то?!» Добежала до лифта, смотрю – работает. И кнопка вызова горит, и экранчик с цифрами. Только сам лифт, как назло, на первом этаже стоит. Я давай на кнопку давить – он и поехал. Медленно-медленно. С ума сойти, как медленно... Второй этаж... Третий... Четвертый... Я уже чуть не кричу: «Ну, скорее давай, скорее!»... Бесполезно. Просто пытка, как долго он полз. Точно издевался надо мной, ей-богу...

Она перевела дух, отхлебнула еще «Кровавой Мэри». И повертела кольцо на мизинце.

Я молчал и ждал, что же дальше. Музыка стихла. Послышался чей-то смех.

– И тут я снова слышала их... Шаги. *Шур-р... Шур-р...* Медленные, но все ближе, ближе... *Шур-р-р... Шур-р-р...* Кто-то из-за двери вышел, поворот обогнул – и уже совсем рядом... Вот это был ужас! Вернее, даже не ужас... Просто чувствую, желудок поднимается к самому горлу. Все тело в поту. В холодном, липком поту. И по коже будто змеи ползают... А проклятый лифт все никак не приедет. Седьмой этаж... Восьмой... Девятый... Атаги уже совсем рядом...

Она замолчала на добрые полминуты. И все это время проворачивала кольцо на мизинце. Словно вертела ручку радиоприемника, настраиваясь на волну. Женщина за стойкой бара что-то сказала, мужчина рядом с ней опять засмеялся. Скорей бы уж музыку поставили, подумал я.

– Такой ужас не опишешь тому, кто его не испытывал, –

бесцветным голосом сказала она.

– Так чем же все закончилось? – спросил я.

– Ну я вдруг вижу: передо мной – двери лифта распахнутые. И из них – яркий свет наконец-то. Я просто кубарем туда вкатилась... Вся дрожу, как припадочная, и давлю, давлю на кнопку первого этажа... Вниз приехала – все фойе в шоке. Ну еще бы, представьте: вываливаюсь из лифта вся побелевшая, дрожу как осиновый лист, и изо рта одни вопли вылетают... Сразу менеджер прибежал, что случилось, спрашивает. Я, хоть отдышаться и не могу, кое-как объяснить пытаюсь. Дескать, там, на шестнадцатом, что-то странное происходит. Менеджер еще одного парня взял, и мы уже все втроем на шестнадцатый поехали. Посмотреть, в чем дело. Только на шестнадцатом ничего уже нет. Сигнализация красным горит, как положено, и никаких странных запахов. Все как обычно... Заглянули в комнату отдыха, спросить, что да как. Там была пара сотрудников, они все это время не спали, но никакого отключения света не заметили. На всякий случай мы обошли весь этаж и ничего странного не обнаружили. Чистое наваждение... Только вернулись на первый этаж – менеджер в кабинет вызывает. Ну все, думаю, сейчас орать начнет. А он даже не разозлился нисколечко. Докладывай, говорит, подробнее, что произошло. Ну я и рассказала в деталях. Даже звук шагов изобразила, хоть и чувствовала себя последней душой при этом... Так и казалось: вот сейчас он расхохочется на весь кабинет и закричит, что мне все

это приснилось... А он даже не улыбнулся. Наоборот, сделал страшно серьезное лицо. И сказал: «Обо всем этом ты больше никому не рассказывай, хорошо?» Ласково так говорит, с участием в голосе. «Вероятно, – говорит, – произошла какая-то ошибка. Однако никак нельзя допустить, чтобы другие сотрудники стали чего-то бояться. Так что уж постарайся держать язык за зубами»... Но вы понимаете, в чем дело... Мой менеджер никогда *ласково* с людьми не разговаривает. Влепить кому-нибудь в лоб словом покрепче – вот это в его обычной манере. Поэтому мне и пришло в голову... Может, я уже не первая, кто ему об этом рассказывает?

Она замолчала. Я тоже молчал, пытаюсь осмыслить услышанное. Пауза затягивалась – пожалуй, нужно было задавать какие-то вопросы.

– А от других сотрудников вы ничего *такого* не слышали? – спросил я. – Того, что пересекалось бы с вашим случаем... Каких-нибудь странных рассказов, мистических историй? Пусть даже на уровне слухов...

Она покачала головой:

– Слышать не слышала... Но я чувствую: что-то ненормальное за всем этим кроется. Вот и менеджер на мой рассказ так странно отреагировал... И вообще слишком много вокруг недомолвок, каких-то разговоров полупшепотом... Не могу объяснить как следует, но... странно очень. Я раньше в другом отеле работала – так ничего похожего. Разумеется, тот отель не был таким громадным, да и в целом обстанов-

ка была другая, но все равно: *слишком* большая разница. В прежнем отеле, помню, тоже какие-то байки-страшилки рассказывали, — да что говорить, у каждого отеля есть хотя бы одна своя история с привидениями, — но мы над ними смеялись, никто всерьез не воспринимал. А здесь совсем не так. Здесь никто ни над чем не смеется. И от этого еще страшнее. Если бы менеджер от моего рассказа рассмеялся или хотя бы наорал на меня... Я бы тогда, наверное, успокоилась, решила бы — ну точно, ошибка какая-то. А так...

Она нервно прищурилась, разглядывая стиснутый в ладони бокал.

— А после этого случая вы хоть раз поднимались на шестнадцатый этаж?

— Да постоянно, — ответила она скучным голосом. — Я же на работе. Хочешь не хочешь, приходится туда ездить. Но обычно я бываю там только днем. Вечером — никогда. И что бы ни случилось, ни за что не поеду вечером. Не дай бог еще раз пережить такое... Я поэтому и в вечернюю смену больше не выхожу. Так прямо и сказала начальству: не хочу — и точка.

— Так, значит, до сих пор вы об этом никому не рассказывали?

Она дернула подбородком.

— Я ведь говорила... Вам сегодня рассказываю впервые. Раньше, может, и хотела бы рассказать, да некому. А теперь появились вы и тоже интересуетесь, что же там проис-

ходит... Ну, на шестнадцатом этаже.

– Я? С чего вы взяли?

– Ну не знаю... Про старый отель «Дельфин» вам что-то известно. И о том, как он исчез, сразу спрашивать начали... Вот мне и показалось, может, хоть у вас найдется какое-то объяснение тому, что со мною было...

– Никакого объяснения у меня нет, – ответил я, немного подумав. – И про тот, старый отель я мало что знаю. Маленький, захудалый такой отелишко. Четыре года назад я там остановился, познакомился с хозяином, а теперь проведать решил... Вот и все. Не было в том отеле ничего примечательного. Ничего, что можно запомнить и потом рассказать.

Про себя, в душе, я вовсе не считал старый отель «Дельфин» таким уж *обычным*, однако на нынешнем этапе знакомства откровенничать не хотелось.

– И все-таки, когда сегодня днем я спросила, был ли это приличный отель, вы ответили, мол, долго рассказывать... Что же вы имели в виду?

– Имел я в виду кое-что очень личное, – пояснил я. – Начни я вам рассказывать, это действительно заняло бы кучу времени. Но после всего, что вы рассказали, я уже не думаю, что моя история как-то связана с вашей.

Мой ответ, похоже, сильно ее разочаровал. Она скривила губы и какое-то время молча разглядывала руки.

– Вы уж извините, что ничем не могу вам пригодиться. Вы-то мне вон сколько всего нарасказывали...

– Да ладно, – вздохнула она. – Вы же не виноваты. А я хоть выговорилась, уже облегчение. Очень тяжело, когда долго держишь в себе такое. Постоянно тревога какая-то...

– Еще бы, – сказал я. – Если такое держать в голове слишком долго, голова раздувается, как воздушный шар...

И я изобразил руками, как моя голова раздувается на манер воздушного шара.

Она молча кивнула. Потом еще раз взялась за кольцо на мизинце, покрутила, почти сняла – и вернула в прежнее положение.

– Скажите честно... Вы мне верите? Ну, про шестнадцатый этаж... – спросила она.

– Конечно, верю, – очень серьезно ответил я.

– Правда? Но ведь это... очень *ненормальная* история, разве нет?

– Да, пожалуй, нормальной ее не назовешь... И все же такие вещи иногда случаются. Это я знаю точно. Потому и вам верю. Так бывает: одно пересекается с другим и образуется узел. Одно начинает зависеть от другого и наоборот.

Она подумала над моими словами.

– А с вами в жизни так бывало когда-нибудь?

– Пожалуй... – кивнул я. – Думаю, да.

– Страшно было?

– Да там скорее не страх... – ответил я. – Просто разные узлы по-разному завязываются. В моем же случае...

На этом все подходящие слова у меня иссякли. Словно

кто-то говорил со мной по телефону из другой части света и вдруг оборвали связь. Я отхлебнул еще виски и сказал:

– Не знаю... Не могу хорошо объяснить. Но такие вещи случаются, это факт. И потому я вам верю. Кому-то другому, может, и не поверил бы. А вам верю. Раз вы говорите, значит, так все и было.

Она вдруг подняла голову и улыбнулась – немного не так, как улыбалась мне до сих пор. Какой-то очень *личной* улыбкой. Выговорившись, она действительно казалась намного спокойнее.

– Интересно, с чего бы это? Поговорила с вами – и точно камень с души свалился... Обычно у меня с незнакомыми людьми нормального разговора не выходит, стесняюсь ужасно. А с вами вот получается...

– Наверное, это потому, что в некоторых местах мы с вами здорово пересекаемся, – усмехнулся я.

Она, похоже, изрядно запуталась, придумывая, что на это ответить, и в итоге не ответила ничего. Лишь глубоко вздохнула. Хорошим вздохом, без недовольства. Просто проветрила лишний раз легкие – и все.

– Послушайте, вы есть не хотите? Я что-то ужасно проголодалась.

Я тут же предложил сходить куда-нибудь поужинать как полагается, но она заявила, что легко перекусить прямо здесь вполне достаточно. Подозвав официанта, мы заказали по пицце и салату.

За едой мы болтали о всякой всячине. О ее работе в отеле, о жизни в Саппоро и так далее. Она рассказала кое-что о себе. Двадцать три года. После школы поступила в училище, где готовят персонал для отелей, через два года закончила, пару лет проработала в одном из токийских отелей, потом по объявлению в газете подала заявку в новый отель в Саппоро. Переезд сюда, на Хоккайдо, был ей очень кстати: неподалеку от Асахикавы ее родители держали небольшую гостиницу в японском стиле.

– Довольно приличная гостиница, – добавила она. – С давних времен сохранилась.

– То есть сейчас вы как бы тренируетесь, чтобы потом унаследовать ту гостиницу и принять дела на себя? – спросил я.

– Да нет, дело не в этом... – сказала она. И в очередной раз поправила очки на носу. – О наследстве и всяких там планах на будущее я еще серьезно не думала... Просто мне нравится работать в отеле. Самые разные люди приезжают, останавливаются, потом снова едут куда-то... И мне хорошо, уютно становится. Сразу успокаиваюсь... Может, потому, что все детство в этом прошло?

– Так я и думал.

– Что вы думали?

– Там, в фойе, мне совершенно ясно представилось, будто вы – дух отеля «Дельфин».

– Дух отеля? – Она рассмеялась. – Скажете тоже... Я даже не знаю, привыкну когда-нибудь к этой работе или нет...

– Ну, вы-то уж непременно привыкнете, стоит лишь постараться, – улыбнулся я. – Вот только... В таких местах, как отель, ничто не задерживается надолго. Вас это не смущает? Ведь кто бы ни прибыл, все непременно уезжают дальше своей дорогой...

– Ну конечно, – кивнула она. – Если бы кто-то начал задерживаться, я сама первой испугалась бы... Почему у меня так? Может, я просто трусиха? Кто бы ни появился, скоро исчезнет – и от одной мысли об этом спокойно на душе. Странно, да? Ведь у обычной женщины совсем не так, правда же? Обычная женщина должна хотеть чего-то конкретно, неизменного. Или нет?.. А я какая-то не такая. Отчего? Сама не знаю...

– Я не думаю, что вы странная, – сказал я. – Просто вы еще не приняли Главного Решения.

Она посмотрела на меня с изумлением.

– Но... откуда вы это знаете?

– Откуда? – переспросил я. – Да ниоткуда. Просто знаю, и все.

Она задумалась на несколько секунд.

– Расскажите о себе.

– Да что рассказывать? Ничего интересного, – ответил я.

Но она настаивала: мол, пускай, все равно интересно послушать. Тогда я рассказал ей чуть-чуть о себе. Тридцать четыре года, развелся, на жизнь зарабатываю тем, что пишу тексты – по заказам, от случая к случаю. Езжу на поддержан-

ной «субару». Машина хоть и старенькая, но с магнитофоном. И кондиционер есть...

В общем, рассказал ей «несколько слов о себе». Голые факты.

Она же, как ни странно, захотела узнать побольше о моей работе. Скрывать что-либо смысла не было, и я рассказал ей чуть больше. Про интервью с малолетней примадонной и про репортаж о деликатесах Хакодатэ.

– Вот, наверное, интересная у вас работа! – воскликнула она.

– За все эти годы не припомню ничего интересного. То есть само это занятие – писать – мне не в тягость. И я не сказал бы, что писать не люблю. Когда пишу, успокаиваюсь. Но все-таки смысла в том, что я делаю, – ноль. Сплошная белиберда...

– Например?

– Ну, например, объезжаем по пятьдесят ресторанов в день и в каждом – только притрагиваемся к еде и оставляем все на тарелке. По-моему, здесь что-то в корне неверно.

– Ну не есть же вам все подряд, в самом деле.

– Да уж... Начни мы есть все подряд, затри дня просто в ящик бы сыграли. А народ вокруг назвал бы нас идиотами. И даже над нашими трупами никто б не заплакал...

– Так значит, тут уже ничего не попишешь? – засмеялась она.

– Вот именно. Ничего не попишешь, – кивнул я. – Сам

знаю. Все равно что сугробы в метель разгрести. Ничего не попишешь – и оттого продолжаешь писать дальше. Не потому, что хочется, а потому, что ничего не попишешь.

– Сугробы разгрести? – повторила она задумчиво.

– Культурологические сугробы, – пояснил я.

Затем она спросила меня о разводе.

– Ну развелся-то я не по своей воле, – ответил я. – Просто в один прекрасный день она взяла и ушла. С другим парнем.

– Больно было?

– А кому в такой ситуации не больно?

Положив локти на стол, она подперла лицо ладонями и посмотрела мне прямо в глаза.

– Простите... Я как-то неуклюже спросила. Просто мне трудно представить, что вы чувствуете, если вам делают больно. Что в душе происходит? Что вы делаете, как реагируете?

– Нацепляю значок с Китом Харингом, – ответил я.

Она рассмеялась:

– И все?

– Дело в том, – продолжал я, – что со временем такая боль становится хронической. Рассасывается внутри, становится частью твоей ежедневности – так, что самой боли как бы уже и не видно. Но она там, внутри. Просто различить ее, показать кому-то – вот она, моя боль, – уже невозможно. Показать, как правило, удастся лишь какие-то мелкие болячки...

– Просто *ужас*, как я вас понимаю, – вдруг сказала она.

– В самом деле?

– Может, с виду по мне и не скажешь, но... Мне в жизни тоже выпало много боли. Самой разной. Мало не показалось... – проговорила она очень тихо. – Там, в Токио, произошло кое-что. В итоге я уволилась из того отеля. Очень больно было. Больно и трудно. Есть вещи, с которыми я не способна ужиться так же просто, как со всем остальным...

– Угу, – промычал я.

– И до сих пор еще больно. Как вспомню о том, что случилось, – хочется умереть, чтобы не было ничего...

Она снова схватилась за кольцо на мизинце, сдвинула его, точно собираясь снять – и вернула на прежнее место. Затем отпила еще «Кровавой Мэри». Поправила пальцем очки. И широко улыбнулась.

Нагрузились мы с ней довольно неплохо. Даже не помнили, сколько чего заказали. Как-то незаметно перевалило за одиннадцать. Наконец, скользнув глазами по часикам на руке, она заявила, что завтра рано вставать и что ей, пожалуй, пора. Я предложил подбросить ее на такси. На машине до ее дома езды было минут десять. Я заплатил по счету, и мы вышли на улицу. Снегопад продолжался. Не очень сильный, но тротуары успели покрыться белой коркой и хрустели у нас под ногами. Взявшись за руки, мы побрели к остановке такси. Она была подшофе и ступала не очень уверенно.

– Слушай... А тот журнал – ну, который про скандал с недвижимостью написал... Как он назывался? И когда статья

вышла, хотя бы примерно?

Она сказала мне название. Еженедельное приложение к одной из известных газет.

— Где-то прошлой осенью вышел. Я сама той статьи не читала, точно не скажу...

Минут пять мы простояли на остановке под тихо падавшим снегом, пока не появилось такси. Все это время она держалась за мою руку. Она была очень спокойна. Я тоже.

— Давно я так не расслаблялась, — вдруг сказала она. Что говорить, я сам давно так не расслаблялся. И я снова подумал о том, что наши сущности где-то пересекаются. Не случайно же меня так потянуло к ней при первой встрече...

В такси мы беседовали о чем-то незначительном — о снегопаде, о холодах, о ее служебном расписании, о жизни в Токио и так далее. Всю дорогу, пока я болтал с ней об этом, в душе червяком копошился вопрос: как мне поступить с нею дальше? Ведь совершенно ясно: надави я еще чуть-чуть — и мы окажемся в одной постели. Что-что, а такие вещи я понимаю сразу. Хочет ли она этого, мне, конечно, неизвестно. Но что не станет возражать, я чувствую. По выражению глаз, дыханию, манере речи, движениям рук это различить легко. Но я хотел ее, это точно. И даже заранее знал: если бы мы переспали, это не усложнило бы жизни ни мне, ни ей. Я появился — и уехал дальше своей дорогой. Как она сама и сказала... И все же я никак не мог решиться. В уголке мозга свербило: поступать так с нею — нечестно. Девчонка на де-

сять лет младше меня, в состоянии стресса, да еще и на ногах еле стоит. Воспользоваться этим – все равно что выиграть в покер краплеными картами. Чистое надувательство.

С другой стороны, спросил я себя, а что значит честность в такой области жизни, как секс? Если требовать, чтобы в сексе все было по-честному, то лучше уж людям сразу размножаться, как грибы. Честнее не придумаешь.

И этот аргумент я тоже нашел вполне справедливым.

Пока мое сознание металось меж двумя этими крайностями, такси подъехало к ее дому, и за какие-то десять секунд до прибытия она с потрясающей легкостью разрешила мою дилемму.

– Я с сестрой живу, – просто сообщила она.

И поскольку необходимость что-то решать мгновенно отпала, я даже вздохнул с облегчением.

Машина остановилась напротив подъезда огромной многоэтажки. Перед тем как выйти, она спросила, не провожу ли я ее до двери квартиры. Дескать, ночью на лестнице иногда ошиваются странные типы, и одной ходить страшновато. Я велел водителю ждать – мол, вернусь через пять минут, – взял ее под руку, и по хрустящему снегу мы пошли по дорожке к подъезду. Поднялись по лестнице на третий этаж. Дом был простой, панельный, без архитектурных излишеств. Дойдя со мной до двери с номером 306, она остановилась, открыла сумочку, выудила оттуда ключ и очень естественно улыбнулась:

– Спасибо. Я прекрасно провела время.

– Я тоже, – ответил я.

Она отперла дверь и бросила ключи в сумочку. Захлопнула ее – резкий щелчок эхом разнесся по подъезду. И очень внимательно посмотрела мне прямо в глаза. Будто решала на классной доске задачу по геометрии. Она растерялась. Она не знала, как поступить. Она не могла проститься со мной, как положено. Это было ясно как день.

Опершись рукой о стену, я ждал, что же она решит. Но не дождался.

– Спокойной ночи. Привет сестре, – сказал я наконец.

Она поджала губы и простояла так еще секунд пять.

– Что с сестрой живу – это я соврала, – сказала она очень тихо. – Живу я одна.

– Я знаю, – ответил я.

Она медленно, с чувством покраснела.

– А это ты откуда знаешь?

– Откуда? – переспросил я. – Да ниоткуда... Просто знаю и все.

– Ты невозможен... – почти прошептала она.

– Очень может быть, – согласился я. – Но я уже говорил: я не делаю такого, за что бы меня потом ненавидели. И пользоваться чужими слабостями не люблю. Так что согласишься, тебя-то я никак не обманывал.

В замешательстве она долго подыскивала слова, но в итоге сдалась и просто рассмеялась:

– Это точно! Ты меня не обманывал.

– А тебя что заставило?

– Не знаю... Как-то само совралось. Все-таки, поверь, у меня свои царапины на душе. Я уже рассказывала... Много всего пережить пришлось.

– Ну царапин на душе и у меня хватает. Вот, смотри, даже Кита Харинга нацепил...

Она опять рассмеялась:

– Может, все же зайдешь ненадолго, чаю на дорогу выпьешь? Еще немного поговорили бы...

Я покачал головой:

– Спасибо. Я тоже хотел бы еще поговорить... Но не сегодня. Сам не знаю, почему, но сегодня я лучше пойду. У меня такое чувство, что нам с тобой не стоит говорить слишком много за один разговор. С чего бы?..

Она смотрела на меня так пристально, как разглядывают очень мелкие иероглифы в объявлении на заборе.

– Не могу толком объяснить, но... мне так кажется, – продолжал я. – Когда есть о чем поговорить, лучше это делать маленькими порциями. Наверное. Впрочем, я могу и ошибаться.

Она задумалась. Но, похоже, ни к чему в своих мыслях не пришла.

– Спокойной ночи, – сказала она и тихонько закрыла за собой дверь.

– Эй, – позвал я негромко. Дверь приоткрылась сантимет-

ров на десять, и в проеме появилось ее лицо. – В ближайшее время я попытаюсь тебя опять куда-нибудь выманить... Как ты думаешь, у меня получится?

Придерживая дверь ладонью, она глубоко вздохнула.
– Возможно, – сказала она. И дверь снова закрылась.

* * *

Водитель такси со скучающей физиономией читал газету. Когда я, плюхнувшись на сиденье, велел ему ехать в отель, он искренне удивился:

– Неужели вернетесь? – переспросил он. – А я уже думал, вы сейчас машину отпустите, чтоб я дальше не ждал... Очень на то похоже было. Обычно все этим и заканчивается.

– Охотно верю, – согласился я.

– Когда много лет проработаешь, чутье очень редко подводит...

– Наоборот: чем дольше работаете, тем выше опасность того, что чутье подведет. Теория вероятности.

– Может, и так, конечно... – ответил он озадаченно. – Но, по-моему, вы просто не совсем похожи на нормального пассажира.

– Вот как? – удивился я. Неужели я и впрямь такой ненормальный?

В номере я сполоснул лицо и почистил зубы. Драя их щет-

кой, слегка пожалел о том, что вернулся. Но потом все равно заснул как убитый. Что бы со мной ни происходило, я никогда ни о чем не жалею долго.

С утра я первым делом позвонил дежурному по размещению и продлил себе номер еще на трое суток. Сделать это удалось без труда: до туристического сезона было далеко, и половина номеров пустовала.

Потом я вышел из отеля, купил газету и отправился в кондитерскую «Данкин Донате» неподалеку, где съел пару пончиков и выпил сразу два больших кофе. От гостиничных завтраков меня воротило уже на вторые сутки. А вот «Данкин Донате» для завтраков – идеальное место. И накормят недорого, и добавку кофе бесплатно нальют.

Выйдя из кондитерской, я поймал такси и поехал в библиотеку. Так и сказал водителю: в самую большую библиотеку этого города. В библиотеке прошел в читальный зал и попросил подшивку пресловутого еженедельника. Статья об отеле «Дельфин» обнаружилась в выпуске за 20 октября. Я снял со статьи ксерокопию, отправился в ближайшую кофейню, уселся там за столик и за очередной чашкой кофе погрузился в чтение.

Читалась статья с большим трудом. Чтобы понять, в чем дело, пришлось перечитать ее раза три. И хотя автор выбивался из сил, стараясь изложить все попроще, тема, за которую он взялся, оказалась ему не по зубам. Повествование

было невероятно запутанным. Но делать нечего: тщательно изучив абзац за абзацем, я, в общем, сообразил, что к чему. Статья называлась так: *«Саппоро: махинации с недвижимостью. Градостроительство грязными руками»*. Под заголовком – фотография с высоты птичьего полета: строительство отеля «Дельфин» в стадии завершения.

История в целом была такова. В одном из районов города Саппоро кто-то вдруг начал скупать один за другим огромные участки земли. Происходило это очень странно: за два года имя нового землевладельца так нигде и не всплыло. А цены на землю в этом районе взвинтили до абсурда. Все это заинтересовало журналиста, автора статьи, и он начал расследование. Выяснилось, что землю скупали под именами самых различных фирм, чуть ли не каждая из которых существовала только на бумаге. То есть – предприятие зарегистрировано. Налоги платятся. Но нет офиса и нет персонала. В свою очередь, эти бумажные фирмы замыкались на другие бумажные фирмы. И вся эта система проворачивала искуснейшие махинации по перепродаже земли друг другу. Участок, стоивший двадцать миллионов иен, вдруг переоформлялся на другое имя как проданный за шестьдесят миллионов. А чуть погодя продавался уже миллионов за двести. Изрядно поплутав по лабиринтам несуществующих фирм, автор статьи все же вычислил, что практически все операции в конечном итоге замыкаются на одно юридическое лицо. То была некая компания Б – совершенно реальная фир-

ма по торговле недвижимостью, откупившая себе для офиса современнейший билдинг в кварталах Акасака⁴. И, наконец, уже эта компания Б неофициально, но очень тесно смыкалась с гигантским конгломератом – знаменитой Корпорацией А. Той самой, под началом которой бегают поезда, процветают фешенебельные отели, выпускаются кинофильмы, производятся продукты питания, работают фирменные магазины, издаются популярные журналы, предоставляются долгосрочные кредиты, а также страхуются от стихийных бедствий и несчастных случаев миллионы граждан страны. Помимо всего этого, Корпорация А располагала широчайшими связями в мире большой политики. Но даже докопавшись до этого, наш автор не успокоился. И выяснил кое-что еще интереснее.

Все земельные участки, скупавшиеся компанией Б, находились на территории, которую наметила для «перспективного градостроительства» администрация города Саппоро. Именно сюда, согласно Государственному Плану Освоения и Развития, теперь проводят железную дорогу, перемещают целый ряд административных учреждений, и именно на развитие этого района в приоритетном порядке предоставляются баснословные инвестиции. Больше половины которых – из госбюджета. Правительство страны, губернаторство Хоккайдо и мэрия Саппоро отшлифовали этот самый План до мелочей и приняли *«окончательное решение»* — то

⁴ Акасака – престижный деловой район в центре Токио.

есть определили территорию, масштабы строительства, смету, бюджет и так далее. Все совершенно официально. Ни на-мека на то, что вот уже несколько лет кто-то железной рукой скупает всю землю на утвержденной Государственным Планом территории. Вся информация осела в архивах Корпорации А. И, как ни верти, получалось, что активнейшая скупка земли происходила еще задолго до утверждения этого Плана. То есть, какое решение правительству принимать, решили за это правительство заранее.

Флагманская же роль в операции по захвату местной недвижимости и отводилась отелю «Дельфин». Именно под его строительство первым делом расчистили лучший участок в окрестностях. И гигантский гостиничный комплекс превратился в штаб-квартиру Корпорации А, мгновенно став ведущим предприятием района. Отель начал привлекать к району внимание, изменять состав потребителей на окружающих улицах и выступать Символом Великих Перемен для жизни города в целом. Всё – по скрупулезно продуманному плану. Развитой Капитализм Как Он Есть. Кто вкладывает самый большой капитал, тому достается самая полезная информация – и самая большая отдача от инвестиций. Вопрос, «чья в том вина», не стоит вообще. Просто все это уже внутри самой формулы капиталовложения.

Вкладывая куда-либо деньги, мы ожидаем эффективной отдачи. И чем больше мы вкладываем, тем большей эффективности хотим. Но точно так же, как при покупке подержан-

ного авто мы пинаем покрышки и придирчиво вслушиваемся в рычание двигателя, инвестор стомиллиардного капитала рвется до мелочей просчитать, эффективно ли он вкладывает свои денежки, а то и сам «лезет за баранку» и «пробует порулить». Понятия честности в таком мире уже не существует. Слишком громадны инвестируемые суммы, чтобы всерьез задумываться о честности.

Прибегают и к насилию, если нужно.

Например, кто-то не хочет уступать свою землю. Какая-нибудь лавчонка, торговавшая соломенными шлепанцами на одном и том же месте лет сто, уперлась – и ни в какую. И тогда появляются вышибалы. У любого суперкапитала, помимо всего прочего, обязательно есть выход и на подобную братию. Он контролирует все, что дышит и шевелится практически в любых сферах жизни: от больших политиков, знаменитых писателей и рок-звезд до высших эшелонов якудзы. Простые японские парни с длинными ножами заходят в любые двери без приглашения. Полиция же при расследовании таких «недоразумений» ведет себя, мягко скажем, без энтузиазма. С полицией все давным-давно обговорено – снизу и до самых верхов. Это даже не коррупция. Это Система. *Комплекс условий для эффективного вложения капитала.*

Разумеется, в той или иной степени все это существовало и раньше, бог знает с каких времен. Разница с прошлым лишь в том, что теперь схема капиталовложения стала несравнимо замысловатей и круче. И все благодаря по-

явлению Большого Компьютера. Все события, явления и понятия, какие только возможно выискать на земле, собрали и ввели в единую схему Разделили по категориям, обобщили и вывели сублимат: Универсальное Понятие Капитала. Или, если выражаться совсем категорично, состоялся акт обожествления. Люди стали поклоняться динамизму Капитала. Молиться мифу о Капитале. Канонизировать любой клочок токийской недвижимости и все, что способен олицетворять сияющий новенький «порш». Ибо никаких других мифов для них в этом мире уже не осталось.

Вот он, Развитой Капитализм. Мы живем в нем, нравится это нам или нет. Критерии добра и зла тоже подразделяются на многочисленные категории. Добро теперь делится на модное добро и немодное добро. Зло – на модное зло и немодное зло. У модного добра также весьма широкий ассортимент: добро официальное – и добро на каждый день, добро в стиле «хип» – и добро в стиле «кул», добро «в струю» – и добро для особых снобов. Наслаждаемся сочетаниями. Получаем отдельный кайф от комбинаций в духе «свитерок от Муссони с ботиночками от Поллини под брючками Труссарди». Философия в таком мире чем дальше, тем больше напоминает теорию общего менеджмента. Ибо философия слишком неразрывно связана с динамикой эпохи.

В 69-м году мир был гораздо проще, пускай даже тогда мне так и не казалось. Швырнул булыжником в солдата спецвойск – и как бы выразил свое отношение к миру. В этом

смысле хорошее было время. Сегодня, с нашей сверхрафинированной философией, кому придет в голову кидаться булыжниками в полицейских? Какой идиот побежит на пикеты бросать бомбу со слезоточивым газом? Вокруг наша сегодняшняя реальность. Сеть, протянутая от угла до угла. И еще одна сверху. Н и куда не убежать. А булыжник кинешь – отскочит да назад прилетит.

Журналист просто из кожи вон лез, выуживая одну подзрительную историю за другой. Но странное дело: чем дальше я читал, тем слабее мне казались его аргументы. Убедить читателя у него не получалось, хоть тресни. Он просто *не понимал*. Здесь *нечего* подозревать. Все это – естественные процессы Развитого Капитализма. Все прекрасно знают об этом. Все знают и потому всем до лампочки. Что, собственно, происходит? Чей-то сверхкапитал нелегально завладел информацией о какой-то недвижимости, скупил эту недвижимость на корню, заставил политиков подыграть в ее «раскрутке», а по ходу дела натравил кучку якудзы на лавку соломенных шлепанцев и вышиб из занюханного отелишки его владельца – да кому все это интересно? Вот ведь в чем закавыка. Время течет и меняется, как зыбучий песок. И под ногами у нас вовсе не то, что было еще минуту назад...

На мой взгляд, то была отличная статья. Тщательно выверенные факты, искренний призыв к справедливости. Но – *не в струю*.

Я запихал листки со статьей в карман и выпил еще чашку

кофе.

Мне вспомнился управляющий старого отеля «Дельфин». Человек, с рожденья отмеченный печатью хронической невезухи. Даже переползи он в наши Новые Времена, места для него здесь бы все равно не нашлось.

– *Не в струю!* – произнес я вслух.

Проходившая мимо официантка поглядела на меня как на сумасшедшего.

Я вышел на улицу, поймал такси и вернулся в отель.

Из номера я позвонил своему бывшему напарнику – когда-то мы держали вместе небольшую контору. Незнакомый голос в трубке спросил, как меня зовут, его сменил другой знакомый голос, который тоже спросил, как меня зовут, и лишь затем к телефону подошел сам хозяин. Явно в делах по горло. Последний раз мы с ним разговаривали чуть ли не год назад. Не то чтобы я сознательно избегал его. Просто не о чем было говорить. Сам-то он всегда вызывал у меня симпатию. И симпатия эта не угасла до сих пор. Но для меня он (как и я для него) словно остался за поворотом уже пройденного пути. Не я его там оставил. И сам он там оставаться не собирался. Но каждый из нас шагал своей дорогой, а дороги эти вдруг прекратили пересекаться. Вот и все.

Как ты, спросил мой бывший напарник.

В порядке, ответил я.

И сказал ему, что я в Саппоро. Он поинтересовался, не холодно ли. Холодно, сказал я.

Как с работой, спросил я его.

Хватает, ответил он.

Не пей много, посоветовал я.

В последнее время почти не пью, сказал он.

Там у вас небось снег идет, поинтересовался он.

Сейчас нет, сказал я.

Пару минут мы с ним перебрасывались светскими штампами, точно гоняли шарик в пинг-понге.

– Хочу тебя кое о чем попросить, – наконец рубанул я. Давным-давно я оказал ему одну большую услугу. И все эти годы он прекрасно помнил: за ним – должок. Помнил о том и я. Иначе бы не звонил. Просить людей об одолжении, чтобы потом зависеть от них? Благодарю покорно.

– Давай, – просто ответил он.

– Когда-то мы с тобой потели над текстами для журнала «Гостиничный бизнес», – продолжал я. – Лет пять назад это было, помнишь?

– Помню.

– У тебя еще живы те контакты?

Он задумался на пару секунд.

– Да вроде не хоронил пока... Если что, можно и восстановить.

– Там у них был один журналист... Изнанку Большого Бизнеса знал как свои пять пальцев. Уж не помню, как его звали. Худой, как щепка, вечно в какой-то шапчонке дурацкой... Ты смог бы на него выйти?

– Да, наверное... А что ты хочешь узнать?

Я пересказал ему вкратце содержание скандальной статьи об отеле «Дельфин». Он записал название еженедельника и номер выпуска. Еще я рассказал, что до постройки гигантского отеля «Дельфин» на его месте стоял совсем захудалый отелишко с тем же названием. И в итоге мне хоте-

лось бы кое-что разузнать. Прежде всего: почему и зачем новый отель унаследовал название «Дельфин»? Какая участь постигла владельца старого отеля? И, наконец, получил ли скандал, поднятый статьей, какое-то дальнейшее развитие?

Мой бывший напарник старательно все законспектировал и для проверки зачитал записанное мне прямо в трубку.

– Все верно?

– Все верно, – подтвердил я.

– Сильно торопишься? – вздохнул он.

– Уж извини, – сказал я.

– Ладно... Попробую вычислить его в течение дня. Как с тобой-то связаться?

Я сообщил ему телефон отеля и номер комнаты.

– Позвоню, – сказал он и повесил трубку.

На обед я съел что-то незатейливое в гостиничном кафе-терии. Потом спустился в фойе и сразу увидел ее лицо в очках над стойкой регистрации. Я прошел в угол зала, уселся на диван и стал за нею наблюдать. Она была вся в работе и, похоже, не замечала меня; а может, и замечала, но сознательно игнорировала. Что так, что эдак, мне было все равно. Просто хотелось немного посмотреть на нее. Следя глазами за ее фигуркой, я думал: вот женщина, с которой я мог переспать, если бы захотел...

Иногда приходится подбадривать себя таким странным образом.

Понаблюдав за ней минут десять, я вернулся на пятнадцатый этаж к себе в номер и стал читать книгу. Небо за окном и сегодня скрывали унылые тучи. Казалось, я нахожусь внутри какого-то ящика из папье-маше, куда проникают лишь отдельные лучики света. В любую минуту мог зазвонить телефон, и из номера выходить не хотелось; в номере же, кроме чтения, заняться было нечем. Я дочитал биографию Джека Лондона и взялся за «Историю испанских войн».

День был похож на растянутый до невозможности вечер. Без вариаций. Пепельный свет за окном постепенно чернел и наконец превратился в ночь. Изменилась при этом лишь плотность теней вокруг. В мире существовало только два цвета: серый и черный. По заведенному Природой распорядку один сменялся другим, вот и все.

Я позвонил горничной, заказал бутербродов в номер. И принялся не спеша поедать их один за другим, запивая пивом из холодильника. Пиво я тоже пил не торопясь, очень маленькими глотками. Когда долго нечем заняться, очень многие мелочи начинаешь выполнять до ужаса медленно и скрупулезно.

В полвосьмого позвонил мой бывший напарник.

– Откопал я твоего журналиста, – сказал он.

– Сложно было?

– Да как сказать... – ответил он после небольшой паузы.

Похоже, для него это действительно оказалось непросто. – Рассказываю в двух словах, – продолжал он. – Во-первых,

дело это закрыто – окончательно и бесповоротно. Сургучом запечатано, ленточками перевязано и в сейфах похоронено. Обратно на божий свет уже не вытащить никому. Этому нет продолжения. И скандала никакого нет. Ну, сдвинули за пару дней пару пешек в Правительстве да в мэрии Саппоро. «Для коррекции» – чтобы впредь механизм сбоев не давал. И больше ничего. Тряхнуло слегка Полицейский департамент, но и там ни за что конкретное не зацепиться. Все так перепутано, сам черт ногу сломит... Слишком *горячая* тема. Чтобы такую информацию вытянуть, самому пришлось попотеть будь здоров.

– Ну у меня-то частный интерес, это никого не заденет.

– Я так ему и сказал...

Не отнимая трубки от уха, я прошел к холодильнику, достал банку, свободной рукой открыл ее и налил пива в стакан.

– Только все равно – уж извини за назойливость – человек неопытный, заполучив такое знание, может запросто себе лоб расшибить... – сказал он. – Слишком уж масштабы огромные. Не знаю, зачем тебе все это, но... постарайся не влезать туда глубоко. Я понимаю, у тебя, наверное, свои причины. И все-таки лучше не выделяться, а кроить себе жизнь по своим размерам. Ну, может, не так, как я, но все-таки...

– Понимаю, – сказал я.

Он откашлялся. Я отхлебнул пива.

– Старый отель «Дельфин» очень долго не уходил со своей земли, сопротивлялся до последнего. И совершенно жутких вещей натерпелся. Ушел бы сразу – никаких проблем. Но он не уходил. Не хотел приспособиться к изменяющейся обстановке, понимаешь?

– Да, таким он и был всю жизнь, – сказал я. – Не в струю...

– Каких только гадостей ему не подстраивали. Например, заселялась в номера якудза и жила там, неделями не платя и вытворяя что вздумается. Так, чтобы только закона напрямую не нарушать. В фойе с утра до вечера мордовороты сидели – от одного вида мурашки по коже. Зайдет кто-нибудь, а они *смотрят*. Ну сам понимаешь... Отель, однако же, все это терпел, ни разу скандала не поднял.

– Не удивляюсь, – сказал я. Управляющий отелем «Дельфин» в жизни много чего пережил. Слишком много, чтобы дергаться по мелочам.

– И вот наконец отель выдвинул одно, но очень странное условие. Дескать, выполните его – так и быть, освобожу территорию. Какое условие, догадайся сам.

– Не знаю, – сказал я.

– А ты подумай немного. Это как раз замыкается на другой твой вопрос...

– Чтобы новый отель тоже назывался «Дельфин»? – осенило меня.

– Вот именно, – сказал он. – Это было единственное условие. И покупатель земли согласился.

– Но почему?

– Потому что хорошее название. Разве нет? «Отель «Дельфин»» – неплохо звучит, ты не находишь?

– Ну, в общем, да... – промямлил я.

– Корпорация А разрабатывала проект строительства целой сети сверхсовременных отелей по всей стране. То есть не просто пятизвездочных, каких уже много, а отелей суперкласса. И как раз названия для этой сети тогда еще не придумали.

– Сеть отелей «Дельфин»... – попытался произнести я.

– Ну да. Альтернатива «Хилтону», «Хайатту» и им подобным.

– Сеть отелей «Дельфин», – повторил я тупо. Старый сон, сменивший хозяина и усиленный в тысячу раз... – Ну а что стало с прежним владельцем?

– Этого не знает никто, – сказал мой бывший напарник.

Я отхлебнул еще пива и кончиком авторучки потрогал мочку уха.

– Когда с земли съезжал, получил, говорят, какие-то отступные; может, на деньги эти что-то новое затеял, неизвестно. Тут уж никак не проверишь. Больно фигура проходная – кому он нужен, человек из толпы...

– М-да... пожалуй, – пришлось согласиться мне.

– Вот примерно так, – подытожил он. – Это все, что мне удалось разузнать. Ничего, кроме этого, мне разузнать не удалось. Ну как?

– Спасибо. Ты мне жутко помог, – сказал я с чувством.

– Угу, – сказал он и снова закашлялся.

– Какие-то деньги потратил? – спросил я.

– Да нет, – отмахнулся он. – Ужин на двоих, клуб на Гиндзе да такси домой – ерунда, не стоит и говорить⁵... Все равно на расходы спишется. У нас же что угодно можно на расходы фирмы списать. Даже бухгалтер наш с налогами возится и ворчит постоянно: почему так мало расходов, давайте больше расходовать. Так что об этом не беспокойся. А в клуб на Гиндзе, если хочешь, могу и тебя сводить как-нибудь. Ты же там еще ни разу не был, верно?

– А что там есть, в этом клубе на Гиндзе?

– Выпить там есть. И девочки, – сказал он. – И если мы пойдем, наш бухгалтер обрадуется.

– Ну и ходи туда с бухгалтером...

– Да с ним я уже ходил недавно.

Я попрощался и повесил трубку.

Повесив трубку, я задумался о своем бывшем напарнике. Мой ровесник с уже наметившимся брюшком. Хранит в столе какие-то таблетки, вечно одни и те же, и всерьез интересуется результатами выборов. Дергается из-за не успевающих в школе детей, регулярно ссорится с женой, но семью обожает до безумия. Не без слабостей, закладывает за воротник. Но

⁵ Гиндза – один из самых дорогих и престижных районов Токио. Речь идет о сумме не менее 500–600 долларов США.

по большому счету – нормальный мужик, что в жизни, что на работе. Во всех отношениях – обыкновенный *приличный человек*.

Я сошелся с ним сразу после вуза, и долгое время наш бизнес на двоих развивался весьма успешно. Начали мы с крохотной переводческой конторы и год за годом понемногу набирали силу. Особенно близкими друзьями мы никогда не были, но характерами сходились неплохо. Годами изо дня в день паяться на одну и ту же физиономию и ни разу не поругаться – это тоже надо уметь. Он был человек миролюбивый и безупречно воспитанный. Я тоже ссориться не любил. Случалось, конечно, что мы расходились во мнениях, но относились друг к другу с уважением и работали дальше. И все-таки расстались очень вовремя. С делами в конторе он и после моего ухода справлялся неплохо; по правде говоря, даже лучше, чем в паре со мной. Прибыль поступала исправно. Фирма росла. Он нанимал новых работников и использовал их так, как нужно. Да и внутренне, оставшись один, сделался куда увереннее.

Так что, думаю, проблема заключалась во мне. Наверное, я все время его как-то сковывал. И лишь после моего ухода он ожил и расправил плечи. Научился балагурить, располагая к себе клиента, заигрывать с секретаршами, тратить деньги фирмы – на «представительские расходы», которые сам же критиковал, – и развлекать кого ни попадя в ночных клубах на Гиндзе. Будь рядом я, он бы напрягался, и все это

не получалось бы у него так естественно. Находясь постоянно в моем поле зрения, он бы, пожалуй, всякий раз гадал, что же я о нем думаю. Уж такой характер. Хотя мне, если честно, на его поведение рядом со мной было глубоко наплевать.

Хорошо, что этот парень остался один, подумал я. Во всех отношениях хорошо.

Иначе говоря, он просто стал соответствовать своему возрасту.

«Соответствовать своему возрасту», – повторил я про себя. И на всякий случай произнес вслух. Вслух это могло относиться к кому угодно, но не ко мне.

* * *

В девять вечера телефон затрезвонил снова. Звонка мне ждать было не от кого, и я даже не сразу сообразил, что этот звук означает. Тем не менее телефон продолжал надирать-ся. После четвертого звонка я наконец снял трубку.

– Сегодня в фойе ты меня разглядывал, признавайся? – сказала она. Не сердито, не весело – совершенно бесстрастным голосом.

– Было дело, – признался я.

Она помолчала.

– Если меня на работе так разглядывать, я напрягаюсь, и очень сильно, – продолжала она. – Я из-за тебя кучу ошибок наделала. Пока ты меня разглядывал.

– Больше не буду, – пообещал я. – Это я от твоего вида храбрости набирался. Я ведь не знал, что ты так напрягаешься. Теперь знаю, так что больше не стану. Ты где?

– Дома. Сейчас ванну приму – и спать, – сказала она. – Ты себе номер продлил, да?

– Ага. По делам придется еще задержаться.

– Тогда больше не разглядывай меня, ладно? А то у меня будут проблемы.

– Больше не буду разглядывать.

Она помолчала еще немного.

– Слушай... А что, со стороны сильно заметно, когда я напрягаюсь? Ну, общее впечатление?

– Да как сказать... Не знаю даже. Все люди по-разному держатся. Опять же, любой напрягаться будет, если знает, что за ним наблюдают. Так что не стоит себе этим голову забивать. Тем более что у меня просто склонность такая – всякие вещи подолгу разглядывать. Уставлюсь на что-нибудь и разглядываю полчаса...

– И откуда у тебя эта склонность?

– Откуда берутся наши склонности, объяснить очень сложно. Но я все понял, и разглядывать тебя больше не буду. И проблем на работе желаю тебе меньше всего на свете.

Полминуты, не меньше, она обдумывала мои слова.

– Спокойной ночи, – сказала она наконец.

– Спокойной ночи, – ответил я.

И повесил трубку. Затем принял ванну, после чего улег-

ся на диван и до одиннадцати читал книгу. В одиннадцать встал, оделся и вышел из номера. Коридор был длинный и извилистый, как лабиринт, и я решил пройти его из конца в конец. В самом дальнем конце коридора я обнаружил служебный лифт. Располагался он так, чтобы не попадаться на глаза постояльцам, но найти его оказалось несложно. Свернув по стрелке с надписью «Пожарный выход», я оказался в тупичке с подсобными комнатами без номеров, а уже за ними, в углу, отыскал и служебный лифт. Дабы по ошибке в него не залезли-таки проживающие, на дверях висела табличка «грузовой». Я простоял перед дверями довольно долго, но, как показывали цифры на дисплее, все это время лифт оставался в подвале. Пользоваться им в это время суток было практически некому. Из динамика в потолке лилась негромкая музыка – «Грустная любовь» оркестра Поля Мориа.

Я нажал на кнопку. Словно очнувшийся от спячки зверь поднимает голову, лифт встрепенулся и начал карабкаться вверх. 1, 2, 3, 4, 5, 6... Кабина приближалась медленно, но неумолимо. Слушая «Грустную любовь», я буравил взглядом цифры. Если внутри кто-то окажется, скажу, что ошибся лифтом. Нормальные постояльцы всегда ошибаются лифтами. 11, 12, 13, 14... Отступив на шаг назад и сжав кулаки в карманах, я ждал, когда откроются двери.

«15» – лифт остановился. Пауза. Мертвое беззвучие. Двери плавно раскрылись.

Внутри – никого.

Какой до ужаса тихий лифт, подумалось мне. Куда до него чахоточному лифту старого отеля «Дельфин»... Я ступил внутрь и нажал на кнопку «16». Двери закрылись, кабина чуть сместилась в пространстве, и двери открылись снова. Шестнадцатый этаж. Обычный – никакой темноты и прочих ужасов из ее рассказа. Свет горит как положено, в динамиках – нескончаемая «Грустная любовь». Абсолютно ничем не пахнет. На всякий случай я обошел весь этаж. Шестнадцатый оказался точной копией пятнадцатого. Тот же изломанный поворотами коридор, те же бесконечные двери, та же ниша для автоматов с напитками, те же несколько лифтов. Под некоторыми дверями дожидались горничной пустые тарелки тех, кто ужинал в номере. На полу темно-красный ковер. Мягкий, роскошный. Глушит любые шаги. Я притопнул ногой – и не услышал в ответ ни звука. Музыка с потолка сменилась на «Любовь в летний день» – кажется, Перси Фэйта. Я дошел до угла, свернул направо, на середине коридора сел в обычный лифт, вернулся на пятнадцатый этаж. И решил повторить все сначала. Сел в служебный лифт, поднялся на шестнадцатый, вышел в самый обычный коридор. Все тот же свет. Все та же «Любовь в летний день».

Плюнув на дальнейшие попытки, я спустился обратно, вернулся в номер, сделал пару глотков бренди и заснул как убитый.

Рассвело: чернота за окном превратилась в пепел. Шел снег. Итак, подумал я. Чем бы заняться сегодня?

По-прежнему – нечем.

Под лениво падавшим снегом я отправился в «Данкин Донате», съел пончик, выпил две чашки кофе и просмотрел газету. В газете были сплошные выборы. В кино, как и вчера – ничего, что хотелось бы посмотреть. На глаза попала только реклама картины, в которой играл мой одноклассник. Картина называлась «Безответная любовь» и, судя по рекламе, представляла собой стандартную школьную мелодраму. С культовой пятнадцатилетней звездой в главной роли и песнями не менее раскрученного поп-кумира.

Я живо представил, какую роль в подобном кино, должно быть, играет мой одноклассник. Этаким молодой, благородный, всепонимающий Учитель. Высокого роста, мастер сразу нескольких видов спорта. Все старшеклассницы втрескались в него по уши: каждую, кого он зовет по имени, охватывает мгновенный столбняк. Главная героиня, натурально, втюрилась тоже. И потому в воскресенье она печет какие-нибудь печенюшки и тащит эту радость к нему домой. А параллельно по ней сохнет один ученик. Совершенно обычный парнишка, только малость нерешительный... Вот такой примерно сюжет, я уверен. Не нужно мозги напрягать, чтобы представить.

После того как мой одноклассник стал знаменитым киноактером, я какое-то время – отчасти просто из любопытства

– смотрел все новые фильмы с его участием. Посмотрел в общей сложности пять или шесть картин. И потом потерял к ним всякий интерес. Картины были одна скучнее другой, да и сам он во всех фильмах играл одну и ту же шаблонную роль. Роль благородного атлета с чистой душой и длинными ногами. Сперва студент, потом – учитель, врач, клерк процветающей фирмы, еще много кто... Но персонаж получался всегда одинаковый. Тот самый, от которого балдеют до поросычьего визга девчонки. Его ослепительная белозубая улыбка поднимала настроение даже мне. И все-таки платить деньги за такое кино я больше не хотел. То есть я вовсе не принадлежу к суровым снобам-синефилам, что смотрят исключительно Тарковского да Феллини, но, ей-богу, кино с этим парнем было полным отстоем. Весь сюжет угадывался за первые пять минут, герои произносили сплошные банальности, бюджет картины явно трепыхался где-то возле нуля, а режиссер, похоже, наплевал на свои обязанности еще до того, как к ним приступил.

Впрочем, если вспомнить, таким он и был всегда, еще до того, как стал знаменитостью. Чрезвычайно привлекательный внешне – и совершенно мутный внутри. Я проучился с ним бок о бок пару лет в средних классах школы. Лабораторные опыты по физике-химии мы всегда выполняли на пару за одним столом. Так что и поболтать случалось время от времени. Как и потом, в кино, этот парень производил *до ужаса* приятное впечатление. Все девчонки сходили по нему с ума

и в его присутствии вели себя как сомнамбулы. Стоило ему сказать любой из них пару слов, и бедняжка полдня ходила с квадратными глазами. Во время лабораторных опытов вся женская половина класса оглядывалась на него. Если что непонятно было, спрашивали у него. А когда он зажигал газовую горелку, на наш стол тарачились так, будто он совершал ритуал открытия очередных Олимпийских игр. Никому и в голову не приходило, что тут же рядом существую и я.

Учился он так же отлично. Всегда – первый или второй в классе по успеваемости. Приветливый, искренний, и при этом – никакого тщеславия. В любой одежде смотрелся одинаково стильным и воспитанным человеком. Даже мочась в сортире, выглядел элегантно. На свете вообще очень редко встретишь парней, элегантно мочащихся в сортире. Стоит ли говорить, и спортсменом был отменным – один из лидеров сборной школы. Ходили слухи, что он дружит с самой популярной девчонкой в классе, но правда это или нет, я не знал. Учителя его обожали, а после того как был устроен «показательный школьный день» для родителей, его заобожали и все мамы нашего класса. Такой вот был человек. Хотя для меня всегда оставалось непонятным, что же он думает на самом деле.

Так же, как и на экране.

После *всего этого* — на черта мне за мои же деньги смотреть такое кино?

Я выкинул газету в урну и под лениво падавшим снегом

вернулся в отель. Проходя по фойе, бросил взгляд на стойку регистрации, но моей знакомой там не оказалось. Видно, ушла куда-нибудь на перерыв. Я отправился в уголок компьютерных игр и несколько раз сыграл в «Пэкмэна и Галактику». Отлично придуманная, хотя и слишком патологическая игра. И чересчур агрессивная. Но время сжирает неплохо.

Затем я вернулся в номер и принялся читать книгу.

День обещал быть пустым и бессмысленным. Читать надоело, и какое-то время я просто разглядывал снег за окном. Тот, похоже, собирался идти до самого вечера. Все сыпал и сыпал – даже интересно: вот, оказывается, сколько снега может свалиться с неба за один день. В двенадцать я спустился в кафе отеля и пообедал. Затем снова вернулся в номер, еще немного почитал и поразглядывал снег за окном.

Но завершиться впустую этому странному дню все же не удалось. Ровно в четыре, когда я валялся в постели с книгой в руках, в дверь постучали. Отворив дверь на несколько сантиметров, я выглянул в щель. На пороге стояла она. В очках и светло-голубой униформе. Бесшумной тенью она скользнула в чуть приоткрытую дверь и мгновенно захлопнула ее за собой.

– Если меня застукают – уволят сразу, – сказала она. – Здесь с этим ужас как строго...

Быстро окинув взглядом номер, она пробежала к дивану, села, расправила ладонями юбку на коленях. И глубоко

вздохнула.

– У меня сейчас перерыв, – сказала она.

– Выпьешь чего-нибудь? – спросил я. – Лично я пиво буду...

– Нет, времени совсем мало, – отказалась она. – Слушай, а чем ты в номере весь день занимаешься?

– Да ничем особенно... – ответил я, достал из холодильника пиво и налил в стакан. – Время убиваю. Книжку читаю, на снег смотрю.

– Какую книжку, о чем?

– Об испанских войнах. Каждая испанская война с начала и до конца очень подробно описана. В разных исторических версиях и трактовках...

Испанские войны и правда изобилуют самыми разными объяснениями того, что и как там происходило. Такие уж раньше были войны.

– Только не думай обо мне ничего странного, – сказала она.

– Странного? – переспросил я. – Ты о чем? О том, что в номер ко мне пришла?

– Нуда.

– А-а...

Я присел на кровать со стаканом в руке.

– Вовсе я не думаю о тебе ничего странного. То есть я, конечно, удивился, что ты пришла, но я очень рад. Я тут как раз от скуки помираю, поговорить не с кем...

Поднявшись с дивана, она встала посреди комнаты, легким движением скинула голубой жакет и повесила его, чтобы не измялся, на спинку кресла у письменного стола. Затем подошла и присела, чинно сдвинув колени, на кровать со мной рядом. Без жакета она вдруг показалась мне очень слабой и ранимой. Я обнял ее за плечи. Она положила голову мне на плечо и застыла. Восхитительный запах. Идеально отглаженная белая блузка. Так прошло, наверное, минут пять. Под моей рукой, уткнувшись головой мне в плечо, с закрытыми глазами она дышала спокойно и ровно, точно спала. И лишь нескончаемый снег все сыпал и сыпал, заглушая городской шум вокруг. Абсолютная тишина.

Человек, уставший в пути, захотел где-нибудь отдохнуть, думал я. И я – дерево, к которому он прислонился. Я сочувствовал ей. Но при этом вовсе не считал, что вот, мол, как несправедливо и неправильно, когда настолько молодая и симпатичная девушка так устает. Если подумать, ничего несправедливого здесь нет. Усталость может обрушиться на любого из нас независимо от красоты или возраста. Точно так же, как буря, наводнение, землетрясение или горный обвал.

Минут через пять она подняла голову, встала, надела жакет. И опять присела, теперь уже на диван. Пальцы левой руки теребили кольцо на мизинце правой. В жакете она будто опять напряглась, став чужой и далекой, как прежде.

Не вставая с кровати, я смотрел на нее.

– Послушай, – сказал я. – Насчет того, что с тобой случилось на шестнадцатом этаже... Ты тогда ничего особенного не делала? Перед тем, как в лифт садиться, или уже в самом лифте?

Она склонила голову набок и задумалась на пару секунд.

– Хм... Да нет вроде. Ничего особенного... Я не помню уже.

– И вокруг никаких странностей не заметила? Ну, было что-нибудь не так, как всегда?

– Да все было, как всегда. – Она пожала плечами. – Никаких странностей. Совершенно обычно села в лифт, приехала, двери открылись – темно. Вот и все.

Я кивнул.

– Слушай, а может, поужинаем где-нибудь?

Она покачала головой.

– Извини. Сегодня у меня важная встреча.

– Ну а завтра?

– А завтра – бассейн. Я плавать учусь.

– Плавать учишься... – повторил я и улыбнулся. – А ты знаешь, что в Древнем Египте тоже учились плавать в бассейнах?

– Откуда мне знать? – сказала она. – Врешь, наверное?

– Да нет же, правда. Я сам об этом материал для статьи собирал, – стоял на своем я. Хотя спроси она меня: «Ну, и что из этого?» – я бы не знал, что ответить.

Она посмотрела на часы и встала.

– Спасибо, – сказала она. И выскользнула в коридор так же бесшумно, как и пришла. Единственное событие этого дня. Маленькое и неприметное. Радуюсь таким вот маленьким, неприметным событиям, и жили свои маленькие, неприметные жизни древние египтяне. Обучались плаванию в бассейнах, бальзамировали мумии, занимались прочими мелочами. Большое скопление таких мелочей в одном месте и называют Цивилизацией.

К одиннадцати заняться стало *нечем* в прямом смысле слова. Все, что можно было сделать, я сделал. Ногти постриг, ванну принял, уши почистил, новости по телевизору посмотрел. От пола отжался, ужин съел, все книги до конца дочитал. Но спать совсем не хотелось. С другой стороны, для дальнейших экспериментов с лифтом еще слишком рано. Такими вещами стоит заняться где-нибудь за полночь, когда на этажах никого из персонала не встретишь.

Я прикинул, что еще оставалось – и отправился в бар на двадцать шестом этаже. Уселся за столик и, потягивая мартини, стал разглядывать снежную мглу за окном и думать о египтянах. Любопытно все-таки, как они жили там, в Древнем Египте? Кого обучали плаванию в своих бассейнах? Наверняка каких-нибудь членов семьи фараона, детей аристократов и прочую «золотую молодежь». Древнеегипетские нувориши оттяпывали себе лучшие земельные участки вдоль Нила, сооружали там элитные бассейны и учили своих чад передвигаться в воде особо пижонскими способами. А обаятельные инструкторы – точные копии моего одноклассника-киноактера – плавали вокруг и приговаривали сладкими голосами: «Замечательно, мой господин, так держать! Вот только когда вы изволите плавать кролем, ваша правая рука могла бы простираться еще немного вперед...»

Я живо представил себе эту картину. Воды Нила цвета синих чернил, слепящее солнце, охранники с длинными пиками отгоняют аллигаторов и простолюдинов, шелест тростника на ветру, загорелые тела сыновей фараона... Как насчет дочерей фараона? Или девчонок они плаванию не обучали? Например, Клеопатру. Совсем еще молоденькую такую Клеопатру, вылитую Джоди Фостер. Интересно, у нее тоже съезжала бы крыша при виде инструктора, моего одноклассника? Да, наверное, и у нее съезжала бы. Все-таки в этом его Основное Предназначение...

Вот бы сняли такое кино, подумал я. На такое кино я бы точно ходил с удовольствием.

Главный герой – инструктор по плаванию – происхождения отнюдь не плебейского. Сын царя какой-нибудь Персии или Ассирии. Но во время войны его захватывают в плен, угоняют в Египет и продают там в рабство. Однако, даже став рабом, он не теряет ни капли своего обаяния. Какие там Чарлтон Хестон или Кёрк Дуглас! Сверкая белозубой улыбкой, он элегантно мочится в тростнике. А стоит дать ему укулеле – встанет на фоне вечернего Нила и споет «Рок-э-хула Бэби» на древнеегипетском не хуже оригинала. Такие роли под силу только моему однокласснику.

И вот однажды его жизненный путь пересекается с путем фараона. Как-то утром он рубит тростник на берегу Нила, и вдруг прямо перед ним на реке опрокидывается корабль. Не колеблясь ни секунды, он бросается в воду, стремитель-

ным кролем подгребают к тонущему судну, выуживают оттуда фараонову дочку и наперегонки с аллигатором возвращается обратно на берег. Очень элегантно. Примерно как зажигал нашу газовую горелку на уроке химии. Фараон на все это смотрит и думает: «Ага! А не сделать ли его новым учителем плавания для наследников престола? Старого-то мы аккурат на прошлой неделе утопили в колодце за дерзкий язык!..» И вот наш герой – Наставник Бассейна Великого Фараона. Обаятельный, как и раньше, все вокруг от него без ума. С наступлением ночи придворные дамы, натершись благовониями, так и норовят прошмыгнуть к нему в постель. Фараоновы дети в нем просто души не чают. Сногсшибательный эпизод «Купающаяся красотка» сменяется эпохальной сценой «Король и я». В день рождения фараона детишки исполняют для папочки композицию синхронного плавания. Фараон рыдает от счастья, ставки героя опять растут. Но герой не задирает носа, он скромный. Знай себе улыбается и элегантно мочится в тростнике. Каждую придворную даму, прошмыгнувшую к нему в постель, он ласкает не меньше часа, а кончив, никогда не забывает погладить по голове и сказать ей: «Ты – лучше всех!» Он добрый.

Интересно, кстати, а как должен выглядеть секс с древнеегипетской придворной дамой? Я попробовал это представить, но у меня ни черта не вышло. Чем больше я напрягал несчастное воображение, тем назойливее в голову лезли кадры из «Клеопатры» производства киностудии «XX Век –

Фокс». Той жуткой тошниловки с Элизабет Тэйлор, Ричардом Бёртоном и Рексом Харрисоном. Экзотика по-голливудски: черные наложницы с ногами чуть не от шеи машут над Элизабет Тэйлор опахалами на длиннющих рукоятках. Она в умопомрачительных позах убажает моего одноклассника. Древние египтянки в этом деле – большие искусницы.

И вот у Клеопатры – вылитой Джоди Фостер – после встречи с ним абсолютно съезжает крыша. Банально, конечно, но что поделаешь, без этого кино не получится.

Более того: у него тоже съезжает крыша от Джоди Клеопатры.

Но от Джоди Клеопатры крыша съезжает не только у него. Абиссинский принц, весь черный как сажа, уже давно ее возделает. При одной мысли о ней он срывается с места и отплясывает свои абиссинские танцы. Сыграть это может только Майкл Джексон и никто другой. Раздираемый страстью, он тащится в Египет через пустыню аж из самой Абиссинии. На каждом привале своего каравана отплясывает у костра «Билли Джин» с тамбурином в руках. И его черные глазищи искрятся, пропитавшись сиянием звезд. Между учителем плавания и Майклом Джексонсом, конечно же, вспыхивает вечная вражда. Классический любовный треугольник.

Досочиняв до этих пор, я вдруг увидел перед собой фигуру бармена. Очень жаль, но бар закрывается, сообщил он, как бы извиняясь. Я глянул на часы: четверть первого. Кроме меня, в баре не осталось ни одного посетителя. Бармен

заканчивал убирать помещение. Черт бы меня побрал, покачал я головой. Столько времени думать без остановки всякую чушь. Ни уму ни сердцу... Рехнулся я, что ли?

Расписавшись на чеке, я залпом допил мартини и поднялся с места. Вышел из бара, сунул руки в карманы и стал дожидаться лифта.

...Но суровый древнеегипетский этикет велит Джоди Клеопатре выйти замуж за своего младшего брата, продолжал думать я. Проклятый сценарий прочно засел у меня в голове. Как я ни отмахивался, подсознание выдавало новые и новые эпизоды. Младший брат – слабоумный и полная размазня. Кому бы доверить такую роль? Вуди Аллену? Ну уж нет, этот мне все кино превратит в дурную комедию. Начнет сыпать тоскливыми шутками при дворе да шмякать себя по голове пластмассовой колотушкой... Не пойдет.

Ладно, с братом придумаем позже. А вот фараона пускай играет Лоуренс Оливье. С его вечной мигренью и пальцами, стискивающими виски. Всех, кто ему не по нраву, фараон топит в бездонном колодце или отправляет поплавать в Ниле наперегонки с крокодилами. Умен и жесток. Вот он приказывает вырвать кому-то веки, а потом отвезти несчастного в пустыню и бросить там помирать...

Я додумал до этого места – и передо мной распахнулись двери лифта. Без единого звука. Я ступил внутрь и нажал на кнопку пятнадцатого этажа. И стал думать дальше. Мне не хотелось думать про все это. Но остановиться почему-то не

получалось.

Сцена меняется: бескрайняя пустыня. В самом сердце пустыни – пещера, где обитает изгнанный фараоном прорицатель. Долгие годы хоронится он от людей там, где никто уже его не обидит. С вырванными веками он умудрился обойти всю пустыню и чудесным образом выжить. Укутанный с головой в овечьи шкуры, скрывается от солнечных лучей во мраке своей пещеры. Поедает червей, грызет верблюжьи колючки. И, наделенный третьим, внутренним глазом, предвидит Будущее. Скорое падение фараона. Сумерки Египта. Смену эпох на Земле...

«Человек-Овца! – взорвалось у меня в голове. – А здесь-то какого дьявола делает Человек-Овца?»

Двери лифта раскрылись – бесшумно, как и всегда. Поражаясь собственным бредням, я шагнул из лифта в коридор. Человек-Овца! Разве он существовал во времена фараонов? Или все это плоды моей сбрендившей фантазии? Не вынимая рук из карманов, я стоял в темноте и пытался найти этому хоть какое-то объяснение.

В темноте?

И тут я наконец осознал: вокруг меня – крошечная тьма. Ни лучика света. Двери лифта все так же беззвучно затворились у меня за спиной, и эта тьма стала черной, как битумный лак. Я не различал даже собственных рук. Музыка тоже исчезла. Ни тебе «Грустной любви», ни «Любви в летний день» – ничего. В зябком воздухе едко пахло какой-то хиной.

И в этой кромешной тьме я стоял, не дыша, совершенно один.

Мгла была абсолютной. До животного ужаса.

Я не различал ни предметов, ни очертаний. Ни контуров своего тела. Я не чувствовал, есть ли на месте моего тела вообще что-нибудь. Черного цвета Ничто – вот единственное, что меня окружало.

В такой жуткой мгле даже самого себя начинаешь воспринимать как абстракцию. Мое «я» теряет материальную оболочку – и заполняет собой пространство, словно какая-нибудь мистическая эманация. Оно, мое «я», уже высвободилось из моего тела, но никакой оболочки взамен не обрело. Бестелесное и неприкаянное, болталось оно в космической пустоте, на зыбкой границе между реальностью и кошмаром...

Довольно долго я простоял, замерев, точно парализованный. Руки-ноги не слушались – я просто их не ощущал. Казалось, кто-то затянул меня в морские пучины и прижимал ко дну, не давая всплыть. До предела концентрированная мгла давила на каждую клетку тела. От пронзительного беззвучия чуть не лопались барабанные перепонки. Поначалу я ждал, когда же к этой мгле привыкнут глаза. Бесполезно. То был не какой-нибудь полудохлый ночной полумрак, с которым свыкаешься через минуту. Идеальная чернота залила собой всё и вся. Точно холст, на который долго, слой за слоем, на-

кладывали черную краску. Я машинально обшарил карманы. В правом оказались бумажник и ключи от дома. В левом – пластиковая карточка-ключ от номера, носовой платок и немного мелочи. Ничего, что пригодилось бы в темноте. Впервые за долгое время я пожалел, что бросил курить. Не бросил бы – нашлись бы спички или зажигалка... Ладно, что уж теперь. Я вынул руку из кармана и протянул туда, где должна была находиться стена. Ладонь уперлась в вертикальную поверхность. Стена была на месте. Гладкая и холодная. *Слишком* холодная для отеля «Дельфин». Стены отеля «Дельфин» не должны быть такими холодными. Ибо «специальными кондиционерами во всем здании отеля круглосуточно поддерживается приятная комнатная температура»... Спокойно, приказал я себе. Будем рассуждать хладнокровно.

Хладнокровно!

Во-первых, все это уже случалось раньше с моей новой знакомой. И сейчас просто повторяется то же самое. Так? Так. Но раз она из этого выбралась, значит, и я смогу. Трудно, что ли? Не вижу причин для паники. Просто нужно повторить все, что делала она.

Далее. В этом здании творится что-то странное, и это «что-то» имеет отношение ко мне. Несомненно, этот отель как-то связан со старым отелем «Дельфин». Поэтому я и пришел сюда. Так или нет? Именно так. А значит, нужно шаг за шагом повторить ее путь и увидеть то, что побоялась уви-

деть она...

Страшно?

Еще как страшно.

Черт бы меня побрал. Ведь действительно страшно, без дураков. Я ощутил себя безоружным и голым. Чернота вокруг источала насилие, а я даже не мог увидеть опасность, приближавшуюся ко мне в этом мраке беззвучно и неторопливо, словно морской змей. Фатальным бессилием сковало все тело. Поры кожи закупорило темнотой. Рубашка взмокла от холодного пота. Горло пересохло: я попытался сглотнуть слюну – и чуть не сломал себе шею.

Где же я, черт возьми? Где угодно, только не в отеле «Дельфин». Хотя это понятно сразу. Я выпал в иное пространство. Переступил через какой-то порог и вывалился куда-то. Я закрыл глаза и глубоко-глубоко вздохнул.

Как последний идиот, я вдруг до ужаса захотел послушать «Грустную любовь» оркестра Поля Мориа. Зазвучи она сейчас – и я был бы счастлив. Вот что вернуло бы меня к жизни. Или даже Ричарда Клайдермана. Сейчас – стерпел бы. И «Los Indios Tabajaras» стерпел бы, и Хосе Фелисиано, и Хулио Иглесиаса, и Серхио Мендеса, и «Partridge Family», и какое-нибудь «1910 Fruitgum Company» – да все что угодно. Стиснул бы зубы и слушал как миленький. Слишком уж страшная тишина... Согласен даже на хор Митча Миллера. Да пускай хоть Эл Мартино с Энди Вильямсом дуэтом заголосят – дьявол с ними, лишь бы звучало хоть что-нибудь!

Ну хватит, одернул я себя. Сколько можно думать о всякой ерунде? С другой стороны, совсем ни о чем не думать тоже невозможно. Так не все ли равно, о чем? Надо чем-то занять пустоту в голове. Чтобы не было страшно. Чтобы как-то вытерпеть животный ужас, расползающийся в этой космической пустоте.

Майкл Джексон отплясывает «Билли Джин» у костра с тамбурином в руках. И даже верблюды в трансе от его завываний.

В голове моей – какая-то каша.

ВГОЛОВЕМОЕЙКАКАЯТОКАША...

Каждая мысль отдается эхом в пустой голове. Каждая мысль отдается...

Я еще раз вздохнул поглубже – и погнал видения из дурной головы куда подальше. Не бесконечно же, в самом деле, думать про всю эту чушь. Нужно действовать. Верно же? Иначе какого черта я сюда притащился?

Я собрался с духом и, держась рукой за стену, двинулся по коридору направо. Ноги слушались плохо. Ноги были словно чужие. Будто нарушилась связь между ногами и нервной системой. Приказываю ногам шевелиться, а те ни в какую. Вокруг – сплошной мрак без конца и края. Мрак до самого сердца Земли. Шаг за шагом я медленно двигаюсь к центру Земли. И уже никогда не вернусь на поверхность... *Думай о чем-нибудь*, сказал я себе. Не будешь ни о чем думать – страх постепенно охватит тебя целиком. Сочиняй уж даль-

ше свое кино... На чем мы там остановились? На появлении Человека-Овцы. Но эпизод в пустыне развивать пока некуда. Вернемся во дворец фараона. Грандиознейший тронный зал. Сокровища, собранные со всей Африки. Нубийские рабыни в немом поклоне ожидают повелений. А посреди всего этого сидит фараон. Сегодня он явно не в духе. «Прогнило что-то в королевстве Нильском, — думает он. — Как и в моем дворце. Какая-то ошибка разрастается, растлевают собою все вокруг. Срочно нужно найти ее и исправить...»

Шаг за шагом я продвигался вперед. И думал изо всех сил. Значит, девчонка, моя новая знакомая, этот ужас преодолела. Интересно... Неужели вот так же, как я сейчас, потащи-лась одна во тьму что-то там проверять? Даже у меня поджилки трясутся, а ведь я знал, к чему готовиться. Не знай я об этом заранее, черта с два бы куда-нибудь пошел. Небось так и каменел бы у лифта, не смея пальцем пошевелить...

Я начал думать о своей новой знакомой. Представил, как она учится плавать у себя в бассейне. Вся такая в обтягивающем купальнике. А рядом с ней вьется кругами мой одноклассник-киноактер. И у нее съезжает от него крыша. Он показывает ей, как загребать правой в кроле, она глядит на него совершенно ошалевшими глазами. И, еле дождавшись ночи, шмыгает к нему в постель... Мне сделалось грустно. Грустно, горько и обидно. Так нельзя, сказал я ей мысленно. Ни черта ты не понимаешь. Все его обаяние — чисто внешнее. Он будет шептать тебе на ухо нежности, за которыми

ничего нет. И, наверное, здорово тебя заведет... Но ведь это уже вопрос техники. Грамотно исполненная прелюдия – и ничего больше...

Коридор сворачивал вправо. Все как она говорила... Но в моем воображении она уже трахалась с проклятым одноклассником. Вот он осторожно раздевает ее и шепчет комплимент каждой обнажаемой части тела. Искренне шепчет, собака. От чистого сердца... Та-ак, подумал я. Оч-чень интересно. Я почувствовал, что не на шутку разозлился. «Как можно так ошибаться?» – хотелось мне закричать.

Коридор сворачивал вправо.

По-прежнему держась за стену, я повернул направо. И далеко впереди увидел огонек. Такой слабый и размытый, точно пробивался сразу через несколько занавесок.

Все как она говорила...

Мой одноклассник касается ее тела губами. Медленно переходит от шеи к плечам, к груди... Камера показывает его спереди, ее со спины. Потом ракурс меняется.

Ее лицо. Только это не ее лицо. Не моей знакомой из-за стойки отеля «Дельфин». Это лицо Кики. Той самой Кики с фантастическими ушами, шлюхи высшей категории, с которой я останавливался в старом отеле «Дельфин». Кики, что так странно исчезла из моей жизни... И вот теперь она трахается с моим одноклассником. Это выглядело точь-в-точь как кадры из кинофильма. Профессионально смонтированные кадры. Пожалуй, даже слишком профессионально. До

унылой банальности. Кики. Она-то здесь откуда? Пространство и время сошли с ума.

ПРОСТРАНСТВОИВРЕМЯСОШЛИСУМА...

Я снова трогаюсь с места, держа курс на огонек впереди. Я трогаюсь с места – и кино в голове обрывается. Затемнение.

Продвигаюсь во тьме вдоль стены. Приказываю себе ни о чем больше не думать. Думай не думай – все равно ничего не изменится, только мыслями время растянешь зря. Лучше уж без всяких мыслей просто двигать ногами, и все. Сосредоточенно. Целенаправленно. Свет впереди тусклый, рассеянный, откуда он – не разобрать. Видно только чуть приоткрытую дверь. *Дверь, каких не бывает в этом отеле.* Как она и сказала... Старая-престарая деревянная дверь. На ней – табличка с номером. Ни одной цифры не разглядеть. Слишком темно и слишком грязная табличка. Но как бы там ни было, это уже не отель «Дельфин». Откуда в новом отеле «Дельфин» взяться такой старой двери? Я уж о воздухе не говорю. Чем же тут пахнет, в самом деле? Какой-то истлевшей бумагой... Свет за дверью подрагивает временами. Похоже на пламя свечи...

Я встал перед дверью и какое-то время разглядывал это свечение. И опять вспоминал ее, девчонку из-за стойки в фойе. Все-таки зря я тогда не переспал с нею. Вернусь ли я когда-нибудь в нормальный мир? Смогу ли еще разок пригласить ее куда-нибудь? Я вдруг почувствовал жгучую ревность к «нормальному миру» со всеми его бассейнами.

Впрочем, возможно, это была не ревность. А, скажем так, искаженное и преувеличенное сожаление о несодеянном. Но ощущалось почему-то как ревность. По крайней мере, именно на ревность это сильно смахивало в темноте. Ну и дела. Нашел время и место страдать от ревности. А ведь я уже тысячу лет никого ни к кому не ревновал... Не говоря уж о том, что страдать от ревности – вообще не в моем характере. Для этого я, пожалуй, слишком заиклен на самого себя... И тем не менее – странное дело – я испытывал сейчас на удивление острую ревность. К плавательному бассейну.

Что за бред, сказал я себе. Разве можно ревновать кого-то к бассейну? Никогда о таком не слышал...

Я нервно сглотнул слюну. В мертвой тишине это прозвучало так, словно по пустой металлической бочке шарахнули ломом. А ведь я просто сглотнул...

Звуки явно были громче, чем полагалось. Все как она говорила... Кстати. Надо же постучать. Я должен постучать в эту дверь...

И я постучал. Не раздумывая, машинально. Совсем несильно: тук-тук. Вроде как – не услышат, так и бог с ним. Но раздался такой грохот, что я чуть не оглох. Грохот, от которого леденела душа, тяжелый, как шаги самой Смерти.

Затаив дыхание, я ждал, что будет.

Вначале ничего не было. Пришла тишина – долгая, как она и рассказывала. Насколько долгая – сказать не берусь. Может, пять секунд, а может, с минуту. Длина Времени не

считывалась в такой темноте. Время пульсировало, то растягиваясь, то сокращаясь. И я сам растягивался и сокращался вместе с ним – без единого звука. Время выгибалось из своих форм, и я выгибался из форм вслед за ним. Как отражение в кривом зеркале.

И наконец я услышал *это*. Неестественно громкий шорох. Будто ворошили огромную кучу тряпья. Кто-то тяжелый поднялся с пола. И раздались шаги. Медленно-медленно они приближались ко мне. То ли в шлепанцах, то ли привлекающая ноги – *шур-р-р! шур-р-р!* – что-то страшное двигалось прямо на меня. *Что-то нечеловеческое*, сказала она. Это точно. Человек так ходит не может. Это что-то другое. Что в обычном мире не может существовать. А здесь – существует...

Я не побежал. Сорочка взмокла от пота и прилипла к спине. Но странно: чем ближе раздавались шаги, тем меньше страха оставалось в душе. Все в порядке, сказал я себе. Никто ничего плохого мне не сделает. Я вдруг понял это очень явственно. Бояться нечего. Пусть все идет как идет. Все будет хорошо. Какой-то теплый водоворот засасывает меня... Я стиснул ручку двери, задержал дыхание и зажмурил глаза. Все хорошо. Мне не страшно. В крошечном мраке я слышу, как оглушительно бьется сердце. Мое сердце. Я растворяюсь в этом биении, я – его составная часть. Бояться нечего, говорю я себе. *Просто все собирается в одно целое...*

Звук шагов обрывается. Чем бы это ни было, сейчас оно

стоит прямо передо мной. И смотрит на меня в упор. А я стою с закрытыми глазами. *Включилось!* – вдруг понял я. Самые разные вещи, места и события замкнулись-таки на меня. Берега Нила, Кики, отель «Дельфин», старенький рок-н-ролл – все это собралось в единую цепь и заработало. Натертые благовониями тела нубийских аристократок. Бомба, отсчитывающая последние секунды в старом особняке. Сияние прошлого, старые звуки, старые голоса...

– Мы ждали тебя, – сказала Оно. – Давно ждали. Входи. И даже не открывая глаз, я узнал его.

Это был Человек-Овца.

Мы разговаривали за старым столом. Маленьким круглым столом, на котором горела единственная свеча в грубой глиняной плошке. Три этих предмета, можно сказать, и составляли всю мебель в помещении. Даже стульев не было, и мы уселись на стопки старых книг.

Это была комната Человека-Овцы. Длинная, узкая, тесная. Стены и потолок поначалу напомнили мне старый отель «Дельфин», но, приглядевшись, я уже не видел ничего общего. Напротив входа – окно. Заколочено досками изнутри. Заколочено очень давно: щели между досками забиты пепельно-серой пылью, гвозди побурели от ржавчины. Больше в комнате не было ничего. Не комната, а каменный ящик из потолка и стен. Ни лампы под потолком. Ни шкафа. Ни туалета. Ни койки. Спал он, надо полагать, на полу, завернувшись в овечьи шкуры. Весь этот пол – кроме узенькой тропинки, по которой с трудом прошел бы один человек, – был завален старыми книгами, газетами и подшивками документов. Бумага порыжела от времени; кое-что изъели черви, кое-что перемешалось в уже невозстановимом беспорядке. Я пробежал глазами по заголовкам: все они так или иначе касались истории овцеводства на Хоккайдо... Так вот куда перекочевали архивы старого отеля «Дельфин»... Там, в старом отеле, один этаж занимали архивы с документами про

овец. И старик-профессор, отец управляющего отелем, самолично следил за бумагами... Где они теперь, эти странные люди? Что с ними стало?..

В тусклом свете беспокойного пламени Человек-Овца долго разглядывал мое лицо. Огромная тень Человека-Овцы зловеще подрагивала на серой, в грязных разводах стене за его спиной. Невероятно разбухшая, будто намеренно преувеличенная тень.

– Давненько не виделась, а? – произнес Человек-Овца из-под маски. – А ты почти не изменился. Похудел, что ли?

– Похудеешь тут...

– Что там в мире? Ничего новенького? Долго здесь поживешь – перестаешь понимать, что на свете творится...

Я закинул ногу на ногу и покачал головой.

– Все как всегда. Отметить особо нечего. Пожалуй, сложнее немного стало, и все. Скорость выросла у вещей и событий... Но в целом то же самое. Принципиально нового – ничего.

Человек-Овца закивал головой.

– Стало быть, новая война еще не началась?

Я понятия не имел, какую из войн он считает последней, но на всякий случай опять покачал головой.

– Нет, – сказал я. – Еще не началась.

– Значит, скоро начнется, – произнес он тускло, без выражения и быстро-быстро потер руки в перчатках. – Ты уж поберегись. Не хочешь быть убитым – держи ухо востро. Война

обязательно будет. Всегда. Не бывает, чтоб ее не было. Даже если кажется, что ее нет, она все равно есть. Люди в душе любят убивать друг друга. И убивают, пока хватает сил. Силы кончаются – они отдыхают немного. А потом опять продолжают убивать. Так устроено. Никому нельзя верить. И это никогда не изменится. И ничего тут не поделаешь. Не нравится – остается только убежать в другой мир.

Овечья шкура на нем выглядела куда грязнее, чем раньше. Шерсть по всему телу засалилась и свалялась. Маска на лице тоже казалась потрепаннее той, что я помнил. Как будто все это было лишь дежурной сменой его обычной одежды. Хотя, возможно, мне просто так показалось – из-за этих сырых обшарпанных стен и тусклого мерцания свечи. А может, и оттого, что память наша вообще запоминает все в несколько лучшем виде, чем на самом деле. И все же не только одеяние Человека-Овцы, но и сам он смотрелся гораздо изможденнее и потрепаннее, чем прежде. За четыре года он постарел и скукожился. Время от времени он глубоко вздыхал, и эти вздохи странно резали слух. Будто что-то застряло в железной трубе – как ни продувай, лишь клацает о стенки и никак не выскочит наружу.

– Мы думали, ты придешь быстрее, – сказал Человек-Овца. – Потому и ждали все время. Недавно кто-то еще приходил. Мы подумали, ты. А оказалось, не ты. Кто-то забрел по ошибке. Странно. Другим так просто сюда не попасть. Но это ладно. Главное, мы думали, ты придешь гораздо быстрее.

Я пожал плечами.

– Я, конечно, догадывался, что приду. Что нельзя будет не прийти. Только решиться не мог... Часто сон видел. Об отеле «Дельфин». Один и тот же сон, постоянно. Но чтобы решиться, потребовалось время.

– Ты хотел об этом месте забыть?

– Хотел, – признался я. – И даже забыл наполовину... – Я посмотрел на свои пальцы. Тени меж них слегка подрагивали в беспокойном мерцании свечи (сквозняк? – удивился я про себя). – А забытое наполовину хотелось забыть совсем. И жить так, словно ничего не было...

– И все из-за твоего погибшего друга?

– Да, – ответил я. – Все из-за моего погибшего друга.

– Но в итоге ты все равно пришел сюда, – сказал Человек-Овца.

– Да, в конце концов я вернулся, – кивнул я. – Не вышло у меня про это забыть... Только начну забывать, тут же что-нибудь снова напомним. Наверное, оно, это место, очень много для меня значит. Постоянно кажется, будто я – его составная часть... Сам не знаю, что я этим хочу сказать, но... чувствую это очень ясно. Особенно во сне. Кто-то плачет и зовет меня. Почему я и решился прийти... Но ты все-таки объясни мне, что это за место? Где я сейчас нахожусь?

Человек-Овца очень долго смотрел на меня в упор. А потом покачал головой:

– Подробно мы и сами не знаем... Здесь очень простор-

но. И очень темно. Насколько просторно и насколько темно, это нам неизвестно. Мы знаем только об этой комнате. Об остальном – не знаем. Потому и рассказывать особенно нечего... Но раз ты все-таки пришел сюда, значит, тебе пора было прийти. Мы уверены. В этом не сомневайся. Значит, кто-то действительно о тебе плачет. И действительно в тебе нуждается. Если ты это чувствуешь, значит, так оно и есть. Вот и сюда ты вернулся не случайно. Как птица в родное гнездо. В природе так часто бывает. Не пожелай ты вернуться – считай, что и места бы этого не было...

И Человек-Овца снова быстро-быстро потер рукой об руку. Исполинская тень на стене заколыхалась в такт его движениям. Гигантское черное привидение, готовое наброситься на меня в любую секунду. Прямо как в комиксах-страшилках из раннего детства.

«Как птица в родное гнездо...» – повторил я про себя. А ведь и правда похоже. Именно так я и вернулся сюда – по какому-то зову, не рассуждая...

– Рассказывай, – тихо произнес Человек-Овца. – Расскажи о себе. Здесь твой мир. Стесняться нечего. Что на сердце лежит, о том и рассказывай не торопясь. У тебя там, похоже, много чего накопилось...

И я рассказал ему. Уставившись на эту громадную тень в тусклом мерцании свечи. Рассказал, что перенес, в какой переплет попал сейчас. Давно, бог знает как давно я ни с кем не говорил так откровенно. Медленно и осторожно, словно

растапливая глыбу льда, я каплю за каплей выщеживал перед ним свою душу.

Я рассказал, что, худо ли бедно, на жизнь себе зарабатываю. Только не двигаюсь никуда. И так, не двигаясь никуда, год за годом просто старею. Разучился любить. Просто утратил этот самый *трепет сердца*. И давно уже не понимаю, чего в этой жизни мне стоило бы хотеть.

Все, что от меня зависит, стараюсь выполнять в наилучшем виде. Честно стараюсь, изо всех сил. Только это не помогает. Лишь чувствую, как день за днем все больше отвердевает тело. Откуда-то изнутри, из самого сердца, грозя постепенно одеревенеть целиком. И я холодею от ужаса... Это место – единственный островок во Вселенной, с которым меня хоть что-то связывает. Будто я – его составная часть. Я не знаю, что это за место. Просто чую нутром: *я принадлежу ему...*

Человек-Овца слушал меня, не двигаясь и не говоря ни слова. Можно было подумать, что он уснул. Однако, едва я закончил, он тут же открыл глаза.

– Все в порядке, – тихо сказал Человек-Овца. – Тебе не нужно беспокоиться. Ты действительно *принадлежишь* отелю «Дельфин». До сих пор принадлежал. И всегда будешь принадлежать. Отсюда все начинается и здесь же заканчивается. Это место – твое. Твое навсегда. Здесь ты замыкаешься на всё и вся. А всё и вся замыкается на тебя. И вы сплетаетесь в единую паутину. Главный узел которой – здесь.

– Всё и вся? – переспросил я его.

– Все, что ты потерял. И все, что еще не успел потерять.

Все это собирается здесь воедино.

Я попытался осмыслить его слова. Но у меня ни черта не получилось. Слишком непостижимых, космических масштабов было то, что он говорил.

– А конкретнее? – попросил я.

Но Человек-Овца не ответил. Он не мог объяснить такое конкретнее. И лишь молча покачал головой. Спокойно покачал, и самодельные уши заплясали над ним вверх-вниз, точно крылья птицы. Еще яростнее заматались такие же крылья у зловещей тени на стене. Казалось, еще немного – и стена разлетится вдребезги.

– Это тебе скоро предстоит понять самому. Наступит время понять – поймешь.

– Ладно, – сдался я. – Но вот тебе еще одна загадка. Зачем хозяину прежнего отеля «Дельфин» понадобилось, чтобы и новый отель назывался по-старому? Для чего?

– Для тебя, – сказал Человек-Овца. – Название он берег, чтобы ты всегда мог сюда вернуться. Если б название поменялось, как бы ты понял, куда идти? А уж сам-то отель «Дельфин» никуда не исчезнет. Перестраивай ему здание, делай с ним что угодно – он останется. Что бы на свете ни происходило, он всегда будет здесь. И всегда будет ждать тебя.

Я не выдержал и нервно хихикнул:

– Для меня? Это что же получается, здоровенный гостиничный комплекс называют отелем «Дельфин» исключительно ради меня?

– Ну конечно. А что тут смешного?

Я покачал головой:

– Да нет, ничего... Удивительно просто. Слишком абсурдно звучит. Слишком нереально.

– Все реально, – сказал Человек-Овца. – Отель «Дельфин» совершенно реален. И вывеска «Dolphin Hotel» совершенно реальна. Разве вот это для тебя не реальность? – И он постукал указательным пальцем по крышке стола – даже пламя свечи заметалось от его стука. – Вот и мы, как видишь, существуем на самом деле. Реальнее не придумаешь. Сидим здесь и ждем тебя. И думаем про всё и вся. Как сделать, чтобы ты быстрее сюда добрался. Чтобы всё и вся увязалось между собой...

Я долго смотрел на дрожащее пламя свечи. И никак не мог поверить в то, что услышал.

– Послушай, но почему я? С какой стати затевать весь этот сыр-бор ради одного-единственного меня?

– Но это же твой мир... – произнес Человек-Овца таким тоном, будто объяснял заведомо очевидные вещи. – Что тут непонятного? Нужен тебе этот мир – он будет. Лишь бы ты действительно в нем нуждался. Поэтому мы все и помогали тебе, как могли. Чтобы ты поскорее добрался сюда. Чтобы здешний мир не разрушился. Чтобы он не исчез, заброшен-

ный и забытый. Вот и все.

– И что, я действительно принадлежу вот этому месту?

– Конечно. И я принадлежу. Все принадлежат. И все это – твой мир, – проговорил Человек-Овца. И поднял указательный палец. Исполинская тень на стене тоже подняла огромный указательный палец.

– Но что здесь делаешь ты? Кто ты такой?

– Мы – человек-овца! – сказал Человек-Овца. И хрипло засмеялся. – Сам видишь. Носим овечью шкуру и живем там, где люди нас не увидят. Нас ловили – мы в лес ушли. Давно это было. Очень давно, мы почти не помним. А кем были до того, не помним совсем. С тех пор и живем никому не заметные. Если долго жить так, чтоб тебя не могли заметить, и правда становишься незаметным. И однажды – уж не помним, когда, – лес куда-то исчез, и мы здесь очутились. Нам это место отведено, и мы его охраняем. Нам ведь тоже от ветра и дождя укрытие требуется. Даже в лесу каждому зверю норка своя полагается, верно?

– Ну еще бы, – поддакнул я.

– Здесь наша обязанность – все соединять. Как электрический коммутатор. Как коммутатор, мы соединяем собой всё и вся. В этом месте – главный узел, где все пересекается. И мы сидим здесь и все подключаем. Чтобы не перепуталось, как попало. Такое у нас назначение. Коммутатор. Все подсоединяет. Понадобилось тебе что-нибудь – ты забираешь это в свой мир, а мы уже подключаем ко всему остальному. По-

нятно?

– Вроде бы, – сказал я.

– Ну вот, – продолжал Человек-Овца. – Получается, что тебе без нас – никуда. Потому что ты запутался. Хочешь куда-то идти, а куда, не знаешь. Ты потерял связь с миром, мир потерял связь с тобой. Ты перепробовал многое, хватался за разные провода. Но того провода, который подключил бы тебя обратно, ты пока не нашел. И поэтому в душе твоей хаос. Тебе кажется, что ты ни к чему не подключен. Это действительно так.

Единственное место, с которым ты еще связан, – здесь.

С минуту я молчал, переваривая услышанное.

– Пожалуй, ты прав, – сказал я наконец. – Так оно и есть. Я потерял связь с миром, а мир потерял связь со мной. И в душе моей полный хаос. И я ни к чему не подключен. И единственное место, с которым я связан, – здесь... – Медленно, будто строгая ножом, проговаривал я фразу за фразой, глядя на собственные руки в дрожащих отблесках свечи. – Но я чувствую... Что-то пытается пробиться ко мне. Стоит только заснуть – и там, во сне, кто-то зовет меня, плачет из-за меня. Кажется, еще немного, и я к чему-то подключусь. Очень хорошо это чувствую. Понимаешь... Я действительно хочу попробовать переиграть все сначала. Но мне нужна твоя помощь.

Человек-Овца молчал. Я сказал, что хотел, и больше говорить было нечего. Воцарилась такая тишина, словно мы си-

дели в ужасно глубокой шахте. Эта тишина давила на плечи и порабощала сознание. Под ее давлением мои мысли стали похожи на глубоководных рыб, что в уродливых непроницаемых панцирях хоронятся на дне океана. И лишь изредка тишину нарушал слабый треск беспокойной свечи. Человек-Овца очень долго смотрел на пламя. Очень долго молчал. И наконец, медленно подняв голову, посмотрел на меня.

— Ну что ж, — сказал он. — Давай попробуем подсоединить к тебе это самое «что-то»... Но учти: за успех мы не ручаемся. Годы наши уже не те. И сил не так много, как раньше. Получится или нет, сами не знаем. Как уж сумеем. Но даже если получится, возможно, это не принесет тебе особого счастья. На этот счет — никаких гарантий. Вполне может быть, что тебе в твоём мире уже некуда больше идти. Мы, конечно, не утверждаем. Но ты сам говорил, многое в тебе затвердело. А того, что однажды затвердело, в прежнее состояние не вернуть. Все-таки ты уже не так молод...

— И что же я должен делать?

— Ты уже много чего потерял. Много большого и важного. Никто в этом не виноват. Дело не в том, кто виноват, а в том, чем ты затыкал свои дыры. Всякий раз, когда ты что-то терял, в тебе открывалась очередная дыра. И каждую такую дыру ты затыкал чем-то взамен утраченного. Будто метку ставил на память... А как раз этого делать было нельзя. Ты заполнял эти дыры тем, что должен был оставлять внутри. И раз за разом просто стирал себя самого... Зачем? Что

тебя заставляло?

– Не знаю, – ответил я.

– Хотя, может, и спрашивать так не годится. Может быть, это что-то вроде Судьбы. Даже не знаем, как тут сказать поумнее...

– Тенденция? – подсказал я.

– Ага, она самая. Тенденция. Вот мы и думаем... А вдруг, даже начав жить заново, ты все равно будешь делать так же? Раз уж такая тенденция? А если тенденции следовать долго, однажды наступит момент, когда назад уже не вернуться. Поздно. И даже мы не сможем помочь. Ведь мы умеем только сидеть здесь и все ко всему подключать. И кроме этого – ничего.

– Но что именно я должен делать? – спросил я его еще раз.

– Как мы уже сказали, мы сделаем, что умеем. Попробуем правильно тебя подключить, – ответил Человек-Овца. – Но одного этого будет мало. Дальше ты сам должен стараться изо всех сил. Будешь на одном месте сидеть да о смысле жизни думать, ничего не получится. Все пойдет псу под хвост. Это тебе понятно?

– Да это как раз понятно, – сказал я. – Но, черт возьми, что конкретно я должен делать?

– Танцуй, – сказал Человек-Овца. – Пока звучит музыка, продолжай танцевать. Понимаешь, нет? *Танцуй и не останавливайся.* Зачем танцуешь – не рассуждай. Какой в этом смысл – не задумывайся. Смысла все равно нет и не было

никогда. Задумаешься – остановятся ноги. А если хоть раз остановятся ноги, мы уже ничем не сможем тебе помочь. Все твои контакты с миром вокруг оборвутся. Навсегда оборвутся. Если это случится, ты сможешь жить только в здешнем мире. Постепенно тебя затянет сюда целиком. Поэтому никак нельзя, чтобы ноги остановились. Даже если все вокруг кажется дурацким и бессмысленным, не обращай внимания. За ритмом следи и продолжай танцевать. И тогда то, что в тебе еще не совсем затвердело, начнет потихоньку рассасываться. В тебе непременно должны оставаться еще не затвердевшие островки. Найди их, возьми их себе. Выжми себя как лимон. И помни: бояться тут нечего. Твой главный соперник – усталость. Усталость – и паника от усталости. Это с каждым бывает. Станет казаться, что весь мир устроен неправильно. И ноги начнут останавливаться сами собой...

Я поднял голову и уставился на гигантскую тень за его спиной.

– А другого способа нет, – продолжал Человек-Овца. – Обязательно нужно танцевать. Мало того: танцевать *очень здорово* и никак иначе. Так, чтобы все на тебя смотрели. И только тогда нам, возможно, удастся тебе помочь. Так что – танцуй. Пока играет музыка – танцуй.

ПОКАИГРАЕТМУЗЫКАТАНЦУЙ...

В голове опять разгулялось эхо.

– Слушай, а этот твой *здесьшний мир*... Что это вообще такое? Ты говоришь, если я совсем затвердею, меня из «та-

мошнего» мира затянет в «здесьшний». Но «здесьшний» мир – это и есть мой мир, разве нет? Он для меня же и существует, не так ли? Что же плохого, если я просто вернусь в свой собственный мир? Ты сам сказал, что этот мир – совершенно реальный.

Человек-Овца покачал головой. Гигантская тень на стене заколыхалась, вторя его движениям.

– Здесьняя реальность – не такая, как тамошняя. Здесь тебе пока еще жить нельзя. Слишком темно, слишком много места. Нам трудно объяснить словами. К тому же, как мы сказали, всех подробностей мы и сами не знаем. Конечно, этот мир совершенно реальный. И наша встреча с тобой, и этот разговор – все происходит на самом деле. В этом можешь не сомневаться. Однако не думай, что реальность бывает только одна. Реальностей сколько угодно. И вариаций одного и того же сколько угодно. Мы для себя выбрали здесьнюю реальность. Потому что здесь нет войны. И еще потому, что нам нечего было выбрасывать. А у тебя все не так. В тебе еще много жизни теплится. Для нынешнего тебя здесь слишком холодно. И еды никакой. Тебе сюда никак нельзя...

И в самом деле: я вдруг заметил, что температура в комнате падает. Я спрятал руки в карманы и зябко поежился.

– Что? Холодно? – спросил Человек-Овца.

Я кивнул.

– Значит, нужно торопиться, – покачал он головой. – Скоро станет еще холоднее. Уходи скорей. Иначе совсем замерз-

нешь.

– Последний вопрос, – сказал я. – Как раз вспомнил. Вернее, только сейчас внимание обратил... У меня такое ощущение, будто я до сих пор всю жизнь искал встречи с тобой. И даже встречал твою тень – в самых разных местах. Эта твоя тень принимала разные очертания, но присутствовала в тамошнем мире постоянно. Такая бледная, расплывчатая, сразу и не разглядеть. Или даже не полностью тень, а ее отдельные фрагменты... Хотя теперь вспоминаю – вроде бы и вся целиком... Такое вот ощущение.

Человек-Овца лишь развел руками.

– Что ж, все верно. Ты прав. Так оно и было. Наша тень там все время присутствовала. То целиком, то кусочками...

– Но тогда непонятно, – продолжал я. – Сейчас-то я вижу тебя совершенно отчетливо. То, что раньше не мог, теперь могу. Отчего бы это?

– Оттого, что ты уже много чего потерял, – очень тихо сказал он. – У тебя осталось гораздо меньше мест, куда можно дальше идти. И потому тебе стало виднее, как выгляжу я.

Что он хочет сказать, я совершенно не понимал.

– Так что же здесь – загробный мир?

– Нет, – резко сказал он. И, глубоко вздохнув, передернул плечами. – Здесь не загробный мир. Мы-то с тобой оба живые. Абсолютно живые – что ты, что мы. Сидим здесь, воздухом дышим и беседы беседуем. Все здесь – совершенно реально.

– Ничего не понимаю.

– Танцуй! – повторил он. – Другого способа нет. Мы бы объяснили тебе побольше. Если бы могли. Но ничего *больше* мы объяснить не можем... Танцуй. Не задумывайся ни о чем – просто танцуй, и как можно лучше. Ты должен танцевать. Иначе ничего не получится...

Температура в комнате продолжала стремительно падать. Содрогаясь всем телом, я вдруг вспомнил, что однажды уже переживал подобные холода. Точно такой же ледяной воздух, пробиравший липкой сыростью до костей. В далеком-далеком прошлом, далеко-далеко отсюда. Вот только не мог вспомнить, где. Казалось, еще немного – и вспомню. Но вспомнить не удавалось. Нужный для этого участок мозга застыл, как парализованный. Застыл и превратился в камень.

ИПРЕВРАТИЛСЯВКАМЕНЬ...

– Скорей уходи отсюда, – сказал Человек-Овца. – Иначе замерзнешь до смерти. А с нами ты еще встретишься. Всегда, когда сам захочешь. Мы-то здесь все время сидим. Сидим и тебя дожидаемся...

Волоча ноги, он проводил меня до поворота. *Шур-р-р, шур-р-р, шур-р-р*, – раздавались его шаги в темноте. А потом я простился с ним. Без рукопожатия, без каких-то особых слов. Просто сказал: прощай. И в этой крошечной тьме мы расстались. Он заковылял в свою тесную каморку, а я направился к лифту. Нажал на кнопку – и лифт неторопливо поехал вверх. Двери беззвучно открылись, яркий свет окатил

меня мягкой волной. Я ступил в кабину, прислонился к стене и простоял так какое-то время. Двери лифта автоматически закрылись, а я все стоял, не в силах пошевелиться.

Итак... – подумал я. Однако дальше никакой мысли не возникало, хоть тресни. Мое сознание напоминало Вселенский Вакуум, в центре которого находился микроскопический я. Куда ни двигайся, сколько ни беги – вокруг одна пустота. Ни одна мысль ни к чему не вела и ничем не заканчивалась. Усталость и паника все больше овладевали мной. Как и предупреждал Человек-Овца. И в этой Вселенной я был один-одинешенек. Точно ребенок, заплутавший в лесу.

Танцуй, сказал Человек-Овца.

Танцуй, повторило эхо в моей голове.

– *Танцуй!* – произнес я на пробу вслух. И нажал на кнопку пятнадцатого этажа.

Я вышел из лифта – и динамики в потолке поприветствовали меня «Лунной рекой» в исполнении Генри Мантини. Я вернулся в реальность. В эту реальность, где уже вряд ли буду счастлив когда-нибудь – и в которой, похоже, мне некуда больше идти.

Я машинально взглянул на часы. Время возвращения в реальность – три двадцать утра.

Итак, – подумал я снова.

ИТАК-ИТАК-ИТАК-ИТАК-ИТАК... – отозвалось эхо.

И я глубоко вздохнул.

В номере я первым делом набрал полную ванну горячей воды – и медленно погрузил туда окоченевшее тело. Однако согреться так просто не получалось. Тело промерзло до самых печенок, и горячая вода лишь усиливала ледяную стужу внутри. Я собирался просидеть так, пока эта стужа не растопится, но в голове начал твориться такой маразм, что из ванны поневоле пришлось вылезать.

В комнате я прижался лбом к оконному стеклу и немного остудил голову. Потом налил в бокал бренди сразу пальца на три, проглотил одним махом и тут же забрался в постель. Я изо всех сил пытался уснуть – ни о чем не думая, с пустой головой. Не тут-то было. Уснуть не получалось хоть тресни. Мысли в голове отвердевали, превращаясь в кучку булыжников. Я обхватил голову руками и пролежал так, пока за окном не забрезжил рассвет. Небо застили пепельно-серые тучи. Снег еще не пошел, но висели эти тучи так плотно, что своей унылой бесцветностью выкрасили весь город до последнего уголка. Куда ни глянь, все сделалось пепельным. Зброшенный город отчаявшихся людей.

Заснуть не получалось, но вовсе не от тяжелых мыслей. Я слишком устал, чтобы думать о чем бы то ни было. И тело, и душа отчаянно требовали сна. Только какой-то непонятный участок мозга, каменея все больше, наотрез отказы-

вался засыпать и действовал мне на нервы. Так раздражают таблички с названиями станций в окне скорого поезда. Приближается очередная – и я опять напрягаю внимание, чтобы успеть прочесть иероглифы, но тщетно. Слишком большая скорость. Смутный образ написанного мелькает в окне. Но что за слово, не разобрать: миг – и все позади. И так без конца. Станция за станцией. Провинциальные городишки с никому не известными именами. Пролетая мимо каждого, поезд издает гудок за гудком, и эти пронзительные вопли, как пчелы, вливаются в мозг...

Так продолжалось до девяти. Увидав наконец, сколько времени, я совершенно отчаялся заснуть и выбрался из постели. Поплелся в ванную и начал бриться. Чтобы побриться как полагается, пришлось несколько раз напомнить самому себе вслух:

– Я – бреюсь! – Добрившись-таки, я оделся, причесался и отправился завтракать. В ресторане, усевшись за столик у окна, я заказал себе «завтрак-континенталь», но в итоге просто выпил две чашки кофе и съел один тост. На это потребовалась уйма времени. В тусклом свете облаков тост казался пепельным, как и все остальное, а по вкусу напоминал клочок слежавшейся ваты. Погода была идеальной для предсказания Конца Света. Допивая кофе, я в пятидесятый раз елозил глазами по страничке утреннего меню. Булжники в голове никак не хотели рассасываться. Скорый поезд мчался мимо станций без остановок. Гудки его по-прежнему бура-

вили мозг. А мысли в этом мозгу все больше походили на застывающие кляксы зубной пасты.

Посетители за соседними столиками завтракали вовсю. Сыпали сахар в кофе, мазали маслом тосты и вилками-ножами резали яичницы с ветчиной. *Клац, клац, клац*, — беспрерывно разносилось по залу. Прямо не ресторан, а мастерская по ремонту автомобилей...

Я вспомнил Человека-Овцу. Прямо сейчас, в этот самый момент он по-прежнему существует. В этом отеле, в какой-то из щелей пространства-времени ждет меня в своей комнатенке. И пытается что-то мне объяснить. Только все бесполезно. Я не успеваю прочесть. Слишком большая скорость. Голова превратилась в булыжник и не считывает ни черта. Я могу прочесть только то, что стоит на месте: **(А) Завтрак Континенталь: сок (апельсиновый, грейпфрутовый или томатный), тосты с маслом и...** Кто-то пытается заговорить со мной. И ждет от меня ответа. Кто бы это мог быть? Я поднимаю взгляд. Официант. Стоит в белом форменном пиджаке и сжимает руками кофейник. Будто это не кофейник, а почетный кубок «Лучшему официанту Вселенной».

— Не угодно ли еще кофе? — вопрошает он очень вежливо. Я качаю головой. Он исчезает, я подымаюсь и выхожу из ресторана. *Каац, клац, клац* — никак не смолкает у меня за спиной.

В номере я снова забрался в ванну. Стужа в теле почти

унылась. Я вытянулся в воде во весь рост и начал сосредоточенно, словно распутывая клубок веревки, выпрямлять и разогревать одну за другой конечности. Так, чтобы в итоге каждый палец задвигался как положено. Вот оно, думал я, мое тело. Здесь и сейчас. В реальном гостиничном номере, в реальной ванне. Никакого поезда. Никаких гудков. Никакой необходимости читать названия станций. Как и думать о чем бы то ни было.

Я вылез из ванны, приплелся в комнату, плюхнулся на постель и взглянул на часы. Пол-одиннадцатого. Черт бы меня побрал... Может, плюнуть на сон да пойти прогуляться? Я принялся над этим раздумывать, но тут-то меня и сразил совершенно внезапный сон. Мгновенный, как в театре, когда на сцене вдруг гасят свет. И само это мгновение я запомнил очень отчетливо. Откуда ни возьмись передо мною возникла огромная пепельно-серая обезьяна с кувалдой в лапе и шаркнула меня ею по лбу. Так сильно, что в сон я провалился, как в обморок.

Во сне было жестко и тесно. И темно, хоть глаз выколи. И музыки никакой. Ни тебе «Грустной любви», ни «Лунной реки». Тоскливый такой сон, без прикрас. «Какое число идет после шестнадцати?» – спрашивает меня кто-то. «Сорок один», – отвечаю я. «Спит как убитый», – говорит Пепельная Обезьяна. Все правильно, именно так я и сплю. Свернувшись, точно белка в дупле, внутри черного шара. Огромного чугунного шара, из тех, какими обычно ломают

дома. Только у этого внутри пусто. Там, внутри, лежу я и сплю как убитый. Жестко, тесно, тоскливо.

Кто-то снаружи зовет меня.

Гудок поезда?

«Нет! Неправильно! Не угадал!...» – радостно вопят чайки.

Похоже, мой шар собираются накалить на огромной газовой горелке. Именно такие звуки я слышу...

«Опять неправильно! Думай дальше!» – кричат чайки в унисон, как хор в древнегреческой трагедии.

«Да это же телефон!» – осеняет меня.

Но чайки молчат. Никто больше не отвечает мне. Куда исчезли все чайки?

Я нашарил телефон у подушки и снял трубку:

– Слушаю.

Долгий гудок – вот и все, что я там услышал. *Дз-з-з-з-з!* – продолжало раздаваться по всему номеру.

Звонят в дверь! Кто-то стоит в коридоре и давит на кнопку звонка. *Дз-з-з-з.*

– Звонят в дверь, – произнес я вслух.

Но чайки куда-то исчезли, и никто не похвалил меня за догадливость.

Дз-з-з-з-з.

Завернувшись в банный халат, я подошел к двери и открыл, не спрашивая.

Как и в прошлый раз, она бесшумной тенью скользнула в

дверь и тут же заперла ее изнутри.

Голова моя просто раскалывалась – в том месте, по которому шарахнула Пепельная Обезьяна. «Вот дура, не могла ударить чуть послабее?» – ругнулся я. Кошмарная боль. Будто дырку мне там пробили.

Она оглядела мой халат, потом лицо. И озабоченно сдвинула брови:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.